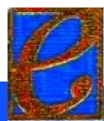


СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЫ

Серия «Становление Европы»

Серия «Становление Европы» издается при финансовой поддержке Международного фонда гуманитарных исследований «Толерантность».

Издательство выражает признательность Елене Костюкович за помощь в организации русского издания серии. Мы также благодарим Игоря Александрова за помощь в подготовке этой книги.

Идет строительство Европы. С этим связываются большие надежды. Их удастся реализовать, только учитывая исторический опыт: ведь Европа без истории была бы подобна дереву без корней. День сегодняшний начался вчера, будущее всегда обусловлено прошлым. Прошлое не должно связывать руки настоящему, но может помочь ему развиваться, сохраняя верность традициям, и создавать новое, продвигаясь вперед по пути прогресса. Наша Европа, территория, расположенная между Атлантикой, Азией и Африкой, существует с давнего времени: ее пределы определены географией, а нынешний облик формировался под воздействием истории — с тех самых пор, как греки дали ей имя, оставшееся неизменным до наших дней. Будущее должно опираться на это наследие, которое накапливалось с античных, если не с доисторических времен: ведь именно благодаря ему Европа в своем единстве и одновременно многообразии обладает невероятными внутренними богатствами и поразительным творческим потенциалом.

Серия «Становление Европы» была основана пятью издательствами в различных странах, издающими книги на разных языках: «Бек» (Мюнхен), «Бэзил Блэк-велл» (Оксфорд), «Критика» (Барселона), «Латерца» (Рим) и «Сёй» (Париж). Задача серии — рассказать о становлении Европы и о неоспоримых достижениях на пройденном пути, не скрывая проблем, унаследованных от прошлого. На пути к объединению наш континент пережил периоды разобщенности, конфликтов и внутренних противоречий. Мы задумали эту серию потому, что, по нашему общему мнению, всем, кто участвует в строительстве Европы, необходимо как можно полнее знать прошлое и представлять себе перспективы будущего. Отсюда и название серии. Мы считаем, что время писать сводную историю Европы еще не настало. Сегодня мы предлагаем читателям работы лучших современных историков, причем кто-то из них живет в Европе, а кто-то — нет, одни уже добились признания, другие же пока не успели. Авторы нашей серии обращаются к основным вопросам европейской истории, исследуют общественную жизнь, политику, экономику, религию и культуру, опираясь, с одной стороны, на давнюю историографическую традицию, заложенную Геродотом, с другой — на новые концепции, разработанные в Европе в XX веке, которые глубоко преобразовали историческую науку, особенно в последние десятилетия. Благодаря установке на ясность изложения эти книги будут доступны самой широкой читательской аудитории.

Мы стремимся приблизиться к ответу на глобальные вопросы, которые волнуют сегодняшних и будущих творцов Европы, равно как и всех людей в мире, кому небезразлична ее судьба: «Кто мы такие? Откуда пришли? Куда идем?»

Жак Ле Гофф

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача этой книги — кратко проследить путь, который прошла Европа, вступая в контакт с исламом: выявить причины, по которым это произошло, обозначить исторический процесс, в ходе которого развивались эти отношения, показать многообразие аспектов, концепций и форм предвзятого отношения, а порой и дезинформации, то есть всего того, что обусловило видение ислама европейцами. В этой книге намеренно не освещается восприятие Европы исламским миром (несмотря на многочисленные упоминания о ней, которые обнаружит читатель, поскольку совсем не коснуться было бы немыслимо). Для тех же, кого заинтересует эта проблема, прекрасным подспорьем может послужить, например, работа Бернарда Льюиса «Мусульмане: открытие Европы».

Ислам, о котором пойдет речь в этой книге, — в первую очередь ислам стран Средиземноморья. Это вполне понятно и в каком-то смысле неизбежно, если учесть особенности реального исторического процесса: именно с этими странами европейцы довольно быстро вступили в контакт и затем всячески поддерживали и развивали установившиеся отношения. С другой стороны, нельзя забывать о том, что ислам — явление далеко не однородное. Более того, существует большое многообразие разновидностей ислама — как и разновидностей христианства, — которые характеризуются внутренним единством, связывающим всех верующих в мире в одну общину; но при этом все они исторически развивались в особых формах и по особым законам. Южноевропейская историко-филологическая традиция и культура восприимчивы особым, если не исключительным, образом к турецкому, ближневосточному и североафриканскому исламу, которые, впрочем, тесно связаны между собой. Поэтому тем, кто считает южноевропейскую традицию и культуру своей, стоит обратить внимание на другие части Европы, в которых действовали иные исторические и политические факторы. Например, немцы, поляки, русские (и в определенной степени также народы балтийских и центральноевропейских стран) до XVIII–XIX веков испытывали интерес главным образом к Ближнему Востоку и Средней Азии. Что же до англичан, португальцев и голландцев, то для них большое значение имели индийский и восточноазиатские регионы, которые не входят в круг интересов жителей стран Южной Европы. Конечно, мы говорим о среднестатистическом южноевропейце, базовые знания которого обусловлены школьной программой и средствами массовой информации. В этой связи необходимо заметить, что мы постоянно проводим различие между «Ближним Востоком», «Средним Востоком» и «Дальним Востоком» и стараемся не называть «Ближним Востоком» территорию, заключенную между Левантом, Евфратом и Аравийским полуостровом. Разумеется, возникает вопрос, не являются ли такие выражения «европоцентристскими»; но таковыми были бы и выражения «Западная Азия», «Центральная Азия» и «Восточная Азия», так как само понятие «Азия» порождено европейской культурной традицией. Возможно, усилия сохранить политкорректное здесь — более чем где-либо — будут сбивать читателя с толку: ведь при использовании любого языка неизбежно проявится определенный культурный этноцентризм, так как он заложен уже на уровне лексики, морфологии и грамматики.

Множество друзей и коллег оказали мне неоценимую помощь в написании этих страниц. Для меня, как не специалиста по исламу, особенно ценными были советы Сальваторе Боно, Массимо Кампанини, Халеда Фуада Аллама, Махмуда Салема Альшейха и Клелии Сарнелли Черкуа. Отдельная благодарность — Жан-Пьеру Бардо за внимательное и вдумчивое прочтение моей книги.

Я выражаю также благодарность всем, кто давал мне в ходе работы над книгой полезные советы и рекомендации.

Европа и Азия, христианство и ислам: сравнение и ошибки

Сравнение европейского мира с исламским, как бы оно ни производилось, всегда имеет характер противопоставления. Возможно, оттого, что такое сравнение по-прежнему воспринимается — по крайней мере, подсознательно — как постоянное или возобновляющееся историческое столкновение между христианством и исламом. Сегодня уже невозможно всерьез воспринимать выражение Новалиса «Христианский мир, или Европа» («Christenheit oder Europa»), — это всего лишь риторическая фигура. Процесс секуляризации — неотъемлемая черта жизни современного Запада — более не позволяет отождествлять Европу ни с христианством вообще, ни с какой-то из его разновидностей. Тем не менее, с тех пор как западный мир — который, в свою очередь, нельзя полностью отождествлять с Европой, — с растущим беспокойством стал наблюдать за распространением исламских движений, не вполне правильно названных «фундаменталистскими» (хотя и ислам, разумеется, нельзя полностью идентифицировать с разными видами «фундаменталистской» идеологии), в Европе появилась тенденция видеть в исламе по меньшей мере потенциального противника. Эту тенденцию можно было бы считать новой, если бы многие европейцы не воспринимали ее скорее как revival, повторение, dejä vu, возобновление противостояния — очень давнего и, можно сказать, укоренившегося в исторической, политической и географической реальности.

Таким образом, возникает вопрос: не является ли сопоставление Европы и ислама, воспринимаемое более или менее как противопоставление, не совсем удачной аналогией противопоставления Запада и ислама (или прогресса и ислама, что усложнило бы проблему из-за тенденции считать прогресс неотделимым от Запада) или же продолжением древнего классического поединка между Европой и Азией, обозначенного еще Эсхилом в «Персах»? Позже Гиппократ интерпретировал такое противостояние в трактате «О видах атмосферы» («De aeribus») с природно-климатической и с политической точки зрения (азиатов, по его мнению, сделали трусливыми мягкий климат и монархическое правление, а европейцев активными и воинственными — более суровый климат и общественные свободы), Аристотель же в «Политике» объяснял его «естественным» различием нравов. Но если нельзя больше отождествлять христианский мир и Европу, тем более невозможно сводить Азию к исламу и наоборот. Как известно, не вся Азия является мусульманской, а дар ал-ислам («территория ислама») простирается далеко за пределы Азии.

К этому стоит добавить «асимметрию» (по крайней мере, кажущуюся) между самими терминами «Европа» и «ислам». В самом деле, один из них обозначает часть света, а другой — религию. Однако — вот и первый концептуальный ключ, позволяющий разрешить нашу дилемму, — приведем высказывание Бернарда Льюиса:

Асимметрия тут скорее мнимая. «Европа» — это понятие, созданное европейцами, так же, как вся система континентов, в которой Европа занимала главное положение. Европа замыслила и создала Европу; Европа открыла Америку, дала ей название и в каком-то смысле создала ее. Еще раньше Европа изобрела как Азию, так и Африку, чьи жители до XIX века, когда настала эра европейского господства в мировом масштабе, ничего не ведали о названиях, национальной принадлежности и прочих классификациях, придуманных европейцами для своего внутреннего пользования.

Ислам — это не географическая область: это религия. Но для мусульман слово «религия» содержит совсем другой смысл, чем для христиан современности или средневековья […] Для мусульман ислам — это не просто система веры и культа […] Это скорее образ жизни в широком смысле, и его нормы включают элементы гражданского, уголовного и даже конституционного права в нашем понимании.

Но такие оппозиции, как «Европа/Азия», «Запад/Восток», имеют давние исторические и геополитические предпосылки, и оно шире такого понятия, как противостояние между Европой и исламом. Впрочем, нет недостатка в тех, кто утверждает, что в определенные периоды — например, в эпоху крестовых походов или во времена гегемонии Османской империи в восточном Средиземноморье и на Балканах — дуэль между Европой и Азией, между Западом и Востоком принимала вид того, что принято называть «поединком креста и полумесяца» (что не вполне правильно с точки зрения символики). Если сегодня мы, не ограничиваясь сведениями древних географов, проследим, как развивались современные понятия о Европе и европейском самосознании, мы увидим, что ислам, в числе прочих факторов, содействовал формированию этих понятий — пусть и, так сказать, «от противного». Неоднократные всплески мусульманской агрессии против Европы — с VII–VIII по X века, а затем с XIV по XVIII-й (неважно, была ли агрессия реальной, или ее считали таковой европейцы) — способствовали рождению самой Европы. И если кое-кто из историков называл пророка Мухаммеда «отцом-основателем» Европы (не парадоксально ли?), то возникает вопрос, не сыграли ли позже аналогичную роль турецкие султаны Мехмед II и Сулейман Великолепный? Ведь они, вынуждая европейцев защищаться и искать пути и способы совместных действий, содействовали их самоопределению — как в собственных глазах, так и перед лицом «Другого».

Мусульмане за пределами ал-Магриб ал-Акса

Средневековые авторы единодушно придерживались распространенной (хотя, возможно, и ошибочной) точки зрения, что Европа, по определению, есть главный — если не единственный — оплот христианства. Отсюда происходит другое общепринятое мнение: нехристианин, проживающий на территории Европы, — чужак и захватчик. Так, неизвестный толедский священник, который в середине VIII века в своем «Испанском продолжении» («Continuatio Hispanica») продолжал «Историю» («Historiae») Исидора Севильского, называл европейцами («Europenses») победителей в битве при Пуатье 732 года (по другой версии, состоявшейся в 733 году). Но возникает вопрос: чувствовал ли он себя «Europensis» потому, что был христианином, — или потому, что Пиренейский полуостров, согласно античным географическим представлениям, входил в состав Европы? Или же он с горечью полагал, что таковым считать себя не может — с тех пор как арабо-берберы, захватив Пиренейский полуостров, присоединили его к дар ал-исламу? Это предполагало бы наличие непостоянных границ и строгое разграничение Европы и дар ал-ислама, что, в свою очередь, исключило бы возможность говорить о некой «мусульманской Европе» применительно к европейским территориям, завоеванным исламом и заселенным мусульманами или теми, кто недавно обратился в эту новую веру.

Теперь уже лишены смысла споры о том, действительно ли поражение мусульман при Пуатье остановило их нашествие на Европу, или же это был скорее симптом усталости захватчиков, не имевших сил двигаться дальше. Лишены смысла потому, что значение этой битвы сегодня представляется весьма скромным, а также потому, что распространение ислама в VII–X веках нельзя называть завоеванием. Арабы никогда не располагали таким количеством воинов, чтобы за несколько десятилетий завоевать территорию, простирающуюся по широте от Геркулесовых столбов до Инда и Сырдарьи, а по долготе — от Кавказа до Нубии. Со времен халифов, непосредственных преемников Пророка, — то есть с тридцатых годов VII века, — распространение ислама никогда не выглядело коротким и сокрушительным военным нашествием и тем более не представало как Völkerwanderung. Скорее это был непрерывный, долгий, хотя и не всегда гладкий, процесс завоевания территорий и последующего (чаще всего добровольного) обращения в ислам социальных групп, переживавших упадок или кризис. Речь идет, к примеру, о христианах-монофизитах Сирии и Египта, притесняемых византийскими властями, или об иранцах, подданных сасанидского шаха, желавших освободиться от дряхлой и бессильной власти и вновь объединиться вокруг новой идеи — вокруг формулы покорности Богу, провозглашенной Его пророком Мухаммедом… Многие, тем не менее, предпочитали сохранить свою веру и платить джизйа — подушную подать и харадж — налог, обязательный для всех немусульманских землевладельцев, а также мириться с тем, что их будут считать диммий, что означает «находящийся под защитой», но также и «подчиненный». Но в целом они демонстрировали тем самым, что правление неверных устраивает их больше, чем правление единоверцев.

Как бы то ни было, миф о битве при Пуатье, начало которому положил в своем ярком труде Эдуард Гиббон, сильно повлиял на всех, кто писал историю Европы. В определенном отношении этот миф способствовал осмыслению ее как истории противостояния исламу. Не будь Пуатье и подвига Карла Мартелла, — так говорится у Гиббона, — в Оксфорде муэдзины славили бы имя Аллаха, в знаменитом университете изучали бы Коран, и вся мировая история пошла бы по другому пути.

Нет смысла пересматривать роль битвы при Пуатье: хотя развенчивать мифы, конечно же, надо с осторожностью, следует признать, что больше никто из историков не верит в ее решающее значение. Фраза «историческое сражение при Пуатье» сохранилась лишь как стереотип в средствах массовой информации — а ведь нет ничего труднее, чем искоренять подобные стереотипы. Мы прекрасно знаем, что миф о победе, одержанной между Туром и Пуатье, в нескольких километрах к северо-востоку от слияния Вьенны и Крезы, сознательно раздували при дворе франкских королей и римских пап, чтобы увековечить славу «франкской нации» — «возлюбленной дочери Римской церкви». Возможно, здесь также присутствовало стремление противопоставить что-нибудь победам византийского императора Льва III Исаврийца: в 718 году он вынудил мусульман прекратить осаду Константинополя, начатую годом ранее, и активно оспаривал их господство на Черном и Эгейском морях, а также в центральной части Средиземного моря — так что мусульмане на долгое время отказались от попыток проникнуть в Малую Азию. Но представители римской Церкви, конечно, не могли прославлять иконоборца Льва III; позднее отрицательный образ императора дополнил сам факт его принадлежности к византийской цивилизации, которую на Западе долгое время рассматривали как презренную, упадочническую, выродившуюся. Миф о Пуатье, с XVIII века и до наших дней, способствовал на самом деле тому, чтобы скрыть если не отсутствие, то недостаточность и неточность сведений об исламе в европейских источниках того времени. С другой стороны, период грандиозной мусульманской экспансии совпал с затяжным кризисом западноевропейского мира, поэтому отсутствие сведений или их недостоверность объясняется в первую очередь невежеством и дезинформацией. Однако надо учесть, что в тогдашних условиях, наверное, было трудно и по большому счету бессмысленно отличать мусульман от прочих завоевателей и приписывать им какую-то особую роль. Неоднократно было сказано о том, что Западная Римская империя в 476 году «пала незаметно»; возможно, что до VIII века исламская экспансия для Европы была также незаметна, или, лучше сказать, малозаметна на фоне всех других нашествий. Для сравнения: о битве при Пуатье гораздо больше говорят мусульманские источники, где она фигурирует как Балат ал-шухада' («Дорога мучеников») и ей придается немалая, хотя и не первостепенная, важность.

Конечно, не стоит удивляться тому, как обстояли дела на отсталом европейском Западе, коль скоро даже более осведомленные византийцы довольно поздно поняли, что мусульман не стоит считать barbaroi (варварами), как всех остальных, и не сразу осознали, насколько важным явилось возникновение новой религии — ислама.

В раннем средневековье обитатели Западной Европы узнали от византийцев загадочное слово «саррацины», которое позже было исправлено и облагорожено, приняв форму «сарацины», и с помощью «легкого прочтения», lectio facilior — приема, дающего весьма сомнительные результаты, — истолковано как «сыны Сарры». Слово это употреблялось не совсем правильно, поскольку первоначально обозначало народ,

происходивший из «счастливой Аравии» и связанный родством с племенем, возникшим, согласно Книге Бытия, от союза Авраама не с законной супругой Саррой, а со служанкой, египтянкой Агарью. Таким образом, если племена пустыни, согласно устоявшейся традиции, были потомками патриарха и служанки, то есть единокровными братьями народа Израиля через их сына Измаила (откуда происходит название «исмаилиты»), то более подходящим термином (который в самом деле авторитетно и законно засвидетельствован) было бы скорее слово «агаряне». Связывание «сарацинов» с «Саррой» — это, возможно, более позднее и ложное этимологическое толкование, основанное на неправильном понимании слова, заимствованного из арабского или сирийского языка. Его пытались сопоставлять с различными арабскими словами. Маловероятно, что оно происходит от шарк («Восток»), так как первая мусульманская волна, захлестнувшая Сирию, шла скорее с юга — если, конечно, название «сарацины» не возникло в Египте; в то же время вполне правдоподобной выглядит его связь со словом шарук, «ветер пустыни» (не путать с шаракаййа, «сирокко»). У других это слово ассоциировалось с ордами разбойников из пустыни и их обычаем собираться для набегов в большие группы: соответственно, «сарацины» выводится из шарк («объединившиеся люди») или из шарика («общество», «компания»). Кроме того, существует предположение, что сарацин называли так оседлые племена, страдавшие от их набегов, и слово это происходит от сарк («грабеж», «кража») и сарака («грабить»); отсюда родственные понятия сарик («грабитель») и саррак («вор», «мошенник»).

И вот те, кого древние тексты называют «исмаилитами», «агарянами» или «сарацинами», вскоре становятся объектом первостепенного внимания европейских хронистов. Нам очень мало известно об обвинениях в поисках контактов с сарацинами, предъявленных Папе Мартину I (649–653), который нуждался в союзниках для борьбы с императором Константом II, сторонником монофелитства: в любом случае, речь шла о первых попытках мусульман начать экспансию в Средиземноморье, попытках, которые в те годы весьма беспокоили Византию. Несомненно одно: в конце VII — начале VIII веков общество, унаследовавшее традиции Западной Римской империи, сформировавшееся в конце IV века под влиянием кодекса Феодосия и включившее в себя «варварские» элементы, из которых развились монархии, — то есть «западноевропейское», как на то время мы уже можем его называть, — не располагало никакими средствами для отпора сарацинскому нашествию, которое через несколько десятилетий обрушилось на европейские берега.

Между тем завоевание мусульманами Средиземноморья уже началось. После того как Сирия и Палестина в 633–640 годах, а Египет — в 639–646 годах, были захвачены арабами, сирийские и египетские моряки либо приняли новую веру, либо так или иначе перешли на службу к последователям Пророка. Причем делали они это добровольно, будучи в большинстве своем христианами-монофизитами и, следовательно, подвергаясь дискриминации со стороны византийских властей. В 649 году претендовавший на титул халифа наместник Сирии Му'авийа ибн Абу Суфйан, двоюродный брат халифа Усмана и будущий основатель халифской династии Омейядов, напал на Кипр. Уже в 652 году произошло несколько набегов на Сицилию, принадлежавшую тогда Византии; три года спустя крупное морское сражение при Финиксе, у берегов Ликии, обозначило кризис византийского морского господства. В нем потерпел поражение сам император Констант II— а ведь он командовал флотом из 500 кораблей.

Народы отсталой на то время Западной Европы, по большей части все еще средиземноморской (ее граница шла по Рейну, а затем по верхнему течению Дуная), обо всех этих событиях ничего не знали и, в любом случае, не сумели бы в них разобраться. Однако скудость информации объясняется не столько неосведомленностью западных летописцев об исламе — которая, несомненно, тоже имела место, — сколько отсутствием интереса с их стороны. Правда, франкский летописец, известный под именем Фредегар, примерно в 658 году говорил об астрологических пророчествах, которые распространялись в Византии при императоре Ираклии: согласно этим предсказаниям, византийское государство будет побеждено и завоевано неким племенем обрезанных. Хронист демонстрировал также знание многих подробностей, относящихся к первой волне исламской экспансии в Малой Азии. Все в том же Франкском королевстве монах Петр (возможно, сириец) в начале VIII века перевел с греческого на латинский некий документ, сирийский оригинал которого происходил из северной Месопотамии. Речь идет об «Откровениях» («Revelationes») так называемого псевдо-Мефодия, неоднократно затем использовавшихся для эсхатологических проповедей с политической подоплекой. Согласно этому тексту, исмаилиты, происходящие из пустыни Ethribum (Йасриб, то есть избранный город Пророка — Медина) завоюют Восток, нападут на Сицилию и затем дойдут до самого Рима; их деяния потрясут леса, горы и города. Этот натиск исмаилитов будет непосредственно предшествовать приходу Антихриста, однако некий христианский император в конце концов одержит верх над силами Врага рода человеческого. В общем, определенные сведения уже имелись, но регистрировались они довольно небрежно.

Мусульманское завоевание Пиренейского полуострова и Септимании (Лангедока) в 710-х годах несколько изменило положение вещей. В вестготской Испании, сотрясаемой последствиями арианского раскола и раздорами среди местной аристократии, уже нарастало беспокойство: туда дошли первые известия о продвижении арабов вдоль побережья северной Африки. На Толедском соборе 694 года король Эгика произнес речь, полную тревоги. Распространялся слух о том, что евреи, доведенные до отчаяния притеснениями, охотно оказывали помощь новым варварам, шедшим с Востока. Тем временем бушевала гражданская война между претендентами на толедский престол. Похоже, что один из них, желая любой ценой взойти на трон, обратился за помощью к mauri — арабам-завоевателям, а также к арабизированным и исламизированным берберам: к тем, которые отныне навсегда станут los moros, маврами, соседями испанцев-христиан, их свирепыми и завораживающими воображение врагами. С другой стороны, существует предположение, что в Испании и в Септимании, как прежде на многих византийских землях, завоеванных мусульманами, пришельцы были встречены населением отнюдь не враждебно, а ярмо новой власти, намного менее обременительное, местные жители охотно предпочли господству деспотических христианских властителей.

Старая провинция Римской империи Африка, которую арабы называли Ифрикией (в нее входили современные Триполитания, Тунис и Алжир), была захвачена мусульманами в 647 году, но лишь спустя пятнадцать лет сопротивление византийского и в особенности берберского населения стало понемногу ослабевать. На завоеванных территориях арабы выделяли три этносоциальных группы. Первая — рум: это слово обозначало

главным образом византийцев, то есть подданных Римской империи (от греческого Romaioi), но на африканском побережье к западу от залива Сирт так называли и тех, для кого родным или общеупотребительным языком был латинский. Вторую группу составляли африки´ — коренные жители, уже принявшие христианство. И, наконец, третью — берберы (от латинского «barbarus», варвары), оставшиеся за пределами римской цивилизации, небольшая часть которых относительно недавно стала христианами. Берберы позже все-таки приняли ислам, но так и не были ассимилированы арабами. Как и арабы, они изначально не были мореплавателями, однако помощь сирийских и египетских моряков позволила им вскоре обратить взгляд на Средиземное море. Уже в 665 году мусульмане использовали морскую базу Джалула, отвоеванную у византийцев; в 670 году был основан город Кайруан (на территории современного Туниса), получивший свое название от арабского слова со значением «военный лагерь»; примерно в 700 году был построен хороший порт в городе Тунис, куда перебрались вместе с семьями сотни египтян, сведущих в кораблестроении. А приблизительно пятью годами позже вся северная Африка, включая арабский «дальний Запад» (ал-Магриб ал-Акса), — то есть Марокко — уже была в руках завоевателей; одновременно начался трудный и долгий процесс исламизации и арабизации берберов. В конце июля 711 года большой мусульманский флот под командованием бербера Тарика бин-Зийада захватил бухту Альхесирас на Пиренейском полуострове, на которую еще годом ранее был совершен набег. Арабско-берберские силы насчитывали около 10 000 человек. Разгромив войска готского короля Родериха, захватчики немедленно двинулись к Севилье, затем заняли Кордову и в 713 году — Толедо. Год спустя был завоеван Арагон; примерно к 720 году мусульмане захватили также Каталонию и Септиманию, то есть все территории к югу и к северу от Пиренеев, ранее принадлежавшие вестготам. Захват земель, которые африканские, а вслед за ними и остальные арабы называли ал-Андалус («Земля вандалов»), был столь стремительным, что это пытались объяснить пособничеством евреев, еретиков и врагов Родериха из числа готов.

Заняв Нарбонну (718), арабы в 721 году оказались у стен Тулузы, а в 725 взяли Ним и Каркассон. Теперь весь Прованс и бассейн Роны стали театром военных действий. Отён был сожжен в 725, по другим сведениям — в 731 году.

От Испании и Септимании было рукой подать до юга Галлии, с начала VI века находившегося под властью франков: государственные институты там были непрочны, а структура общества нестабильна. Римский Папа Григорий II, который внимательно следил за всем, что касалось франков как «возлюбленных сынов» римской Церкви, в 721 году призвал Эда, герцога Аквитанского, оказать сопротивление мусульманам у стен Тулузы и отправил ему напрестольную пелену храма Святого Петра. Ее разрезали на кусочки, которые были проглочены христианскими воинами во время принесения священной клятвы.

Но сарацинское завоевание Пиренейского полуострова было неполным; в Пиренеях и Кантабрийских горах еще оставались очаги сопротивления. Гот Пелагий в 720 году основал в Астурии княжество, ставшее позже королевством. Столицей Астурии стал затем город Овьедо, основанный в 760 году. Баскско-наваррские племена, которые оказывали сопротивление вестготам, также смогли сохранить независимость: таким образом, в 30–40-х годах IX века галисийцы, кантабрийцы и астурийцы, при поддержке небольшого количества нашедших у них убежище вестготских воинов, основали небольшое княжество Наваррское, которое примерно столетие спустя стало королевством. Именно в Наварре, Астурии и в северном Арагоне вскоре начался процесс, получивший название Реконкисты.

Битва при Пуатье, таким образом, сама по себе имеет меньшее значение, чем порожденный ею миф; но чтобы понимать, на каком фоне она состоялась, нельзя забывать о других — и, возможно, более значительных — эпизодах. Примером может служить история берберского вождя Мануза (или Мусуры), который обосновался в восточных Пиренеях, в долине Сердань, и женился на дочери герцога Эда Аквитанского, но впоследствии восстал против кордовского эмира и был им разбит в 729 году. Вспомним также провансальского герцога Моронта, в 734 году открывшего мусульманам ворота Авиньона.

Битва при Пуатье не остановила сарацин: в 734 году они взяли Авиньон, разграбили Арль и прошли по всему Провансу; в 737 году дошли до Бургундии, где захватили огромное количество пленников, которых обратили в рабов и отправили в Испанию. В ответ на это Карл Мартелл в 736–739 годах развернул военные действия против мусульман, обосновавшихся на юге Галлии, но ни одна из его кампаний не была по-настоящему успешной из-за двойной игры и предательства приближенных короля. Арабо-берберы и их набеги были одним из элементов сложной политической борьбы; спустя многие десятилетия, в коллективной памяти европейцев, сформированной под влиянием эпических произведений, эта борьба дополнительно получит религиозную окраску.

Вполне понятно поэтому, что на Западе распространялись тревожные настроения. Тревога чувствуется во многих текстах того времени — от латинского перевода псевдо-Мефодия, выполненного в бенедиктинском монастыре Сент-Жермен, до заметок Беды Достопочтенного, который, перерабатывая свою «Церковную историю народа англов» («Historia ecclesiastics gentis Anglorum») в 735 году (когда уже готовился покинуть бренный мир, эту юдоль скорби), с тревогой говорил об успехах сарацин и упоминал о сражении при Пуатье. Кроме того, англосаксонские источники позволяют сделать вывод, что сведений об исламе, пусть даже случайных и разрозненных, поступало гораздо больше, чем принято считать. Например, из записей заседаний двух церковных синодов, состоявшихся в Британии в 786 году, мы узнаем, что европейцам в какой-то мере была известна мусульманская традиция поститься в месяц Рамадан. Очевидно, источником была информация папских легатов и сведения, дошедшие через многочисленных монахов-бенедиктинцев.

Как известно, исламский мир за свою долгую историю знал лишь краткие периоды подлинного единства. Но если смотреть из средневековой Европы, в нем господствовало такое единство, какого не было среди христиан (хотя и считалось, что в христианском обществе оно должно существовать). Мы, глядя издалека, видим события того времени в глобальной перспективе и считаем, что такой взгляд со стороны европейцев вполне объясним (пусть даже и вызван простым совпадением), если принять во внимание, что в первой половине VIII века ислам

распространился на территории, простирающейся от ал-Магриб ал-Акса до границ Китая и от Малой Азии до Африки. В 717 году арабы, как и за сорок лет до того, снова оказались у стен Константинополя, и возглавлял их Маслама, брат халифа из династии Омейядов. Император Лев III с трудом отразил арабское нападение, главным образом благодаря «греческому огню». Тем временем в начале VIII века правитель Месопотамии ал-Хаджжадж подчинил себе Хорезм, перешел Оке (ныне Амударья), занял Бухару и Самарканд и дошел до Белуджистана; могучее Персидское царство, которое веками держало в страхе римлян и византийцев, растаяло, как снег под лучами солнца. Битва при Таласе в 751 году обозначила границу между мусульманской и китайской сферами влияния. Эта граница прошла по Алтаю.

Однако к середине VIII века натиск мусульман, похоже, ослаб повсюду. Византийцы, благодаря непрестанным усилиям Льва III, взяли верх над мусульманами в Малой Азии; нашествие на Восток остановилось на границе Китайской империи; даже арабо-берберы, завоевавшие Пиренейский полуостров (к которым затем присоединились многие местные христиане, принявшие ислам), исчерпали свои силы. В 732 или 733 году мусульмане под командованием Абд ар-Рахмана I двинулись от Пуатье к Туру только для того, чтобы завладеть сокровищами франкской святыни — церкви св. Мартина (впрочем, сокровища были велики). Вполне вероятно, что они не собирались двигаться дальше, к тому же у них не было для этого сил. Так или иначе, мусульмане, как известно, были остановлены. Несколько лет спустя, в 759 году, франки под предводительством Пипина Короткого, сына победителя при Пуатье, изгнали сарацин из Нарбонны и преследовали их до самых Пиренеев. Отголоски сражений этого периода, вместе с непомерно прославленной битвой в Ронсевальском ущелье в 778 году и последующими событиями, дали обширный материал для эпических песен, которые, однако, получили широкую известность и были записаны только спустя два или три столетия. Как бы то ни было, после битвы при Пуатье произошел приток франков из Австразии в Аквитанию, и это, возможно, стало завершением процесса, в результате которого Аквитания обрела черты «буферного государства» между франками и мусульманами.

Трудно сказать, в какой степени кровавые события 750 года в арабском халифате, завершившиеся переходом халифской власти от Омейядов к Аббасидам, повлияли на замедление этой первой волны мусульманского наступления. Несомненно одно: сторонники низложенных дамасских халифов взяли верх на Пиренейском полуострове, но это произошло в упорной борьбе с приверженцами новой династии: Кордовскому эмирату была уготована неспокойная жизнь. Кроме того, раскол внутри ислама, возникновение новых халифатов, появление шиитских исмаилитских «сект» и жестокие репрессии Аббасидов против них привели к распаду мусульманского единства и временной приостановке исламской экспансии.

Карл Великий: между ал-Андалусом и Багдадом

В 777 году король франков Карл, сын Пипина, в разгар военных действий находился на саксонской территории, в Падерборне. Там перед ним предстал Сулейман ибн ал-Араби, мусульманский вали (правитель) Барселоны, Хироны и Сарагосы: мы можем только догадываться, с какими трудностями он пересек все Франкское королевство, чтобы просить своего могущественного христианского соседа оказать помощь в борьбе против тирании эмира Кордовы. За это он обещал королю многочисленные города к югу от Пиренеев, и прежде всего свои собственные, богатые и процветающие. Мусульманская Испания, уверял Сулейман, безнадежно раздроблена, и завоевать ее не составит труда. Позднее в эпосе и в официальных документах эти события были пересмотрены с религиозной точки зрения, но в то время ни одну из договаривающихся сторон не смутило различие в вере или тот факт, что мусульманам — врагам эмира Кордовы — предстояло сражаться бок о бок с христианами против единоверцев.

В день Пасхи 778 года франкский отряд, получив благословение Папы Адриана I, двинулся в сторону Испании. Казалось, все шло по плану, и мусульмане — враги кордовского эмира — делом доказывали верность данному ими слову: вали разгромил эмирские войска, к нему присоединились другие его единомышленники. Но когда франки решили расквартироваться в Сарагосе, чтобы двинуться оттуда вдоль берегов реки Эбро, горожане, видимо, взбунтовались против них и собственного правителя; а возможно, и сам правитель, обеспокоенный чрезмерными успехами христиан и не питавший больших надежд на поддержку своего народа в борьбе против эмира, резко изменил свою позицию. Что именно произошло, не очень ясно: достоверно известно лишь то, что, когда утих бунт против эмира, Карлу не оставалось ничего иного, как пуститься в обратный путь; в отместку он приказал срыть — по крайней мере, частично — стены Сарагосы. Во время отступления (согласно общепринятой традиции, 15 августа) арьергард войска франков был разбит в ущелье Ронсеваль дикими горцами-басками. Этот незначительный военный эпизод эпос превратил в битву с маврами, и он прочно вошел в христианскую эпическую традицию.

Эмир Абд ар-Рахман I поначалу не предпринял никаких ответных мер против явившегося из-за Пиренеев захватчика. Но его сын Хишам (788–796) в 793 году начал решительное наступление на франкскую Септиманию, которой тогда правил один из двоюродных братьев короля, герцог Вильгельм. Волна мусульманского нашествия еще раз обрушилась на Нарбонну, которую, однако, завоевать не удалось, а оттуда устремилась на Каркассон. Несмотря на понесенные потери, поход ал-Хакама, другого сына эмира, оказался успешным и принес богатую добычу, которая, видимо, частично пошла на финансирование строительства главной мечети в Кордове. Неплохое вложение! Тем временем с берегов ал-Андалуса и Магриба отправлялись первые сарацинские рейды на Балеарские острова, население которых обратилось за помощью к королю франков.

В ответ Карл Великий начал военные действия, которые впоследствии привели к образованию Испанской марки. Во главе франкских войск стоял герцог Вильгельм, который в 801 году взял Барселону, хотя ему не удалось дойти до Эбро и укрепиться в городе Тортоса, расположенном в устье этой реки. Более того, между Барселоной и Тортосой образовалось нечто вроде «ничейной зоны», которая исчезла только в XII веке в результате нового наступления — на этот раз арагонцев. Тем временем новый христианский император — которому дипломатические контакты с барселонским валы и с византийской императрицей Ириной сказали о сложности и обширности мира гораздо больше, чем ученые беседы с Алкуином Йоркским и Павлином Аквилейским, — уже искал новых союзников, которые прямо или косвенно могли бы помочь ему урегулировать отношения с Испанией. И он находил таких союзников, причем это были выдающиеся личности.

Впрочем, здесь у императора было множество предшественников. Если каролингские монархи, наследники Меровингов и союзники римских пап, — что и предопределило их географические и культурные горизонты, — имели довольно скудное представление о расстановке сил в восточной части Средиземноморья в VIII веке, то другим наблюдателям открывалась совсем иная панорама. Например, Константинополь и Багдад пристально следили друг за другом и постоянно высматривали в имеющейся расстановке сил как возможных союзников, так и потенциальных «друзей врагов», которые объективно являлись для каждого противниками. При халифском дворе, который разместился в Месопотамии, в новой столице, основанной в 762 году в нескольких милях от древнего и прославленного Ктесифона и получившей сперва многообещающее арабское имя «Мединат ас-Салам» («Город мира»), уже не проявляли интереса к неисламским цивилизациям: это свойство мусульманской культуры со временем станет одной из причин ее кризиса в Новое время. Интерес представляли разве что Византия, Индия и Китай, а варвары с далекого северо-запада не казались достойными внимания (что в те времена было вполне оправданно). Однако довольно скоро пришлось признать, что эти варвары могут, по меньшей мере, создать проблемы как кордовским Омейядам, которые упорно не признавали новых халифов, так и империи «Рум», то есть Византии.

Еще в 765–768 годах состоялся обмен посольскими миссиями между аббасидом Абу Джафаром ал-Мансуром (754–775) и Пипином. У сына последнего было две веские причины для возобновления отношений с новым халифом, великим Харуном ар-Рашидом (786–809), государем из «Тысячи и одной ночи». Прежде всего — ситуация на Пиренеях, где обострились отношения между эмирами Кордовы, наследниками старой династии Омейядов, использовавшими это обстоятельство для поддержания собственного религиозного престижа, и вали, которые были согласны покориться лишь «Повелителю правоверных», находящемуся в далекой Месопотамии (или считали свою преданность Аббасидам удобным предлогом для неподчинения Омейядам в ал-Андалусе). В 799 году сарацинский наместник города Уэска вручил Карлу в Ахене почетные дары и пообещал сдать город, если император предпримет новый поход за Пиренеи. Второй причиной был Иерусалим: он находился под властью Аббасидов, но его посещало все больше западных паломников. Стремясь быть посредником в отношениях западного христианства и Святой земли, — и эту роль он не намеревался уступать правителям Византии, — король франков принял посланцев иерусалимского патриарха, которые передали ему благословение и реликвии. В «Анналах королевства франков» («Annales regni francorum») говорится даже о

«вручении ключей» от храма Воскресения и от часовен Голгофы и св. Гроба Господня, однако это, скорее всего, преувеличенное описание обычной дипломатической вежливости.

Кроме того, в 797 году — спустя всего лишь четыре года после набега ал-Хакама и во время создания Испанской марки — Карл отправил посольство и к халифу. В него входили трое мирян: Лантфрид, Сигизмунд, и иудей Исаак. Согласно документу из монастыря Райхенау под названием «Чудо святого Генезия» («Miracula sancti Genesii»), они отправились на Восток вместе с двумя священниками, посланными Гебхардом, графом Тревизанским, имея поручение привезти из Святой земли мощи святых Генезия и Евгения.

В июне 801 года император, находившийся тогда в Павии и всего двумя месяцами ранее встретившийся с посланцами иерусалимского патриарха, получил известие о том, что в порт города Пизы прибыли послы халифа: это была миссия, посланная в ответ на императорскую. Действительно, в Пизе высадились представитель халифа и посланник эмира города ал-Аббасии (ныне Фустат в Тунисе). Они сообщили императору, что Исаак, единственный из трех посланников, который остался в живых, находился на пути в Европу и вез дары Повелителя правоверных, но был вынужден задержаться на африканском берегу, так как один из даров был довольно громоздким.

За Исааком отправили несколько кораблей, и в октябре следующего года он высадился в городе Портовенере, везя с собой, кроме всего прочего, тот самый дар, который император ждал с таким нетерпением: слона Абу л-Аббаса. Но Карл к тому времени уже вернулся в Ахен, и никто не решился вынуждать животное предпринимать зимой путешествие через Альпы. Поэтому императору пришлось ждать до июля 802 года, прежде чем увидеть слона — животное, о котором так много рассказывали римские хроники, но которое уже много веков не видели на Западе. К сожалению, Абу л-Аббас не смог долго переносить суровый для него климат прирейнских областей, будучи родом из жаркой Индии (прирученных слонов доставляли в Персию именно оттуда). Он умер в июне 810 года. Его смерть глубоко опечалила императора, который привязался к слону, и вызвала живое любопытство у народа: все хотели увидеть, как скелет животного, согласно поверью, превратится в слоновую кость.

Вполне возможно, что Харун, помимо слона, передал Карлу права (пусть даже всего лишь символические) на Гроб Господень в Иерусалиме: очевидно, это было сделано для того, чтобы поколебать традиционный контроль византийских императоров над христианскими святынями. Возможно также — но об этом арабские источники молчат, — что настоящим предметом переговоров между двумя правителями была Испания. Менее вероятно, что на них обсуждались экономические вопросы. Первосортные шерстяные ткани, посланные Карлом Харуну, все же не могли ослепить своим великолепием багдадский двор; а многочисленные мусульманские товары и монеты, которые, если верить Теодульфу Орлеанскому, в 812 году встречались в южной Галлии, где находился такой крупный порт, как Марсель, все же не являются доказательством налаженных связей с Востоком — еще и потому, что прибывавшие туда мусульманские товары, за исключением жемчуга, были, скорее всего, иберийского или североафриканского происхождения. Как бы то ни было, в 807 году Карл еще раз встречался с послами халифа. В том же году он принял и послов патриарха Иерусалимского.

Обеспокоенный дипломатическими связями между Ахеном и Багдадом, а также постоянными волнениями внутри своего государства, которые затронули даже Кордову и Толедо, омейядский эмир ал-Хакам (796–822) смирился с тем, что граница с королевством франков сместилась до самой реки Эбро. Последовал целый ряд соглашений между ним и Карлом (810–812). Но смуты в мусульманской Испании не прекращались: восстание 814 года в Кордове удалось подавить только ценой кровавых репрессий, задействовав для этого эмирскую гвардию — солдатов-рабов, называемых «мамлюками» (от арабского мамлюк — «находящийся во власти кого-либо», «раб»). Не лучше обстояли дела и при следующем эмире Абд ар-Рахмане II (822–852), которому пришлось усмирять восстания в Толедо и Мериде. Он же предпринял безуспешную попытку отвоевать Барселону: неумелый ход, который благодаря своевременному ответу герцога Бернарда Септиманского произвел совсем неожиданный эффект — а именно, укрепил зарождающееся чувство национального самосознания у каталонцев.

Между тем над Средиземноморьем, а значит, и надо всей Южной Европой, сгущались новые тучи. Наступал период кризиса, среди причин которого называют набеги викингов на побережье Европы в конце IX — начале X веков, а также нападения сарацин (с моря) и угорских племен (с суши). Этот кризис характеризовался также началом раздробленности на территориях, находившихся в орбите притяжения каролингской монархии, соперничеством между британскими королевствами, образовывавшими так называемую «гептархию», и общим социально-экономическим упадком в Западной Европе. Рисуя эту безрадостную картину, надо, однако, учитывать, что ислам в то время тоже переживал очень трудный период. Огромный багдадский халифат постепенно терял власть над обширными и богатыми окраинными территориями — к западу от Синая и к северо-востоку от Персии. Аглабиды провозгласили независимость в Тунисе в начале IX века и с 827 года предприняли целую серию набегор на Сицилию, которая через семьдесят пять лет полностью оказалась в их власти. Тулуниды в 869 году захватили власть в Египте. На огромной территории между Мавераннахром, Хорезмом и Сейстаном (то есть между Сырдарьей, Аральским морем и Индийским океаном) властвовали то Тахириды, то Сефевиды, то Саманиды. В конце IX века восстание «еретиков»-карматов, распространившееся из Бахрейна по Аравийскому берегу Персидского залива, нанесло урон торговле Басры и, следовательно, экономике столицы, так как поток товаров, который шел с Дальнего Востока в Египет, страны Средиземноморья и Византию, переместился в сторону Африканского рога и Красного моря.

Между тем викинги, совершавшие опустошительные набеги на европейские побережья, не пощадили и ал-Андалус. В 844 году флот из примерно пятидесяти кораблей атаковал Нант; затем, пройдя вдоль атлантического берега Пиренейского полуострова, скандинавы попытались разграбить Лиссабон и, наконец, появились в устье Гвадалквивира. Оттуда несколько кораблей направились к Кадису, а основная часть флота дошла до Севильи, беспощадно разграбила ее, но отступила под натиском мусульманского населения, которое все-таки сумело дать достойный отпор: мусульмане разгромили нападавших и вынудили их поспешно вернуться

на свои корабли. Большое количество захваченных при этом скандинавских пленников пополнило ряды светловолосых и голубоглазых испанских мусульман, потомков вандалов и готов, к которым позднее добавились многочисленные рабы из славянских стран (итальянское слово schiavo, означающее «раб», происходит именно от слова slavo — «славянин»).

Норманнский набег 844–845 годов побудил омейядского эмира построить рибат — береговые укрепления, похожие на старые «сарацинские башни», которые и сегодня можно видеть на европейских берегах, вплоть до Эгейского моря. Эти укрепления были поручены заботам добровольцев — мурабитун, которые обосновались в них, чтобы посвятить себя джихаду. Благодаря им норманнов удавалось с тех пор держать на расстоянии от ал-Андалуса; правда, в 859 году они сожгли мечеть Альхесираса, а примерно столетие спустя, в 966 году, датчане под предводительством самого Гаральда Синезубого нанесли арабо-иберийцам под Лиссабоном еще одно громкое поражение.

Итак, мусульмане были отнюдь не единственными «героями» грабительских набегов на побережья и острова Средиземного моря, столь частых в последние два столетия раннесредневекового периода — одного из самых трудных для Европы за всю ее историю: более того, мусульмане, как мы видим, порой оказывались их жертвами. Однако в Западной Европе «агарян» считали главными и, возможно, единственными виновниками этих набегов. Со временем рассказы о войнах в Средиземном море и на Пиренейском полуострове, которые полнились невероятными преувеличениями, были подхвачены и развиты эпической традицией. Воспоминания об этих войнах стали, по праву или нет, тем «вызовом», на который были призваны дать «ответ» крестовые походы.

Борьба за море, острова, побережья

Споры по поводу знаменитой теории Анри Пиренна о расколе средиземноморского единства, обусловленном быстрым подъемом ислама и замыканием западной Европы на самой себе, ее превращением в аграрную территорию — в общем, о начале «средневековья», о том, что его следует отсчитывать не от падения западной Римской империи, а от второй половины VII века, — по-настоящему никогда не утихали. Сегодня, во всяком случае, не вызывает сомнений то, что кризис экономики наметился гораздо раньше VII века и что сильный упадок торговли и общего уровня жизни в странах западного Средиземноморья наблюдался в VI–VII и IX–X веках. Однако процесс упадка протекал медленно и был обусловлен целым рядом различных причин, которые недопустимо сводить только к морским набегам сарацин. Основное положение теории Пиренна было принято, но его аргументация отвергнута. Пиратские набеги мусульман, во всяком случае, были важной, а кое-где и решающей причиной кризиса, наступившего в экономической, но также в культурной и ментальной областях. Вот его основные симптомы: резкое сокращение мореходства, упадок или даже полное исчезновение подконтрольных христианам портовых и прибрежных городов, повсеместное обеднение населения, сокращение денежного оборота, распространение тревожных настроений.

Набеги на острова и участки побережья западного Средиземноморья, находившиеся под контролем христиан, совершались с берегов Испании и Африки. С VIII века пираты опустошали не только греческий архипелаг, но также Сицилию и Сардинию: результатом становилось разрушение прибрежных поселений и бегство населения в труднодоступные, более безопасные внутренние районы. Обычно целью захватчиков был молниеносный грабеж и похищение местных жителей, преимущественно молодежи, для продажи в рабство; иногда за этим следовали требования дани и выкупа. Реже в результате таких рейдов основывались пиратские «гнезда», которые можно рассматривать как небольшие военно-торговые колонии.

Мы знаем, что набеги на Балеарские острова начались с 798 года, хотя их окончательное завоевание испанскими мусульманами произошло только в 902 году. Начало захвата Сицилии аглабидским эмиром Зийадатом Аллахом I в 827 году положило начало почти двухвековому сарацинскому господству на обширном морском пространстве между Пиренейским и Апеннинским полуостровами и Магрибом. Правда, византийцы поначалу оказывали достойное сопротивление мусульманскому наступлению на Сицилию, особенно в восточной части острова: это наступление завершилось успехом только в начале X века. После захвата Крита (827) и Мальты (870) Византия лишилась опорных пунктов, позволявших ей принимать полноценное участие в делах западного Средиземноморья: с тех пор Сицилия и Сардиния были предоставлены собственной судьбе.

Чаще всего сарацинские набеги и попытки укрепиться на новых территориях толковались в прошлом как следствие захватнических устремлений, осознанной политики. Но так бывало не всегда. Нередко сарацины принимали участие в местных распрях, поначалу поддерживая ту или иную сторону, и часто делали это по просьбе одной из них. Например, правители города Неаполя неоднократно призывали сарацин — которые тем временем завоевывали Сицилию и, более того, только что захватили Палермо, — поддержать их в борьбе с лангобардами и византийцами. Чрезвычайно ловко пользуясь смятением и слабостью правителей южной Италии в их взаимных раздорах, сарацины без тени сомнения шли на службу то к одним, то к другим, в действительности становясь хозяевами положения.

Города Кампании, решившие, что могут безнаказанно пользоваться услугами арабо-берберов, слишком поздно осознали свою ошибку. Тогда они объединились с лангобардскими правителями, чтобы снова просить о помощи императора Священной Римской империи Лотаря (840–855): тот, впрочем, не отозвался бы, если бы сарацины не почувствовали себя на полуострове настолько уверенно, что в 846 году дошли до самой Остии, поднялись вверх по Тибру и разграбили храм Святого Петра в Риме.

Чаша терпения была переполнена. Людовик, сын Лотаря, пришел на полуостров с войском из франков, бургундов и провансальцев; с ним объединились Папа Сергий II (844–847), венецианский дож, а также герцоги Сполето и Неаполя. Между тем правитель Беневента в свою очередь набрал войско из наемников-мусульман, которые теперь действовали бесконтрольно и опустошали все вокруг, добираясь до земельных угодий монастыря Монте-Кассино.

Адельхиз, правитель Беневента, тем не менее не отказывался от услуг этих малодисциплинированных наемников. Он вынудил жителей Бари, которые оставались ему верны, принять покровительство берберского вождя Халфуна, который, вероятно, прибыл из Сицилии через Таранто. В награду за поддержку Адельхиз позволил берберу грабить и жечь культовые здания, и тот зашел так далеко, что почти стер с лица земли город Капую, который пришлось отстраивать заново. В 848 году Халфун окончательно стал хозяином столицы Апулии. Только принц Людовик, прибывший в это время в южную Италию, смог освободить Беневент от безраздельно хозяйничавших в нем наемников и восстановить мир между соперничающими лангобардскими правителями, выступив гарантом при разделении территории Беневента на три части: княжества Беневент и Салерно и графство Капуя.

Это было не слишком достойное решение: во всяком случае, оно не устроило и не успокоило Папу Льва IV (847 855), который тогда заботился о превращении храма Святого Петра в крепость, чтобы не допустить его нового осквернения, как произошло в 846 году. Именно при его поддержке в 849 году флот, созданный усилиями жителей Кампании, разбил сарацин в море неподалеку от Остии. Людовик тем временем получил императорскую корону как сорегент Священной Римской империи и снова двинулся на Бари: его подвигли на это мольбы аббатов Монте-Кассино и Сан-Винченцо в Вольтурно. Однако поддержка лангобардских правителей была настолько неохотной и настолько лицемерной, что он был вынужден с возмущением отступить, так и не предприняв ничего существенного. Бари по-прежнему оставался под властью эмира, который урезал владения аббатств Монте-Кассино и Сан-Винченцо, ловко вел дела с местными властями, благосклонно, хотя и за плату, предоставлял пропуск европейским паломникам, которые отплывали из его города в Святую землю, а также

благоволил процветающей, ученой еврейской общине Ории.

Однако император Людовик II не забыл своего позора в Апулии. Оставшись у власти один, он вновь попытался захватить Бари: к этому его побуждали аббат Монте-Кассино и лангобардские правители Беневента и Капуи (но не Салерно, который был с ними в раздоре). До нас дошел проект этой новой военной кампании в «Постановлении» («Constitutio») 865 года: он предусматривал сосредоточение войск в Лючере в марте следующего года. Однако потребовался еще год на то, чтобы император убедил сомневающихся и разоблачил двойную игру своих лангобардских и кампанских подданных. Военная кампания, начатая в 867 году, завершилась, после многочисленных трудностей, спустя четыре года, в 871 году. С помощью франкских войск, присланных ему братом Лотарем II (но пораженных эпидемией чумы), византийского и венецианского флотов, усиленных за счет хорватских и далматинских кораблей, опираясь на соглашение с правителем Беневента Адельхизом и населением Гаэты (а не Неаполя, который, напротив, предоставил свой порт в распоряжение сарацин), император смог наконец одержать победу над последним эмиром Бари, Садваном. Тот яростно сражался, — во время отступления ему даже удалось разграбить храм архангела Михаила в Гаргано, — но все же был отправлен в Беневент, в почетный плен к Адельхизу — можно сказать, своему другу.

Было ли ошибкой со стороны императора проявлять великодушие по отношению к эмиру? Конечно, Бари был отвоеван, и эта победа принесла императору действительно громкую славу. Но между тем в Византийской империи, выходившей из долгого кризиса, происходили существенные преобразования благодаря смелым и энергичным действиям Василия I (867–886), основателя македонской династии. Хотя его флот сыграл немалую роль в победе «короля тевтонцев» Людовика, Василий не считал его равным себе по положению и вовсе не желал допустить его господства в южной Италии. Со времен завоевания полуострова Юстинианом правители Византии считали южную Италию своей территорией: там было множество портовых городов, где греческая культура пустила глубокие корни и откуда можно было контролировать выход в Адриатику. Козни Василия I и Садвана возымели желанный эффект: беневентские лангобарды взбунтовались, и Людовик попал в плен почти на два месяца — с августа по сентябрь 871 года. Между тем эмир Кайруана послал в Апулию новую, на этот раз приблизительно двадцатитысячную армию, которая яростно обрушилась на Калабрию и Кампанию. Благодаря энергии Людовика II, ему удалось совершить очередной поход на юг и в 873 году разгромить мусульман под Капуей, но спустя два года он умер.

Тем временем сарацины продолжали активные действия, используя как опорный пункт крепость города Таранто, крупного центра работорговли. Оттуда можно было угрожать Апулии и Кампании до самого Вольтурно. Жители Бари, со своей стороны, больше не имели причин поддерживать отношения с германским императором: в 876 году они обратились к византийским властям Отранто и добились того, что Бари стал главным городом Лангобардской фемы. Византийцам удалось в 880 году отвоевать и Таранто, но они не смогли помешать мусульманам продолжать свои набеги на Адриатике вплоть до Комаккьо и Градо.

Арабо-берберы отнюдь не были разгромлены. Завоеванием Сиракуз в 878 и Таормины в 902 году они фактически завершили оккупацию Сицилии, а также проникли на территорию Кампании и заключили союз с властями Капуи и Салерно. Они снова вторглись во владения Папы и заставили его платить дань, разрушили аббатства Сан-Винченцо в Вольтурно и Монте-Кассино, основали в 882 году опорную базу реки в устье Гарильяно, которая позволяла им держать под прицелом даже Рим: эта угроза была устранена только в 915 году.

Со своей стороны, южноаравийские кальбитские эмиры, обосновавшиеся на Сицилии и формально признававшие власть каирских халифов из династии Фатимидов, в X веке начали систематические набеги на берега южной Италии, в первую очередь апулийские и калабрийские. Отдельные укрепленные пункты — такие, как Агрополь в Кампании и Санта-Северина в Калабрии — долго оказывали им сопротивление. Новая энергичная кампания саксонского императора Оттона II — по образцу той, которую веком ранее провел его предшественник Людовик II, — окончилась неудачей после поражения у мыса Колонна (982). Можно сказать, что с тех пор наступление сарацин в южной Италии шло беспрепятственно — до самой смерти эмира ал-Акхала в 1036 году, после чего мусульманская Сицилия вступила в период необратимой раздробленности. Сардиния и Корсика до самого начала XI века оставались «ничейной землей» с портами, полностью подконтрольными мусульманам.

Тем временем укреплялись береговые базы Магриба, главные опорные пункты морского владычества мусульман в западном Средиземноморье. В 915–920 годах был построен город-крепость аль-Махдия на побережье современного Туниса; в 960 году берберский вождь Булуккин бин Зири основал Алжир: позже, на побережье между городами Алжир и Аннаба, был заложен город Беджаия.

В северо-западной части Средиземноморья сарацинские пираты продолжали свои разорительные набеги; базами им служили порты Испании и острова. Примерно к 890 году, то есть почти одновременно с основанием сарацинского укрепления в устье Гарильяно, мусульмане снова высадились на провансальском побережье: там они устроили сильный опорный пункт во Фраксинетуме (ныне Ла Гард-Френе), неподалеку от Сен-Тропеза. Им удавалось, опираясь на него, не только держать в страхе прибрежные города (Марсель, Тулон, Ниццу) и внутренние территории, но и совершать дальние походы. Они достигли даже Западных Альп, где нападали на процессии паломников и торговые караваны. В 906 году они разрушили монастырь Новалеза близ Турина.

Земли, лежащие между Лионским заливом и Тирренским морем, тем временем подвергались атакам ифрикийских корсаров — в частности, пиратов из ал-Махдии, которые в 934 935 годах напали на Геную. Однако корсары Фраксинетума, которым ранее удалось заключить соглашения с некоторыми из местных правителей (например, с Гуго Провансальским), в конце концов утратили чувство меры: в 972–973 годах они подняли руку (то ли по неведению, то ли по ошибке) на одного клюнийского монаха, намереваясь похитить его и потребовать выкупа. Этим монахом оказался св. Майоль, выдающийся клюнийский аббат: такая дерзость вынудила провансальскую аристократию предпринять активные действия, чтобы раз и навсегда покончить с пиратским

гнездом во Фраксинетуме.

Но только ли корсары — попросту говоря, пираты — основывали эти прибрежные центры, откуда сарацинам порой удавалось контролировать весьма обширные внутренние территории? Жизнь этих центров не отличалась от жизни приморских городов Апеннинского полуострова, и между ними существует сильное типологическое сходство, хотя приоритет в создании таких центров, несомненно, принадлежит мусульманам. Впрочем, если говорить о возрождении (или о возникновении) развитых приморских городов христианской западной Европы, то среди факторов, вызвавших это возрождение, была и исламская экспансия. Не случайно отношения на море между христианскими и исламскими державами (независимо от важности этих отношений для каждой из сторон) были отмечены столкновениями, чередующимися с более-менее добрососедскими отношениями в области торговли. Стоит, пожалуй, заметить, что в начале XI века роли поменяются: сарацинские поселения, до того более активные и динамичные, переходят к обороне, в то время как христианские центры начинают расти и укрепляться.

Развитию этих маленьких «республик» мусульманских моряков-пиратов-торговцев (бахрийййун) сильно способствовали захват рабов и работорговля: типичным примером служит андалусская Альмерия, в X веке обязанная своим процветанием в первую очередь этому виду деятельности. Спрос на сакалиба — белых рабов — был особенно высок; что же до особой операции — кастрации, — то этим занимались евреи соседней Печины.

Иначе обстояли дела в восточной части Средиземноморья: в результате контрнаступления, предпринятого императорами македонской династии, Кипр и Крит во второй половине X века вновь вернулись под власть Византии. Что касается торговли, то после самой критической фазы мусульманской экспансии на море, которая пришлась на вторую половину VII и начало VIII веков, она постепенно восстанавливалась. Правда, обитатели западной Европы не были ни главными действующими лицами, ни основными покупателями. Примерно в середине IX века Ибн Хуррададбих в своей «Книге путей и государств» упоминал о купцах, прибывавших из западной Европы, и, несомненно, там проживавших; однако местными жителями их можно было назвать лишь с большими оговорками. Речь идет о так называемых евреях-раданитах (то есть, вероятно, живущих в устье Роны), поставлявших из Европы на Восток такие товары, как оружие, меха и рабов: эти товары везли в порты дельты Нила на кораблях, оттуда — на верблюдах до Красного моря, потом снова погружали на корабли и отправляли сперва в аравийские порты ал-Джар и Джидду, а затем — в Индию и Китай. Из этих далеких стран везли мускус, древесину алоэ, камфару и кардамон: их доставляли не только в Египет, но и в Константинополь, и даже неотесанным западноевропейским придворным. Важно, однако, что торговые связи и, как следствие, географические познания арабских мусульман IX–X веков, похоже, не охватывали ни Тирренское море севернее Амальфи или Гаэты, ни Западную Европу как таковую. Это типичное свойство традиционной мусульманской цивилизации, обозначившееся с первых лет существования ислама: не проявлять интереса к прочим цивилизациям.

При всем том контакты между христианством и исламом (не считая войн и торговли) происходили, причем довольно часто. Нередко речь шла о попадании в плен или рабство, пусть даже на время. Это, вероятно, случилось в конце IX века с неким Харуном ибн Йахйа (по его имени не понять, был ли он христианином или мусульманином), который против своей воли совершил весьма длительное путешествие, посетив один за другим оба «Рима»: Новый и Старый. Он попал в плен на палестинском побережье, видимо, в результате корсарского набега; непонятно, однако, был ли он взят в плен, скажем, византийскими корсарами или же сам совершал пиратские рейды на арабском корабле (где могли быть и христиане), который, напав на какое-нибудь греческое судно, потерпел поражение. Его обратили в рабство и отвезли в Константинополь: отправившись оттуда — мы не знаем, как и почему (возможно, в составе какого-либо византийского посольства) — он пересек весь Балканский полуостров и через область Венето попал в Италию. Его приключения дошли до нас в рассказе географа X века по имени Ибн Руста. Это рассказ в духе легенд, аналогичных тем, из которых затем возникли так называемые «Чудеса» (Mirabilia) и которые уже имели хождение в византийском мире, а оттуда распространились на мир ислама. В тексте, повествующем о приключениях Харуна ибн Йахйа, говорится о бронзовых набережных Тибра, о чудесной механической птице на вершине колонны перед собором св. Петра, о несметных богатствах и многочисленном населении города, который на самом деле в IX–X веках был скорее малолюдным и переживал упадок.

Более правдоподобные сведения сообщает Ибн Хаукал из Багдада, который примерно в середине X века совершил долгое путешествие из Персии в Испанию и описал мусульманский город Палермо. Он побывал и в южной части Апеннинского полуострова, где хозяйничали тогда лангобарды и византийцы, посетил Салерно, Мельфи и даже Неаполь, где, как он утверждает, лично мог оценить качество льняных тканей — одного из самых ценных предметов местного вывоза.

Однако среди немногочисленных товаров, которые «франкский» мир мог предложить миру мусульманскому, самым привлекательным было железо, особенно в виде знаменитых «франкских мечей»: по прочности и красоте они могли сравниться только с «гаухар» — белой йеменской сталью, которая, как утверждали в те времена, была прекрасна, точно дорогая ткань. Другим ценным товаром, который из «страны франков» или Византии по русским рекам и Черному морю прибывал в дар ал-ислам, была древесина. Именно поэтому не вызывает удивления сообщение Папы Льва III Карлу Великому о том, что в 813 году несколько сарацинских послов отправились на Сицилию на венецианских кораблях (in navigiis Beneticorum). Это сообщение говорит не только о нехватке древесины в исламском мире и, следовательно, о трудностях, которые испытывал магрибский флот, но и о том, насколько часто венецианцы отправлялись в мусульманские страны. По византийскому примеру, венецианцы в течение долгого времени издавали законы, запрещающие торговлю с Александрией и Египтом, находившимися под властью мусульман, а также вообще со всякой землей, занятой «гнуснейшим родом сарацин» (nefandissima gens Sarracenorum). Однако история с мощами апостола Марка, перевезенными во второй трети IX века из Александрии венецианскими купцами, казалось, имела целью узаконить это нарушение существующего правила, придав ему вид благородного предприятия. Это правило, впрочем, едва ли соблюдалось скрупулезно: еще в 960 году власти города повторили запрет на работорговлю и перевозку

чужеземных пассажиров на венецианских кораблях, а в документе 971 года говорится, что венецианцы имеют обыкновение возить древесину, металлы и оружие на рынки Александрии. Однако вскоре венецианская экономика и торговля претерпят большие изменения с приходом к власти дожа Пьетро II Орсеоло (991–1008), завоевателя Истрии и Далмации. Орсеоло в корне пересмотрит торговые связи как с Константинополем — это видно по знаменитой «Золотой булле» 992 года, — так и с фатимидским халифом Каира. О соглашениях с Египтом нам известно немногое, но можно смело утверждать, что между ним и Венецией уже тогда завязались дружеские отношения: они сохранятся и на протяжении последующих веков, несмотря на все потрясения — крестовые походы, падение фатимидского халифата в XII веке и мамлюкский переворот в XIII в.

Малое количество письменных источников, отражающих торговые связи между мусульманским миром и миром «франков» в IX–X веках (несмотря на богатейшее собрание документов из каирской синагоги Эзра), в каком-то смысле компенсируется многочисленными материальными свидетельствами, которые подводная археология не так давно предоставила в распоряжение ученых. Это обломки кораблей и керамика, говорящие о довольно оживленном товарообороте в северной части Тирренского моря в тот период.

То, что торговля с арабскими странами в Средиземном море приобрела большое значение, можно заключить и по распространению мусульманских монет: вскоре они стали ходить наравне с византийским денарием, знаменитым гиперпером или бизантом, а кое-где даже заменили или сильно потеснили его. Впрочем, арабский динар — как видно по хорошо известной сикуло-арабской чеканке — содержал 4,25 грамма золота, как и денарий. Еще более распространенной была монета в четверть динара — руб'а, которая быстро распространилась на Сицилии и в южной части Апеннинского полуострова, где получила название тарий («свежая», то есть только что отчеканенная монета): до недавнего времени оно служило разговорным обозначением денег на юге Италии. Серебряные монеты были в основном представлены дирхамом (название, пришедшее через персидский язык и происходящее от слова драхма) весом в 2,90 грамма и мелкой харрубой весом в 0,2 грамма. Спрос на тарий был так высок и эти монеты были так распространены, что в X веке жители Амальфи и Салерно подделывали их: эти подделки, однако, можно легко распознать по так называемым псевдоарабским надписям, которые напоминают арабские, но в действительности не имеют никакого смысла. Даже на Руси ходили арабские монеты, не столько золотые (которые, вероятно, служили средством накопления), сколько серебряные. «Древнерусская ногата соответствовала арабскому дирхаму и получила свое название от арабского слова накд — полновесная монета.

Кризис и преобразование ислама. Восток

Торговля и грабеж в истории Средиземноморья VIII–IX веков тесно переплетаются — до такой степени, что не всегда удается ясно отличить одно от другого. Однако нет сомнений в том, что положение, создавшееся в VII веке вместе с мусульманским проникновением в этот регион, менялось не плавно, а рывками; при этом, особенно начиная со второй половины X века, тенденции зачастую меняли свою направленность. По закону некоей симметрии — чисто внешней, но нередко отражающей истинное положение дел, — вследствие ряда случайных, непредвиденных совпадений (имевших, однако, объективную основу в виде государственного и общественного кризиса самого исламского мира) мусульманское наступление в западном Средиземноморье и прилегающих к нему областях постепенно затухало или даже приостанавливалось. Это происходило — по многочисленным и не зависящим друг от друга причинам — в конце X и первой трети XI веков.

Авторитет Багдадского халифата Аббасидов был поколеблен появлением двух соперничающих халифатов — Кордовского суннитского халифата Омейядов в 929 году и шиитско-исмаилитского халифата Фатимидов, который образовался в восточном Алжире в 910 году; затем центр его был перенесен новый египетский город Каир, основанный в 969 году. Городу было уготовано большое будущее как крупному торговому центру. Он располагался в низовьях Нила, куда стекались товары из Йемена, Занзибара, Эфиопии, а также дорогостоящие пряности из Индии и Китая: их привозили на кораблях в Айдаб на Красном море и оттуда, преодолев на верблюдах небольшой участок пустыни, водным путем везли дальше по Нилу до самых портов дельты. В новую столицу стекалось также золото с нубийских рудников, — которые уже начинали истощаться, — и Судана: перевозили его посланцы царей Ганы, торговавшие не только желтым золотом, но также белым (слоновая кость) и черным (африканские рабы). Зарождение новой египетской державы, независимой от халифата Аббасидов, конкурирующей, а порой и открыто враждующей с ним, было лишь одним аспектом — и с определенной точки зрения симптомом — упадка Багдадского халифата, которому теперь приходилось иметь дело с постоянными мятежами, зачинщиками которых выступали «секты» хариджитов и карматов. Неудивительно поэтому, что халифы все чаще стали доверять защиту своей особы наемникам из числа среднеазиатских тюрок, которые в течение X века приняли мусульманский образ жизни и проникали во внутренние области империи также при содействии персидской династии Саманидов, стоявшей на страже северо-восточных границ аббасидского халифата. В конце X века тюркский хан Алп Тегин воспользовался слабостью саманидов, чтобы захватить город Газну на территории нынешнего Афганистана; там он основал великолепный двор, гостями которого впоследствии были ученый Бируни и поэт Фирдоуси. Тем временем в 999 году тюрки-караханиды заняли Бухару, основав там новую династию. Персидские правители были потеснены почти всюду, и халифам пришлось приспособиться к вновь прибывшим тюркам, мусульманам-суннитам — новообращенным и поэтому непримиримым в плане веры. Среди них довольно быстро выделились представители племени огузов, осевшего в середине X века на пастбищах к северу от Каспийского и Аральского морей и известного затем — по имени полулегендарного основателя-эпонима Сельджука — как «сельджуки».

Турки-сельджуки поначалу поддерживали хорошие отношения с персами-саманидами, но к 1040 году потеснили их и заняли их место, основав «империю», простиравшуюся от Хорасана до центральной Персии. Багдадский халиф тогда находился в сильной зависимости от представителей династии Бундов, практически став их заложником; Буиды оставили халифа номинальным духовным главой страны, присвоив себе всю реальную власть. Это обстоятельство религиозного характера дало сельджукскому хану Тогрул-беку предлог для захвата Багдада (1055), представленного как «освобождение суннитов»; Тогрул-бек убедил халифа встать под его защиту. Провозглашенный султаном и тем самым ставший временным правителем халифата, сельджукский вождь торжественно огласил свою масштабную завоевательную программу. Цель ее заключалась не только в том, чтобы вывести Аббасидский халифат из кризиса, но и в том, чтобы дать исламу возможность снова предпринять тот победный захватнический марш, который в Азии закончился тремя веками ранее (а в Средиземноморье, как мы видели, замедлился примерно за столетие до описываемых событий на фоне бурного подъема Европы).

Первыми противниками сельджуков, полных решимости возобновить экспансию суннитского ислама на Запад, стали византийцы и шиитские халифы Египта. С египетским противником турки вели жесткую борьбу за контроль над Сирией и Палестиной, и лишь прибытие туда в 1096–1099 годах странных вооруженных паломников, которых обычно называют «участниками первого крестового похода», частично положило конец вражде между аббасидами и сельджуками, с одной стороны, и фатимидами, с другой, — вражде, осложненной к тому же соперничеством между турками и арабами. Когда крестоносцы появились на северных границах Сирии, фатимидский халиф Каира прислал к ним послов — узнать, нельзя ли заключить союз с «франками» или, по крайней мере, как-то рассчитывать на них в борьбе против турок.

Что же до византийцев, то новый султан Алп Арслан (1063–1072) в 1071 году одержал над ними крупную победу при Маназкерте в верховьях Евфрата, неподалеку от озера Ван. Через несколько лет после этой победы был основан «султанат Рум» со столицей в Икониуме (ныне Конья), благодаря чему центральная часть Малой Азии оказалась под контролем сельджуков. «Рум» («Рим») — слово, которым в арабоговорящем и, следовательно, исламском мире называли то территориальное образование, которое мы привыкли не совсем правильно называть «Византийской империей» на всем ее географическом протяжении. Итак, «султанат Рум» — это Анатолия. Теперь только Эвксинские горы на севере и Тавр на юге отделяли новых мусульманских завоевателей соответственно от берегов Черного моря и заливов Анталии и Александретты в Средиземном море, которые пока находились под властью Византии. Но в Константинополе снова поселился страх, чего не случалось со времен осады 717–718 годов. Новому императору Алексею И Комнину (1081–1118) пришлось сразу же после восшествия на престол противостоять тройному натиску варваров: на западе — норманнам, которые напали на побережье Эпира под предводительством Робера Гвискара, укреплявшего при поддержке Папы римского свою власть в южной Италии, в то время как его брат Рожер уже предпринял кампанию по завоеванию Сицилии; на севере — печенегам, урало-алтайскому племени, позже более известным как куманы (в русских источниках — половцы), которые после набегов на Балканы подошли в 1090 году почти к самым

стенам Константинополя, и их удалось отбросить лишь с большим трудом; на востоке и юге — туркам, которые теперь делили между собой центральную и восточную Малую Азию, постоянный предмет споров между двумя соперничающими султанатами: сельджуками Икониума и данишмендами Мелитены (ныне Малатья).

Принятие ислама в IX–X веках многочисленными этническими группами тюрко-монголов, расширившее пространство дар ал-ислама на территорию Средней Азии, могло бы дать совсем иное направление всей истории Евразии — и, следовательно, отношениям между Европой и исламом, — если бы должным образом были использованы все возможности для обращения в ислам беспокойных индоевропейских и тюрко-монгольских народностей евразийской степи. Возможно, особая структура мусульманской общины-уммы и отсутствие у мусульман, как и у иудеев, полноценных церковных институтов и священников, стала одной из причин, по которой эти возможности оказались упущены. Другие народы, родственные сельджукам и караханидам, возможно, были готовы перейти в ислам. Мусульманское проникновение в эти области действительно возобновилось — но только во второй половине XIII века, сразу вслед за завоеваниями Чингисхана. Похоже, что по торговым путям ислам в самом начале X века проник во многие области средней Азии: так приняли ислам булгары в Великой Булгарии (Magna Bulgaria), располагавшейся в излучине Волги, и хазары, которые — по крайней мере, если говорить о правящей верхушке — сначала приняли иудаизм. Летопись русского монаха Нестора, созданная в XII веке, утверждает, что в 986 году мусульмане-болгары предстали перед Владимиром, киевским князем (тогда еще язычником), и предложили ему обратиться в ислам; однако князь не принял этого предложения, так как обрезание и воздержание от вина и свинины пришлись ему не по душе. Два года спустя Владимир (позже названный «Великим») сделал выбор в пользу греческого христианства, предложенного византийцами.

Мотивы такого выбора могут показаться примитивными, а рассказ о них летописца — наивным. Однако если отвлечься от его собственных представлений и взглядов читателей, которым эта летопись была адресована, то стоит задать себе вопрос:

Какие последствия имело бы для европейской истории возможное обращение Руси в ислам? Христианская Европа оказалась бы в тисках: в Средиземном море варяго-славянский флот сражался бы на стороне арабов, а не греков. У мусульман появился бы бастион на восточной границе Европы, и ислам мог бы распространиться в Скандинавии раньше, чем туда прибыли бы христианские миссионеры!

Вот еще одно доказательство того, что историю не только можно, но и нужно рассматривать в условном наклонении, со всеми возможными «если» и «но». Только так можно осознать реальную весомость свершившихся событий и их последствий — в сопоставлении с теми возможностями, которые в силу решений отдельных личностей и групп, исторических и географических условий и, наконец, разнообразных неуловимых обстоятельств были, в конце концов, отвергнуты.

Кризис и преобразование ислама. Запад

В Испании эмиру Абд ар-Рахману III (912–961), который возглавлял кордовское нео-омейядское государство в период его наивысшего расцвета и присвоил себе звание халифа, удалось расширить свою власть даже на часть западного Магриба. Кордова того времени насчитывала примерно триста тысяч жителей. До наших дней дошли свидетельства ее былого великолепия — внушительные руины королевского дворца Медина Азахара («Город цветов»). Он ослеплял своим мрамором, хрусталем, восхитительными мозаиками работы лучших византийских художников; ходили даже легенды о фонтане «живого серебра», то есть ртути, который поражал гостей искрами и каскадами света посреди сверкающего золотом зала.

Арабы и берберы по-настоящему никогда не смешивались друг с другом: представители арабской знати, считавшие себя единственными подлинными наследниками пророка, презирали африканских «выскочек». Однако довольно скоро началось смешение арабо-берберов, с одной стороны, и потомков кельтиберов, иберолатинян, готосвевов — с другой. Основное социальное различие сохранялось между мусульманами — потомками завоевателей и местными жителями, которые в разное время приняли ислам (так называемыми мувалладун), — и христианами, оставшимися верными своей религии, но перенявшие арабский язык и арабские обычаи, хотя при этом они часто не забывали и латынь или, лучше сказать, диалект, который из нее развился (их называли муста'риб) жителям Западной Европы они больше известны под названием, пришедшим из испанского языка, — мосарабы).

Вначале, благодаря Омейядам, испано-мусульманский мир усвоил основные черты великой сирийской культуры; однако со временем взяла верх аббасидская культура, пришедшая через посредство исламских правителей Магриба. Ее интеллектуальные сокровища очаровывали даже христиан-диммий: еще в IX веке Альваро Кордовский сетовал, что христианские ученые тратят время на имитацию арабских букв, а не на изучение Библии и сочинений Отцов Церкви.

Отношения между халифами Кордовы и «франками» севера Пиренеев были в целом неплохими. В 953 году халиф принял Иоанна, аббата Горце, посланника германского короля Оттона: король просил халифа помочь ему избавиться от сарацинских «гнезд» в Альпах. В ответ халиф отправил к королю, ставшему тем временем императором, мосарабского епископа Рецемунда, известного как человек, которому посвящено «Возмездие» («Antapodosis») кремонского епископа Лиутпранда.

После Абд ар-Рахмана III среди халифов больше не было правителей такого масштаба. Впрочем, добрую память оставил после себя Хакам II (961–976), который расширил и украсил Кордову. Ему выпало спорное (в политическом смысле) счастье: его министр и единомышленник был человеком столь энергичным, что фактически вытеснил его и продолжил его дело. Это был Мухаммед ибн Аби Амр, получивший за свои деяния имя ал-Мансур — «Победитель» («Альмансор» испанских хроник и эпической поэзии). Человек чистейшего арабского происхождения, ал-Мансур тридцать лет, с 978 по 1008 год, был визирем и фактическим хозяином Испании и Марокко: он вынудил христианское королевство Леон признать себя вассальным по отношению к Кордовскому халифату и в 997 году напал на святилище Сантьяго-де-Компостела. Однако после его смерти в халифском семействе начались настолько сильные династические распри, что единая до того мусульманская Испания распалась на дюжину эмиратов, часто враждующих между собой. Тем не менее эмиры пытались подражать меценатской деятельности халифов и часто продолжали ее, хотя и на более скромном уровне.

В западной Европе — по крайней мере до XII века — ничего или почти ничего не знали о населенных мусульманами землях к востоку от Иерусалима. Достаточно сказать, что Берта, маркиза Тосканская, написала багдадскому халифу ал-Муктафи в 906 году, так как лишь недавно и случайно (от пленников, захваченных на кораблях из Ифрикии) узнала о существовании мусульманского наследного правителя, более могущественного, чем аглабидский эмир Кайруана, с которым она поддерживала хорошие отношения (что, естественно, не исключало пиратских набегов).

В глазах европейцев, напротив, все более важную роль играли правители мелких испанских эмиратов. Одним из них был Муджахид, эмир Дении, который в самом начале XI века задумал и чуть было не реализовал обширный и последовательный политический проект, смысл которого заключался в установлении контроля над Балеарскими островами, Корсикой и Сардинией, то есть практически надо всем северо-западным Средиземноморьем от Валенсии до Тирренского моря. Муджахид с 1010 года укреплял свою власть, пользуясь кризисом халифата, и при поддержке нескольких морских командиров господствовал на Балеарах. Против этой угрозы объединились (вероятно, по призыву Папы Бенедикта VIII) Генуя и Пиза — два морских города, которым ранее довелось перенести немало нападений сарацин; после долгой и трудной войны 1015–1021 годов они сумели одержать победу над противником. Кампания пизанцев и генуэзцев против Муджахида — первый пример серьезного объединения христианских сил против общего мусульманского врага. На этом примере видно, что в XI веке в таких войнах уже присутствовал, явно или неявно, религиозный компонент. Заметим, что именно в это время начинается активная разработка религиозной догматики в таких монастырях, как, например, аббатство Клюни.

Со времен императора Константина в христианском мире религиозные мотивы обычно использовались в поддержку военных действий или для их оправдания (а иногда даже для придания им сакрального характера). В Византии термины «священное воинство» и «священная война» были общепринятыми в той мере, в какой считалось священным все, касавшееся императорской власти: борьба с язычниками и распространение христианской веры могли войти в военную риторику и символику. Однако византийская церковь воздерживалась от придания оружию и войне сакрального смысла. Совсем иначе повела себя римская церковь, которая оказалась перед необходимостью ассимилировать — и затем частично нейтрализовать, а частично свести на нет — нагруженные религиозно-мифическим содержанием древние военные традиции германских народов, с которыми те упорно не желали расставаться. При этом — особенно начиная с каролингской эпохи —

все теснее становилась связь между высшим духовенством и властью, что вело к «милитаризации» ценностей и обычаев: яркий пример тому — римско-германская литургия благословения оружия и посвящения в рыцари, основа рыцарской этики и ритуалов. В таком контексте ярче проявлялась тенденция к превращению военных стычек христиан с мусульманами в эпизоды религиозного противостояния, в котором — основываясь на уже сложившихся умственных стереотипах — две религии выходили на своеобразный Божий суд, чтобы выяснить, какая из них сильнее и, следовательно, лучше. Важно подчеркнуть, что такие умонастроения поначалу скорее подразумевались, чем выражались открыто, и были распространены больше среди мирян, чем среди церковников, которые их терпели, но не более, поощряя лишь в очень редких случаях.

И все же церковные обряды благословения знамен и оружия (в обществе, где благословлялось все, начиная с орудий труда, и любое человеческое действие имело священное измерение), а также представление, восходящее к VII веку, согласно которому от мусульман надо защищать не только жизнь и имущество, но также церкви и реликвии, способствовали тому, чтобы война с новыми врагами рассматривалась как «справедливая» или даже «священная». Несмотря на это, названия «исмаилиты», «агаряне» или «сарацины» происходили от слов, которые, хотя и не обозначали этнические образования, тем не менее указывали на происхождение: они отсылали к библейскому рассказу о потомках патриарха Авраама. Иными словами, врага никогда не называли так, чтобы подчеркнуть — в отрицательном смысле — его статус нехристианина и тем самым оправдать войну с ним различием в вере. В одном документе VIII века — Житии св. Евхерия Орлеанского — говорится о жестокости «злосчастного племени исмаилитов, которое вышло из своих жилищ, чтобы прийти в Аквитанию и опустошить ее», но мы не видим никакого намека на вероисповедание детей Измаила: автор ограничивается тем, что подчеркивает их жестокий нрав, как веками подчеркивался он во многих латинских документах, где упоминалось о различных «варварских» племенах.

Ситуация начала меняться только в IX веке, когда явственно обрисовалась угроза со стороны мусульманских корсаров и понтифики стали вновь, пусть даже время от времени, прибегать к мерам, уже испробованным ранее: например, когда Григорий II в 721 году послал напрестольную пелену папского алтаря герцогу Аквитанскому, который сражался с арабами под Тулузой, или когда Адриан I воодушевлял Карла Великого перед его испанской экспедицией 778 года. Но было бы натяжкой толковать поступок Григория II как стремление придать этой войне характер «священной». Что же до франкских воинов, которые разорвали пелену на мелкие кусочки и проглотили их, то здесь мы видим акт веры, граничащий с магическим ритуалом: это, однако, нисколько не подразумевает того, что война с неверными сама по себе похвальна в духовном смысле. Совсем по-другому выглядит случай со Львом IV, который на следующий день после нападения сарацин на Рим в 846 году пообещал вечную жизнь всем, кто пожертвует собой в защиту веры и Церкви; в похожем смысле высказывались Папы Николай I (856–867) и Иоанн VIII (872–882).

Христиан Западной Европы как раз в эти годы волновали другие известия, которые приходили из Испании — той части исламского мира, которая была им лучше всего известна. Всех потряс случай с «кордовскими мучениками», о котором рассказал Евлогий. Он в 848 году пересек христианскую часть Испании, где участвовал в антиисламской полемике сомнительного характера, и затем ездил по остальной Европе, навещая своих родственников, разбросанных по континенту, видимо, по торговым делам. Путешествия св. Евлогия — интересный пример, доказывающий, что торговля и обмен между Европой и миром ислама были делом куда более распространенным, чем это принято думать, хотя и далеко не простым.

Примерно в 850 году в Кордове около пятидесяти мужчин и женщин нарушили запрет на проповеди против закона Пророка и приняли мученическую смерть. Судя по всему, в основании их поступка лежало не столько стремление к мученичеству, сколько желание приблизить конец света: ведь считалось, что когда Евангелие будет возвещено всем народам, то настанет конец света и Страшный Суд. В 858 году два бенедиктинских монаха из Сен-Жермена, путешествовавшие по Испании в поисках мощей св. Винцента, прибыли в Кордову и вывезли оттуда тела трех мучеников. Кордовский эпизод произвел сильное впечатление на Запад и в течение долгого времени оставался образцовым: спустя примерно четыре века францисканцы сделали из него настоящий пример для подражания. До сих пор ведутся споры, в какой мере папские заявления во второй половине IX века и история с «кордовскими мучениками» повлияли на зарождение идеи крестового похода или, что еще сложнее выяснить, «священной войны» в целом.

Тунисские эмиры-аглабиды, видимо, были призваны на Сицилию неким византийским сановником, желавшим использовать их против своих соперников в борьбе за власть. Им понадобилось более семидесяти лет на то, чтобы полностью завладеть островом: долгий период, если сравнить его с головокружительной военной прогулкой, которая в необычайно короткий срок сделала почти весь Пиренейский полуостров субконтинентом, основательно проникнутым духом ислама. Но после сдачи Таормины в 902 году Сицилия почти на два века стала одной из важнейших частей дар ал-ислама. Конечно, христиане, сведенные к положению диммий, не исчезли с острова, но тем не менее, процесс арабизации и берберизации зашел очень далеко, в том числе в этническом и лингвистическом плане. Сицилийский этнический субстрат был сложным и смешанным: доиндоевропейские «пеласги», финикийцы, эллины, латиняне, византийские греки; тем не менее арабо-берберы оставили в сикульском языке весьма заметные следы, особенно в том, что касается земледелия, ирригации, сельскохозяйственных инструментов и техники обработки земли. Пришедшие из знойной и сухой местности мусульмане были поражены и восхищены обилием воды и лесов на Сицилии, который мог стать неистощимым источником древесины для всего исламского флота. Ибн-Хаукал в X веке относился к Сицилии несколько свысока, считая ее периферией по отношению к процветающим странам Магриба. Однако Палермо, который он увидел в 973 году, был одним из крупнейших городов западного Средиземноморья, с множеством прекрасных дворцов и культовых зданий, прохладными фонтанами, богатыми рынками. До наших дней от всего этого великолепия дошли только бани Чефалу, теперь уже разрушенные. Но основные черты культуры и искусства мусульманской Сицилии сохранились и в XII веке, после завоевания острова викингами. Циза, Куба, палатинская Капелла говорят нам о высоком качестве жизни и о joie de vivre необычайного уровня, соответствующего, впрочем, тому, что мы знаем и что осталось нам от дворцов, садов, водохранилищ, мечетей, медресе Испании и Магриба.

Точно так же свидетельства современников говорят нам об интенсивной интеллектуальной жизни при викингах. На острове расцвели такие науки, как теология, филология, грамматика. Здесь было создано множество превосходных поэтических произведений, как о том косвенно свидетельствует антология (к сожалению, утраченная) Ибн ал-Катта и стихи поэта Ибн Хамдиса, который много лет провел в изгнании: он покинул Сицилию после вторжения скандинавов, затем — Андалузию после прихода к власти Альморавидов и умер (то ли на Майорке, то ли в Беджаие) в 1133 году. Под андалузским небом он оплакивал утраченные им небеса Сицилии — точно так же, как четыреста лет спустя будут скорбеть о родине андалузские изгнанники в Магрибе. Сицилийская поэзия — это «классическая» арабская поэзия, обязанная своими образцами и стилистическими решениями великой традиции ал-Андалуса и при этом не совсем чуждая последующему расцвету сикульской поэзии, которая развилась — на первый взгляд из ничего — во время господства на острове скандинавов.

На Сицилии, так же как в Кордовском халифате, после смерти эмира ал-Акхала (1019–1036), при котором сохранялось политическое единство острова, последовал период раздробленности, со временем открывшей дорогу норманнским завоевателям. Но дворы мелких местных правителей, как и в Испании, долго сохраняли пышность и утонченность, присущие до них палермскому двору.

Дорога святого Иакова

Мосарабы Испании, даже арабизированные и смирившиеся с мусульманским владычеством, все же не питали большой любви к своим правителям, несмотря на проявляемую теми высокую терпимость. Многие бежали в ту часть Пиренейского полуострова, которая лежала к северу от Эбро, или в прохладную и дождливую Кантабрию, горную область между Астурией и Наваррой. Там они создали мосарабскую культуру: характерными ее чертами стали знаменитые арки в форме подковы (то ли реминисценция исламских форм, то ли развитие вестготских образцов) и комментарии к Апокалипсису, в иллюстрациях к которым чувствуется пристрастие к яркому хроматизму и фантастическим видениям.

Но мосарабское высшее духовенство склонялось к мирному сосуществованию с мусульманами и поэтому сделало скрытую уступку строгому исламскому монотеизму в виде доктрины толедского епископа Элипранда, которую он выдвинул в конце VIII века: согласно ей, Христос был Избранным, «усыновленным» самим Богом, но Божественное Существо при этом оставалось только одно. Как реакция на это, в северной части полуострова, не затронутой мусульманскими завоеваниями, стало развиваться христианство, проникнутое идеей триединства, в чем можно увидеть проявление жесткой оппозиции исламу.

В королевстве, основанном готом Пелагием в 720 году в Овьедо, утвердился тот вид христианской веры, который в дальнейшем будет прочно ассоциироваться с национальным характером жителей Иберии. В таком контексте особенно важным становится то, что в начале IX века в галисийском городке Компостела были обретены мощи, после недолгих споров признанные мощами апостола Иакова, которые море чудесным образом принесло на северо-западный берег Испании. Иаков традиционно считался проповедником христианства на Пиренейском полуострове. Подобная реликвия повышало статус церкви Астурийского королевства, делая ее равной церквям, основанным апостолами — римской, александрийской, антиохийской, константинопольской, — и позволяло успешно конкурировать с ними (венецианцы могли бы считать свою церковь не менее значительной, так как туда из Александрии были доставлены мощи святого апостола Марка). Астурийская монархия опиралась на культ «Сант-Яго» (позднелатинское стяжение слов sanctus Jacopus — святой Иаков), чтобы отстоять свою преемственность по отношению к вестготской короне, прерванную арабо-берберским вторжением. С той же целью был разработан крупный проект нового заселения долины реки Дуэро, который охватывал как новые населенные пункты (в том числе город Бургос, вокруг которого к середине X века образовалось целое графство), так и старинные города, чье население к тому времени сильно сократилось. Реализация этого проекта стала возможной еще и потому, что в то время почти во всей Европе не только улучшились климатические условия, но и наметился демографический подъем, который достигнет своего апогея в период с X по XII века и замедлится только во второй половине XIII века. Когда при Альфонсе III Великом (866–910) столица Астурии была перенесена из Овьедо в основанный еще римлянами город Леон, от которого королевство получило новое название, стало очевидно, что правители намерены сдвинуть границы к югу и расширить область расселения астурийцев по направлению к плоскогорью. Полномасштабные военные действия против сарацин были невозможны, но кратковременные набеги (aceifas) случались нередко.

Похожие планы разрабатывались в Наварре, ставшей в 926 году королевством и позже присоединенной к Кастилии в Арагоне, который стал королевством в 1035 году, когда после смерти Санчо III Наваррского окончательно отделились друг от друга кастильское, арагонское и наваррское государства; и в каталонском графстве со столицей в Барселоне, возникшем из каролингской Испанской марки. В конце X века неустойчивая иберийская граница между мусульманами и христианами закрепилась вдоль реки Дуэро. На северо-восточном краю этой границы каталонцы, отбив в 985–1003 годах целую серию нападений мавров на Барселону, стремились, в свою очередь, расширить собственные владения до Таррагоны, которая находилась на полпути от их столицы до мусульманского города Тортосы в устье реки Эбро.

Ал-Мансур, великий министр Хишама II, прекрасно понимал, что пока структура халифата будет прочной, наступления с севера можно будет сдерживать. Поэтому он ответил жестким контрнаступлением, кульминацией которого стала осада города Компостелы в 996–997 годах: город подвергся разграблению и разрушению, хотя мощи апостола Иакова осквернены не были.

Это был не просто военный поход, а демонстративный, полный символического значения поступок, который, однако, произвел эффект, прямо противоположный ожидаемому. Визирь уже осознал важность нового явления, наблюдавшегося как раз в эти годы: из-за Пиренеев к могиле апостола Иакова, знаменитой совершавшимися на ней чудесами, из года в год стекалось все больше паломников. Однако визирь не отдавал себе отчета в том, что этот культ укоренился уже по всей Европе, и известие об осквернении святилища отнюдь не посеяло страха и растерянности и не стало причиной охлаждения и забвения — напротив, оно вызвало бурный всплеск возмущения и одновременно воодушевления. Дело апостола Иакова становилось общим делом всего христианства: теперь речь шла не только о паломничествах, но и о защите могилы святого, которой угрожали «язычники».

При поддержке могущественного аббатства Клюни была довольно быстро создана целая сеть дорог, которые пересекали Германию, Италию и Францию, сходились у подножия Пиренеев и оттуда шли дальше в Галисию — через Наварру, Кастилию, Леон и Астурию — до самого Сантьяго. Дорога, ведущая к знаменитому святилищу, одновременно соединяла множество других мест поклонения (порой весьма важных), каждое из которых обрастало своими реликвиями, легендами, чудесами. Вдоль этой дороги строились мосты и приюты для паломников; создавались религиозные братства, которые заботились о странниках, давали им кров и лечили, если те заболевали в пути. Паломничества в Сантьяго вдохновлялись новым видом религиозности: его вызвало к жизни обновление церковных институтов, а также требованиями нравственной реформы, которые выдвигала часть духовенства того времени при поддержке тех, кто составлял окружение пап-реформаторов и аббатов клюнийского ордена. Встав в один ряд с традиционными местами поклонения — Римом и Иерусалимом, — дорога св. Иакова становилась символом нового понимания европейской действительности, отмеченной

демографическим подъемом и экономическим возрождением. Энергичный клюнийский аббат Одилон — «король Одилон», как саркастически называли его недоброжелатели, — даже навлек на себя немало критики из-за своего увлечения экспедициями против мусульман: было ясно, что паломничество и борьба с иберийским исламом были тесно связаны между собой.

Дорога в Сантьяго — «Camino» — проходила (по крайней мере, первое время) в относительной близости к «ничейной зоне», отделяющей христиан от мусульман; поэтому паломничество довольно быстро приобрело и военное значение. Ходили легенды о том, что во время битвы под Клавихо в 884 году сам апостол, в ослепительно белом одеянии и на белоснежном скакуне, повел христиан в бой с врагами. С тех пор, согласно традиции давать государям прозвища, напоминающие об их победах, святой Иаков стал называться Матаморос — истребитель мавров (так Василий II, император Константинополя и победитель болгар, получил прозвище «Булгароктонос» — Болгаробойца).

Мы не можем сказать точно, с каких пор этот образ апостола-воина стал превалировать над первоначальным образом странника и чудотворца: до нас дошли довольно поздние его изображения, а воинский культ этого святого датируется XII веком. Вообще-то эта легенда была известна еще в 1064 году, когда христианские воины, прибывшие главным образом из Франции, осаждали Коимбру. Они уже знали о похожем случае, который произошел на Сицилии ровно за год до этого, во время битвы норманнов с сарацинами при Мерами: там в сражении принял участие сам св. Георгий с прикрепленным к копью белым стягом.

Сообщениями такого рода пестрит история норманнского завоевания Сицилии, а также того неоднозначного мероприятия, которое состоялось в 1096–1099 годах и обычно зовется «Первым крестовым походом». Это следует рассматривать в контексте придания конфликту с сарацинами религиозной окраски, что объяснялось не только пропагандой реформаторских кругов Церкви, но также растущим, хотя и смутным, энтузиазмом европейцев, пробуждением в них коллективного сознания, вновь обретенной готовностью сражаться и принять мученическую смерть за веру.

Мусульманская Испания после распада Кордовского халифата была поделена на множество мелких эмиратов; ее раздирали конфликты между арабской и берберской знатью. При этом, однако, на полуострове сохранялось неустойчивое равновесие, так как христианские королевства севера тоже соперничали и враждовали межу собой. Положение изменилось к 1055 году, когда Фердинанд I, провозглашенный в 1037 году королем Кастилии и Леона, начал военные действия и присоединил к своим владениям долину реки Дуэро. Коимбра была взята в 1064 году: перед этим государь совершил паломничество в Компостелу и просил святого Иакова поддержать его в этом предприятии, после чего, как уже было сказано, начали ходить легенды о появлении Сант-Яго-«Матамороса» в разгар битвы при Клавихо. Между тем положение на арагонском фронте было тяжелым из-за гибели короля Рамиро I во время осады сарацинской крепости Граус. Поскольку инфант Санчо был еще несовершеннолетним, инициативу пришлось взять в свои руки Папе Александру II: в результате в том же году, что и Коимбра, был взят укрепленный город Барбастро неподалеку от Сарагосы. В этой экспедиции участвовало много французских рыцарей, и она вызвала в Европе мощный прилив военного и религиозного энтузиазма.

Падение Коимбры и Барбастро стало чувствительным ударом для ал-Андалуса. «Мавры» — мусульманские князья Сарагосы, Бадахоса, Толедо и Севильи — были вынуждены платить дань Фердинанду Кастильскому, который демонстративно добирался до самой Валенсии. Но в 1065 году он скончался в Леоне, незадолго до этого поклонившись в новом соборе, заложенном им самим, мощам св. Исидора Севильского, которые передали ему мавры.

Осада Барбастро в 1063–1064 годах была, наверное, эпохальным эпизодом в отношениях христиан с мусульманами. Булла Александра II «Тем, кто [направляется] в Испанию» («Eos qui in Hispaniam»), благословляющая это мероприятие, в традициях канонического права послужила образцом для последующих папских документов, которые потом стали правовым основанием крестовых походов. Эта булла отпускала грехи всем участникам похода, к которому примкнули герцог Гильом Аквитанский и рыцари из разных областей Франции. Вполне вероятно, что Александр II (Ансельмо да Баджо, один из крупнейших церковных реформаторов) вручил герцогу Аквитанскому знамя св. Петра (vexillum sancti Petri), гарантировавшее добровольцам защиту римской Церкви и одновременно освящавшее бесспорное право этой Церкви на будущие завоевания.

Итак, в Испании, подобно тому, как в районе Тирренского моря и на Сицилии, создавалась атмосфера, в которой на рубеже X и XI веков сформируется сложное явление: составными частями которого станут военные экспедиции, а также целый комплекс религиозных и духовных достижений. Все вместе известно нам теперь как «крестовые походы». Само это название стало употребляться позже; оно скрывает под собой различные явления и в какой-то мере сбивает с толку. Для нас важно выяснить, какие причины обусловили такое положение дел и состояние умов. Это осознание необходимости борьбы с мусульманами, распространившееся от Пиренейского полуострова до Сицилии (а чуть позже и до Сирии); неверное, но объяснимое представление об исламском мире как сплошном и едином — от передней Азии до Магриба и Иберии; наконец, мысль, которую церковные реформаторы внушили светской и военной аристократии и послужившую также идейной основой для движения «Божьего мира» (Pax Dei), требовавшего перемирия в феодальных войнах, которые шли на всем христианском Западе. Эту мысль можно сформулировать так: возможная война с неверными, сопровождаемая захватом добычи и земель, является источником новых ресурсов; эти ресурсы смогут компенсировать потери от неизбежного прекращения конфликтов между рыцарями (milites) и от систематических грабежей, которым подвергались на дорогах торговцы и паломники. Так «экспорт насилия» за пределы христианства, одобренный и в известном смысле освященный церковью (через индульгенции и вручение знамен), а также расширение торговли как следствие христианских завоеваний придали новый импульс христианской Европе, — импульс, в котором сошлись религиозные, политические и экономические соображения.

План использования светской аристократии в деле реформы Церкви — от борьбы против контроля мирян над церковным имуществом, все еще имевшего место, до войны с неверными (причем одно дополняло другое, хотя на практике некоторые инициативы или ситуации порой оказывались взаимоисключающими) — приобрел вполне конкретные черты при Папе Григории VII. Папа без колебаний обратился к одному из наиболее надежных союзников римской Церкви, герцогу Гильому Аквитанскому, с просьбой поддержать его в борьбе с давним врагом — императором Священной Римской империи Генрихом IV. В 1074 году Папа привлек герцога к своему проекту предоставления военной помощи христианам Востока, которым угрожало турецкое наступление. Стоит заметить, что прошло двадцать лет после раскола Церкви на восточную и западную и три года — со времени битвы под Манцикертом, где сельджуки одержали победу над византийцами. Проект Папы имел целью ликвидировать или, по крайней мере, смягчить последствия раскола церкви, и сократить дистанцию между Римом и Константинополем — и, кроме того, утвердить на Востоке если не власть, то хотя бы духовный престиж папского престола. Настроения, сложившиеся в Испании после возникновения «Дороги св. Иакова» и первоначальных успехов христианского контрнаступления на Пиренейском полуострове, имели первостепенное значение для последующих событий во всем Средиземноморье.

Смерть Фердинанда I Кастильского в декабре 1065 года вновь приостановила на время тот долгий и неравномерный исторический процесс, который теперь принято называть Реконкистой. Одному из сыновей короля, Альфонсу VI, в конце концов удалось, хотя и с трудом, снова объединить под своей властью Кастилию и Леон. Он нанес новые поражения маврам — при поддержке человека, имя которого вскоре стало легендарным — Родриго Диаса де Вивара, по прозвищу Сид Кампеадор (campi ductor, то есть «военачальник»; «Сид» — это в действительности арабское сайид, «господин»). Состоялась закладка двух новых больших соборов — в Барселоне в 1058 году (старый собор был разрушен во время набегов ал-Мансура 985–1003 годов) и в Сантьяго в 1075 году. В этом проявилось широко распространенное тогда представление, что религиозные и военные дела тесно связаны между собой и что вслед за победой приходит процветание.

С другой стороны, история Сида, строптивого союзника не всегда прямодушного короля, дает яркое представление о том, чем на самом деле была Реконкиста: войной христиан с маврами, которая характеризовалась как всплесками огромного и порою яростного энтузиазма, так и периодами, когда господствовала бесстрастная и циничная «реальная политика». Впавший в немилость у короля и в 1081 году отправленный в изгнание (кроме всего прочего, еще и за отказ соблюдать гарантии, которые король дал маврам), Родриго поступил на службу к эмиру Сарагосы. Тот воевал с эмиром Лериды, который, со своей стороны, пользовался поддержкой Санчо Арагонского и Раймунда-Беренгара II, графа Барселонского. Подобные военные союзы мавров и христиан против таких же мавро-христианских альянсов были вполне обычным делом. Даже Альфонсу VI удалось 6 мая 1085 года захватить Толедо благодаря поддержке мусульманского малика Бадахоса, противника ал-Кадира, правителя Толедо. Именно убийство последнего заставило Сида, горевшего желанием отомстить за друга-сарацина (Сид, кроме того, намеревался участвовать в процессе новых завоеваний, но при этом играть по своим правилам), осадить Валенсию, которая ранее не захотела его принять. 15 июня 1094 года, после двадцатимесячной осады, Валенсия пала, и Сид, примирившись с Альфонсом, стал сеньором этого города. Он правил Валенсией до самой своей смерти в 1099 году.

Король пережил своего знаменитого вассала на десять лет. О его тесных связях со странами по ту сторону Пиренеев говорит тот факт, что он трижды брал в жены знатных француженок, а двух дочерей выдал замуж за выходцев из Бургундии и Лотарингии, которые прибыли в Испанию для войны с маврами. Его бургундский зять, Генрих, женатый на инфанте Терезе, в 1094 году стал первым государем кастильского графства, основанного между реками Миньо и Дуэро, — ядра будущей Португалии.

Со своими мусульманскими соседями Альфонс обращался лучше, чем с вассалами и союзниками. Он повелел христианам Толедо вернуть сарацинам городскую мечеть, отнятую у тех после взятия города в 1085 году; кроме того, он неоднократно наказывал своих подданных, которые позволяли себе злоупотребления в отношении подвластных ему сарацин, и заставлял возмещать убытки.

Но после взятия Толедо как у него, так и у Сида дела шли с переменным успехом. Когда-то король доскакал до Тарифы, самой южной точки полуострова, и, пришпорив коня, ринулся в море, словно бросая вызов выступающему с другой стороны пролива магрибскому берегу. И надо сказать, что вскоре ему пришлось пожалеть об этом.

Мусульманский правитель Севильи, блестящий и просвещенный ал-Мутамид — кади, возглавлявший нечто вроде аристократической республики именитых граждан — чувствовал, что фортуна отворачивается от ал-Андалуса. Однако по ту сторону Геркулесовых столбов уже давно установилась власть сурового братства мурабитун — «людей из рибатов», обитателей монастырей-крепостей, людей, пришедших из-за Сахары, с берегов рек Сенегал и Нигер, и завладевших Марокко и Алжиром. Это были морабиты, или, иначе, альморавиды.

Разумеется, ал-Мутамид не любил этих мрачных фанатиков; не нравилась ему и необходимость обращаться за помощью к их вождю Йусуфу ибн Ташфину. Однако на вопрос о причинах такого тяжелого выбора он отвечал: «Я лучше буду погонщиком верблюдов в Африке, чем свинопасом в Кастилии». Итак, Йусуф, амир ал-муслимин, пересек море и сказал Альфонсу, предложившему ему начать переговоры: «У меня нет других грамот, кроме мечей и копий, и нет других послов, кроме моего огромного войска».

Сражение состоялось 23 октября 1086 года при Саллаке (ныне Саграхас) и стало одним из самых крупных в истории поражений христиан. Королю Альфонсу с несколькими сотнями рыцарей едва удалось спастись в Сории. Отрубленные головы побежденных были свалены в жуткие груды, как символ торжества. Перед христианами и мусульманами Испании предстал совсем другой ислам: сияние фонтанов «живого серебра» в Мединат ал-Азхар казалось теперь невероятно далеким…

Мусульманское общество ал-Андалуса заплатило за эту победу довольно высокую цену. Йусуф подчинил своей власти все мелкие эмираты. Сопротивление отдельных правителей, объединившихся с кастильцами (теперь уже было совсем не очевидно, что лучше быть погонщиком верблюдов при аль-моравидах), было беспощадно подавлено. Толедо достался христианам, но к югу от реки Тахо уже ничего не осталось от предыдущих достижений Реконкисты. В мусульманских городах простые люди в приступе религиозного энтузиазма, подкрепленного недавними победами, приветствовали жестокую власть фанатиков-альморавидов. Прежние эмиры ал-Андалуса, которых новые хозяева считали безнравственными и порочными, были вынуждены удалиться в изгнание: кое-кто из них, например, севильский кади и поэт ал-Мутамид, умер в цепях (а вовсе не погонщиком верблюдов) в Африке.

С другой стороны, несмотря на варварство фанатичных стражей рибатов, годы альморавидского владычества, распространившегося от Тахо до Сахары, были отмечены миром и процветанием. Конечно, поначалу немногочисленные крупные сражения были кровавыми, а репрессии — жестокими: однако затем новые хозяева, неукоснительно придерживаясь Корана, ограничились только легким налоговым нажимом на муслимун и диммий. При альморавидах стали развиваться города: выросла еще одна столица — Марракеш, основанный в 1062 году по приказу Йусуфа ибн Ташфина, достиг расцвета Фес. Новые правители поддерживали торговлю и ремесло, которые набирали обороты в таких городах, как Тлемсен или Сиджильмаса в Африке и Альмерия в Испании. В Альмерии в производстве шелковых тканей было занято примерно восемьсот человек; там насчитывалось около девятисот постоялых дворов (хан), а также складов товаров (фундук); имелись многочисленные мастерские по обработке металлов, а в порт заходили корабли из всех средиземноморских стран ислама. Повсюду были в цене золотые монеты, отчеканенные на монетных дворах альморавидских городов (на Западе их называли маработтины). Не следует также думать, что мистицизм стражей рибатов подавлял интеллектуальную жизнь: напротив, теологические и юридические споры в то время были весьма оживленными. Библиотека и медресе Кордовы переживали необычайный расцвет, какого не знали даже во времена халифов; это, в свою очередь, дало мощный импульс культурному развитию, плодами которого, начиная со следующего века, воспользовался даже Запад.

Между тем завершился земной путь Родриго Диаса де Вивара. Как повествует кастильская поэма «Песнь о моем Сиде», великий воин умер в Валенсии 10 июля 1099 года, ровно за пять дней до того, как по другую сторону Средиземного моря в Иерусалим вошли вооруженные паломники-франки — «крестоносцы». Согласно легенде, свою последнюю битву Сид выиграл уже после смерти, поскакав из ворот осажденного города навстречу маврам, которые при виде его пустились в бегство: верный конь Бабьека нес в седле своего набальзамированного хозяина, который держался прямо благодаря привязанной к его спине деревянной доске. Тем не менее Йусуф, не раздумывая, напал на Валенсию. Надо сказать, что город долго сопротивлялся, однако в начале мая 1102 года король Кастилии, осознав бесполезность дальнейшей защиты, был вынужден оставить его. Вдова Родриго, донья Химена, увезла из города останки мужа, чтобы предать их родной земле в Бургосе.

Альфонс VI, который отчаянно пытался взять реванш, потерпел в 1108 году еще одно поражение при Уклесе, между Толедо и Куэнкой, где потерял своего единственного наследника, дона Санчо. Инфант был ему очень дорог: он был рожден от связи с сарацинкой Зайдой, невесткой севильского кади, которую Альфонс горячо любил.

Итак, после толедского триумфа поединок христиан и мусульман на Пиренейском полуострове завершился для первых позорным поражением. Но совсем иначе обстояли дела в других местах: на Средиземном море, в Италии, в Сирии.

Герои и мученики

Хребет высок, в ущельях мрак царит,Чернеют скалы в глубине теснин.Весь день идут французские полки,На много миль разносятся шаги…

Это начало знаменитой LXVI лассы «Песни о Роланде». Существует множество вариантов этого произведения, дата создания которого точно не определена. Целые поколения обитателей Западной Европы пели эти или похожие стихи и запоминали их наизусть. Их сердца начинали биться сильнее, когда эти строки вспоминались им на мрачной дороге в Пиренеях, между Остабатом и Пуэнте ла Рейна — то есть там, где сходились пути паломников из Тура, Везле, Ле Пюи, чтобы затем соединиться с «южной дорогой», которая шла от Сен-Жиля, и затем через Логроньо, Леон и Бургос устремиться в священную Компостелу (Campus Stellae), где паломников ожидал апостол Иаков. Если какую-то дорогу и можно назвать «дорогой Европы», то именно эту: никакой другой маршрут так не способствовал формированию европейского самосознания.

Роланд — главный герой одной из самых известных и значительных эпических песен на старофранцузском языке, составляющих каролингский цикл. Нам почти ничего не известно об исторической личности, которая с XI–XII веков станет одной из главных фигур в европейской эпической традиции. Имя, которое с небольшими вариациями (Hruodlandus, Rothlan- dus) фигурирует в списке окружения короля Карла, соответствует документам, где перечислены королевские придворные, а также нумизматическим свидетельствам — такое имя выгравировано на монетах 781 года. Но самое важное косвенное свидетельство имеется в «Хрониках, приписываемых Эйнгарду» («Annales qui dicuntur Einhardi»), где рассказывается о том, что в 778 году арьергард франкских войск, возвращающихся после неудачной кампании в Наварре и Арагоне, попал в засаду, устроенную в Ронсевальском ущелье горцами-вассонами (басками или гасконцами; в любом случае, несомненно, христианами). «Хроники» ограничиваются упоминанием о том, что в этом не вполне ясном и, в сущности, бесславном военном эпизоде погибло несколько королевских приближенных, которым король поручил командование отступающей колонной. Написанная тем же Эйнгардом биография Карла Великого («Vita Caroli»), опубликованная в 829–836 годах, возвращается к этому событию и называет имена трех наиболее важных особ, которые пали в этом сражении: сенешаль Эггихард, граф Ансельм, а также «Hruolandus, Britannici limitis praefectus» — то есть Роланд, маркграф Британский. Возможно, историческая память о событии 778 года, не прерываясь, дожила до XI века, то есть до тех пор, когда она была принята эпической традицией или, точнее, когда известная нам традиция была закреплена письменно. Эта оговорка не случайна: до сих пор не утихли споры между теми, кто считает, что так называемые chansons de geste (французские героические поэмы) развились из древних устных кантилен, повествующих о подвигах короля Карла (впрочем, об этих подвигах сохранились только отдельные упоминания, но не пространные тексты), и теми, кто утверждает, что каролингский эпос возник спонтанно в ходе паломничества и военных действий Реконкисты.

Итак, в основе легенды о Роланде лежит исторический факт — хоть и «второстепенный», но доподлинно известный и не подлежащий сомнению. Возможно, по воле самого Карла Великого почти сразу же началась своеобразная переработка этого материала: военное поражение возвышалось до самоотверженного мученичества, религия нападавших менялась с христианской (какой она в действительности была) на мусульманскую (при этом замалчивался тот факт, что эти нападавшие скорее защищали свою землю от чужого войска). Все это превратило позорное военное поражение в успех политической пропаганды. Последующие три века соперничества христиан и мусульман в Средиземноморье, на Пиренейском полуострове, на Сицилии и, наконец, в Анатолии, Сирии и Палестине только способствовали возвышению разгрома в Ронсевальском ущелье до образца столетнего, а в символической перспективе и вечного, поединка между христианством и исламом. Роланд превратился в святого покровителя этого поединка, почти канонизированного мученика: его образ уподобляется образу Христа в той мере, в какой смерть Роланда была подобием страстей Христовых.

В истории случались эпизоды, которые можно назвать программными для этого длительного противостояния (по этой же причине принявшего, так сказать, хронический характер и чаще всего протекавшего без «обострений»). Одним из таких эпизодов, видимо, была осада Барбастро — учитывая резонанс, который она вызвала в христианском мире. Современные ей события в Италии и Сирии тоже повлияли на складывание тематики chansons de geste. Однако Испания вновь обращалась к давним подвигам Карла — образцового христианского императора, которого обновленная Церковь желала бы видеть на месте тогдашних развращенных властителей, ее врагов. На пути Реконкисты и паломничества в Сантьяго формировались идея, дух, эстетика и риторика того, что потом стало крестовыми походами. Старинная каролингская легенда была переработана и во многом даже видоизменена по отношению к исторической действительности. «Песнь о Роланде» неоднократно, хотя и довольно туманно, ссылается на некий текст — «Древние подвиги» или «Подвиги франков» (неизвестно, относится ли он к поэтическому или повествовательному жанру), — который якобы является ее первоисточником. Однако тут мы, возможно, имеем дело с литературной фальсификацией, предпринятой для того, чтобы описанные события выглядели более достоверными. Большего доверия заслуживают упоминания настоящих святынь, вызывавших такое же благоговение, как мощи св. Иакова — у французских паломников, направлявшихся в Компостелу. Это могила Роланда (а также предполагаемые могилы Оливье и Турпина) в церкви св. Романа в Блэ; это Олифант в церкви св. Северина в Бордо — то есть рог Роланда (tuba eburnea), упомянутый в знаменитом манускрипте XII века «Книга св. Иакова» («Uber Sancti Jacobi», или «Codex calixtinus»), хранящемся в соборе Сантьяго. К сожалению, в ходе гугенотских войн, а затем Французской революции многие из этих ценных свидетельств были уничтожены. Письменное закрепление «Песни о Роланде» говорит о существовании культовых мест, связанных с памятью о героической гибели Роланда: скорее всего, они имеют прямое отношение к устной разработке эпических тем, которые легли в основу именно той редакции поэмы, которую мы знаем.

В своей истории английских королей под названием «Gesta regum Anglorum», написанной примерно в 1125 году, Вильгельм Сомерсетский (Вильгельм Малмсберийский) сообщает нам о том, что в битве при Гастингсе в 1066 году норманнские воины пели некую «кантилену о Роланде». Неизвестно, однако, имеет ли он в виду саму

«Песнь о Роланде» или предшествовавшие ей многочисленные устные сочинения, в какой-то мере ставшие для нее образцом и источником. Разница во времени между событиями 1066 года и редакцией «Песни» не позволяет установить точную дату ее создания. Однако можно сказать, что «Песнь о Роланде» по своей сути является современницей первого крестового похода, пусть даже трудно определить, возникла она чуть раньше или чуть позже. Нет сомнений в том, что и поэма, и поход 1096–1099 годах взросли на одной и той же культурной и событийной почве и тесно связаны между собой.

В каком-то смысле «Песнь о Роланде» даже дает нам ключ к пониманию сути крестового похода и мер, принимаемых против сарацин с начала XII века, а также помогает осознать пропагандистскую составляющую этих мер. За семь лет войны Карл подчиняет себе всю Испанию: остается только Сарагоса, правитель которой, Марсилий, отправляет к королю франков своего посла Бьянкардино. Вопрос об отношении к последним остаткам сарацинского господства в Испании и становится причиной спора между сторонниками войны, в первую очередь Роландом, и поборниками мира, к которым относится его отчим Ган. Возникшее между ними соперничество ведет к тому, что Ган, посол Карла в Сарагосе, из ненависти к Роланду убеждает Марсилия взяться за оружие и вместе с ним устраивает засаду в Ронсевальском ущелье: там Роланд погибает как герой-мученик. Карл прибывает слишком поздно, чтобы спасти любимого племянника, однако вовремя, чтобы преследовать обратившихся в бегство сарацин. В этот момент потерпевший поражение Марсилий принимает в Сарагосе послов своего государя, сарацинского эмира Балиганта, который идет на Испанию, чтобы помериться силами со своим главным врагом — императором Карлом (как не вспомнить о призыве правителей испанских эмиратов, обращенном к альморавидскому эмиру?). Битва между этими двумя государями — это в действительности наивысший момент противостояния христианства и язычества. Побеждает Карл; Сарагоса взята, Марсилий погибает, Роланда хоронят в Блэ, и Карл может вернуться в Ахен, где Альда, невеста рыцаря, умрет от горя при известии о смерти возлюбленного, а Гана постигнет справедливая кара.

«Песнь о Роланде» и сочинения, которые предлагались как ее продолжения или дополнения, имели в XII–XVI веках необычайный успех. Вместе с ними стали знаменитыми имена самого Роланда и его верного товарища Оливье, а также многочисленные изображения персонажа по имени Роланд, которые дошли до нас в миниатюрах рукописных поэм каролингского цикла, в скульптурах и витражах.

Бесспорно, изобразительные свидетельства популярности Роланда и его трагической истории весьма многочисленны, хотя в отношении некоторых из них были и остаются сомнения. Помимо нескольких изображений, слишком поспешно или, напротив, с опорой на малонаучную и неохотно принятую традицию признанных изображениями Роланда, к Роланду и Оливье с большой долей вероятности имеют отношение две статуи портала собора в Вероне. В том, что перед нами тот самый знаменитый рыцарь, не остается сомнений благодаря надписи «Дюрандаль», украшающей его меч. Впрочем, то, что вторая скульптура изображает Оливье, уже не так очевидно, и даже по отношению к Роланду остаются вопросы, с каких пор его считают таковым. Другими словами, не исключено, что два воина, охраняющие портал веронского собора, вовсе не являются легендарными рыцарями, и что именно из-за популярности цикла о Роланде на клинке меча была вырезана соответствующая надпись: теперь рыцарь окончательно стал Роландом (хотя существует также мнение, что это Вильгельм Оранский и сарацин Ренуар — герои другого эпического цикла). Внушительная иллюстрация эпопеи о Роланде в напольной мозаике собора в Бриндизи, напротив, не вызывала никаких сомнений: библейские сцены в середине мозаики были окружены каймой шириной в два с половиной метра, на котором были представлены события в Ронсевальском ущелье. К сожалению, два землетрясения в 1743 и 1858 годах совершенно уничтожили напольное изображение, и сегодня мы имеем представление об этих мозаичных сценах только по приблизительным графическим репродукциям.

События каролингского и артуровского циклов смешивались в XII–XIII веках: не потому, что в каролингский цикл вторгался артуровский, но скорее потому, что первый, первоначально эпический по своей сути, со временем все больше приобретал типичные черты второго, для которого характерны любовные истории, странствия и приключения с волшебной или романтической подоплекой.

В XII–XIII веках поэт Бертран из Бар-сюр-Об, автор «Жирара Вьеннского» и, возможно, «Аймери Нарбоннского», подразделял легенды о подвигах на три цикла: третий цикл составляли двадцать четыре песни из «Песни о Гильоме» («Geste de Guillaume»), посвященные герцогу Гильому Аквитанскому, современнику Карла Великого (возникает, однако, вопрос, не отсылали ли они каким-либо образом к памяти героя похода Барбастро и любимца Папы Григория VII). В этих песнях присутствовала тема верности вассалов своему слабому и безвольному сюзерену, которому внутренние враги угрожают не меньше, чем внешние. Эпическая традиция встречалась с историей и неразрывно переплеталась с ней.

Тирренские моряки и норманнские воины

Мы знаем, что существует два противоположных объяснения необычайного расширения границ Западного мира, начавшегося с XI века. Первое — что это расширение было вызвано и даже в какой-то степени направляемо внешними силами; второе — что это был самостоятельный процесс, причины и движущие силы которого нужно искать на европейской территории.

Сторонник первой точки зрения Морис Ломбар говорил, что формирование средиземноморского, в первую очередь мусульманского, пространства от Кордовы до Каира, от Кайруана до Дамаска и от Палермо до Багдада, с его крупными городами, где был высокий спрос на товары потребления и сырье, побуждало европейский Запад поставлять в этот район те товары, которыми он располагал или которые в изобилии производил: древесину, железо, олово, медь, оружие, а также — обходя церковные запреты — рабов. Такая торговля, становясь все более оживленной, способствовала восстановлению связей между различными участками средиземноморского побережья, несмотря на повсеместные морские конфликты и набеги пиратов, и влила новые жизненные соки в жилы варварской Европы, едва оправившейся от зимы раннего средневековья. Поборники второй гипотезы (Марк Блок, Линн Уайт-мл., Жорж Дюби и другие), напротив, ставили во главу угла целую серию взаимодополняющих причин — от климатических и демографических до технологических. Но, кажется, давно уже ясно, что для составления полной картины нужно учитывать все эти факторы, оценивая каждый из них соответственно его реальной важности и избегая искушения устанавливать единственные или первостепенные причины в процессе, который необходимо рассматривать именно как комплексный. Мусульманское золото, которое в X–XI веках обращалось в большом количестве в прибрежных городах христианской Европы, имело различное происхождение. Например, в Барселоне это могла быть плата арабо-испанских правителей каталонским наемникам; однако чаще это были доходы от европейской торговли, в которой все большую долю составлял экспорт, а также — не в последнюю очередь — добыча, полученная в результате грабительских нападений.

Для Пизы и Генуи в конце X — начале XI века еще существовала угроза мусульманских набегов, хотя сегодня принято считать, что упадок экономики и мореходства в этих городах начался еще раньше. Впрочем, в скором времени им пришлось проверить собственные силы в непростой борьбе с маликом Дении и Балеарских островов Муджахидом, которого удалось разгромить в 1021 году. С тех пор пизанские моряки были не только торговцами и дипломатами, но и воинами. Иногда они вели борьбу в союзе с генуэзцами, но чаще без них — ведь спор обоих городов за господство в Тирренском море уже начался. Документы государственного архива Пизы говорят о том, что отношения города с мусульманскими прибрежными государствами Африки были в целом хорошими и даже опережали свое время: монах Донизон, ученый биограф Матильды Тосканской, возмущенно писал, что в XI веке в порту тосканского города появлялись «темные» африканцы.

Но периоды мирных отношений чередовались с военными стычками. В 1034 году пизанцы напали на алжирский город Бона. В 1063–1064 годах был предпринят набег на порт Палермо: добыча от него пошла на строительство собора, в основе форм и пропорций которого, как и расположенного рядом великолепного Баптистерия Бонанно, лежат точные измерения храмов Гроба Господня в Иерусалиме и Рождества Христова в Вифлееме. Наконец, в 1087 году произошло нападение на порт ал-Махдия, важность которого историки долгое время недооценивали по вине некоего злонамеренного скандинавского хрониста, близкого к Рожеру I. Завоевателю Сицилии не нравились многочисленные военные предприятия против мусульман, которые могли испортить его добрососедские отношения с Египтом и североафриканскими правителями: он даже отклонил предложение Пизы участвовать в захвате ал-Махдии. Сегодня, напротив, значение этой экспедиции оценивается в полной мере. Это был не просто ответ на какую-либо выходку со стороны торговцев или пиратов: ал-Махдия вместе с Мазарой была для мусульман важным промежуточным пунктом на морских торговых путях, связывающих Альмерию и порты Нила. Уже из этого понятно, сколь высоки были ставки.

Действительно, экспедиция готовилась долго и тщательно, в ней было задействовано внушительное количество кораблей и людей. Кроме того, Папа Виктор II предоставил ее участникам отпущение грехов — видимо, аналогичное тому, которое дал Александр II для осаждавших Барбастро. Флотилия была создана в результате коалиции пизанцев с генуэзцами и амальфитанцами, при этом пизанцы были в большинстве. В этой коалиции были и другие участники: например, Бенедикт, епископ Модены, занимал в ней весьма высокий пост. Был ли он представителем Папы? Как бы то ни было, именно его присутствие в окружении Матильды, маркграфини Тосканской, определило политический вес коалиции. Одно пизанское поэтическое сочинение, которое кажется достойным доверия в плане исторических сведений, говорит о неком знаке (signum) св. Петра на сумах (scarsellae) моряков: его можно истолковать как обычный знак на одежде (signa super vestes), означающий обет паломника и, кроме того, связать с папским отпущением грехов. Это не только совпадает со свидетельствами одной хроники из аббатства Монте-Кассино, согласно которой Папа — по обычаю, входившему в практику пап-реформаторов — передал флоту свое знамя (vexillum), но и на целое десятилетие опережает поступок, считающийся эпохальным, когда в Клермоне (городе, расположенном на пути в Компостелу) Папа Урбан II вручил знак креста (signum crucis) тем, кто откликнулся на его призыв помочь христианской Церкви на Востоке, которой угрожают неверные.

В «Первом крестовом походе» пизанцы приняли участие с некоторым запозданием: их флотилия покинула берега Тосканы только весной 1099 года и прибыла в сирийский порт Лаодикею в сентябре, когда Иерусалим был уже взят. При этом флот, который вез в Святую Землю нового папского легата — Даимберта, архиепископа пизанского, — задержался в пути по причине набегов на византийские острова, которые едва ли можно назвать случайными. Сразу же после крестового похода пизанцы и генуэзцы (а чуть позже и венецианцы, вынужденно вступившие в это предприятие, поскольку крестовый поход ставил под угрозу их монополию на торговые связи с Византией и Александрией) стали устраивать свои торговые колонии в прибрежных сирийских, ливанских и палестинских городах.

Через несколько лет, в 1113–1115 годах, пизанцы в союзе с Раймундом-Беренгаром III, графом Барселоны, на этот раз без поддержки генуэзцев осуществили кратковременный захват Балеарских островов, который дал повод к написанию еще одного хвалебного пизанского сочинения — «Книги Майорки» («Uber Maiorichinus»). В этом случае Папа также вручил военачальникам свой vexillum.

Балеарские острова недолго оставались во власти христиан. Тем не менее их захват можно считать завершением того периода в истории Средиземноморья, который был открыт мусульманским завоеванием Ифрикии; однако, как всегда бывает в истории, завершение одного периода означает начало следующего. И все же, не считая отдельных эпизодов, мусульманские корабли в средиземноморских водах западнее Сицилии с тех пор и до самого XVI века появлялись довольно редко.

Завоевание Сицилии скандинавами во главе с Рожером I д'Альтавилла, младшим братом Роберта Гвискара, оказалось возможным (по аналогии с испанскими событиями) из-за ослабления эмирской власти в Палермо и раздоров между многочисленными правителями мелких государств. Один из них — Ибн ат-Туммах, которому принадлежала область между Катанией, Ното и Сиракузами, — и пригласил норманнов на остров. В 1061 году норманны взяли Мессину, но потом их победный марш несколько замедлился, несмотря на утверждения западноевропейских источников (которым, впрочем, не стоит безоговорочно доверять) о том, что, по крайней мере, христианское население острова относилось к завоевателям благосклонно. Однако в 1063 году победа при Мерами, одержанная также благодаря появлению в рядах норманнов св. Георгия в воинском облачении, вызвала подъем боевого энтузиазма. Эти два года были триумфальными для христианского оружия: нападение пизанцев на порт Палермо, поход на Барбастро, взятие Коимбры. Но только после того как Гвискар, воевавший в Апулии с византийцами, сумел подавить их сопротивление, приток свежих войск с континента помог одержать окончательную победу над сицилийскими мусульманами. Палермо, осажденный в августе 1071 года, пал в январе следующего года: вступление в город победителей обошлось без резни, и большая мечеть была превращена в храм Девы Марии.

Однако дальнейшее завоевание острова протекало довольно медленно. Став хозяином Сицилии, Рожер I постарался сохранить хорошие отношения со своими подданными-мусульманами — кроме всего прочего, это было гарантией добрых отношений с соседями по ту сторону пролива. С другой стороны, нужно учитывать, что путь мирного сосуществования был единственно возможным: на момент скандинавского завоевания остров был населен почти исключительно арабо-берберами, а также коренными жителями, которые подверглись арабизации и исламизации. Только в Палермо и нескольких областях на северо-востоке имелись более или менее крупные греко-христианские общины. Во время завоевательной кампании Рожер I гарантировал всем свободу вероисповедания, принял в свою армию много мусульман, но в то же время всячески способствовал переселению на остров западных христиан. Когда же он почувствовал себя вполне уверенно, то постепенно стал относиться к мусульманам более сурово. Тем не менее арабские чиновники продолжали активно работать в ведомствах по сбору податей — так называемых диванах — как во время норманнского владычества, так и после его крушения.

Ал-Кудс

В начале VII века на всем Ближнем Востоке сложилась кризисная ситуация. В 614 году персы захватили Сирию и разрушили священные храмы Иерусалима. Византийскому императору Ираклию удалось отвоевать утраченные святыни. В 629 году он босиком вошел в Иерусалим, собственноручно неся Животворящий Крест, ранее увезенный персидским царем Хосровом II в Ктесифон в качестве добычи: Ираклий вернул его христианам.

Бесспорно, кризис Персидской и Византийской империй благоприятствовал наступлению арабов-мусульман с Аравийского полуострова, которое началось в 632 году, сразу же после смерти пророка Мухаммеда. Это наступление в короткий срок разрушило первую империю и поставило в затруднительное положение вторую — нам известно, что мусульмане дошли до самых стен византийской столицы.

Неутомимый Ираклий снова повел свои войска на Восток, пытаясь отбросить наступающих арабов, к которым присоединялись (как было в 614 году, во время нападения персов) все недовольные тяжестью византийского правления: от евреев до представителей различных христианских конфессий, отвергавших господствующее в империи православие. Однако теперь с востока двигались те, кто обладал не только военной силой, но и пламенным религиозным энтузиазмом, и немало христиан обращались в ислам. Более того: можно сказать, что подлинной движущей силой мусульманских завоеваний в Сирии, Анатолии, северной Африке и Испании стало именно обращение местных жителей в ислам. Ираклий попытался остановить арабов на реке Ярмук, но, убедившись в превосходстве их сил, отступил, унося с собой Животворящий Крест и другие иерусалимские святыни. После двухлетнего сопротивления Иерусалим в 638 году открыл ворота преемнику Пророка, халифу Умару ибн ал-Хаттабу.

Одетый в простое платье кочевника, в залатанном плаще, халиф встретил патриарха Софрония на Масличной горе, откуда на старом верблюде двинулся вместе с ним в город; халиф заверил, что жизнь и имущество христиан не подвергнется опасности, а их святыни не пострадают. Он посетил церковь Воскресения и совершил молитву за ее пределами, чтобы не дать мусульманам повода в будущем предъявлять свои права на нее. Затем он попросил проводить его к Храму, расстроился, увидев, что священное место превращено в свалку мусора, и вместе со своими приближенными стал собственноручно расчищать его (согласно некоторым источникам, призвав патриарха делать то же самое), до тех пор, пока из-под толстого слоя грязи не показалась священная скала Мориа. Над ней халиф велел поставить простую деревянную часовню.

Мусульмане называли и называют Иерусалим ал-Кудс, то есть «святой», и самым святым местом считается скала Мориа: там, согласно иудейской традиции (к которой христиане отнеслись со сравнительным равнодушием, а мусульмане яростно отвергли), Авраам собирался принести в жертву Богу своего сына Исаака, там Давиду явился ангел во время моровой язвы и, наконец, там располагался Ковчег Завета. Иными словами, это была святая святых Храма, построенного при Соломоне (хотя существует также мнение, что на этой скале стоял жертвенный алтарь).

Согласно 17 суре Корана («Путешествие ночью»), в 619 году пророк Мухаммед был ночью перенесен из Мекки в Иерусалим: оттуда, со скалы Мориа, он вознесся на небеса верхом на ал-Бураке — коне с человеческой головой.

Вместо часовни, построенной Умаром над скалой Мориа, в 687 году халиф Абд ал-Малик воздвиг мечеть, полное название которой — Куббат ас-Сахра («Купол над скалой»). Мусульманские заказчики этого здания, чей великолепный купол до сих пор возвышается над Иерусалимом, обратились к дамасским архитекторам (то есть мастерам византийской школы), намереваясь затмить вдохновивший их купол храма Воскресения — базилики, возведенной в IV веке Константином в том месте, где, как считалось, находились Голгофа и Гроб Господень.

К югу от большой мечети, на той же площади, которая называется Харам аш-Шариф («Священный двор»), возвышается мечеть ал-Акса («Далекая»): такое название носит в Коране сам Иерусалим. Со своими семью нефами византийского типа и серебряными куполами мечеть ал-Акса придает завершенность великолепному комплексу мусульманских священных зданий: ее строительство и последующие переделки заняли несколько веков, от эпохи Омейядов до эпохи Айюбидов (VII–XIII века).

Являясь целью иудейской алии («восхождения» к Храму), Иерусалим в то же время был главным местом паломничества христиан: эта религиозная практика, которая и ранее существовала в иудейско-христианских общинах (верующие, восходя к Храму, поклонялись также Мессии), укоренилась во II веке или даже раньше, а в IV–V веках получила одобрение христианских императоров. Согласно традиции, Животворящий Крест и другие реликвии, связанные со страстями Христовыми, были обретены благодаря матери Константина Великого императрице Елене: с тех пор в Иерусалиме и во всей Святой земле было построено множество христианских святилищ, ставших объектом постоянного паломничества.

Что же до мусульман, то ал-Кудс, после Мекки и Медины, является третьим святым городом для суннитов и одним из первых для шиитов. Паломничество в Иерусалим хотя и не является обязательным, но все же рекомендовано исламом; а в определенные исторические моменты, когда Мекка по политическим мотивам была недоступна, оно даже провозглашалось равноценным хаджу в город Каабы.

Завладев Иерусалимом, мусульмане были настроены уважать евреев и христиан, которые, как «люди Писания», имели право отправлять свой культ, пусть и с небольшими ограничениями. С VII до XI века в Иерусалиме в основном царил мир: христианские паломники продолжали беспрепятственно прибывать к своим святым местам, о чем свидетельствуют многочисленные отчеты о подобных путешествиях, написанные на латыни. В это же время намечалось разделение города на кварталы, организованное таким образом, чтобы исповедующие ту или иную религию могли жить рядом со своими святилищами. Так, мусульмане заняли северо-восточную и

центральную части города, вблизи Харам аш-Шарифа; греки и западноевропейцы обосновались на северо-западе, в районе, прилегающем к храму Воскресения; армяне и грузины поселились на юго-западе, рядом с горой Сион и главным образом — близ большой, красивой и почитаемой церкви св. Иакова; евреи же сосредоточились в южной части города, между греческим кварталом и западной стеной Храма. Таково было этно-конфессиональное разделение города, которое — если не считать периоды нашествия крестоносцев с 1096 по 1187 годы — соблюдалось и далее, несмотря на многочисленные конфликты, до самых арабо-израильских войн 1948–1967 годов.

Христианское паломничество, возобновившееся после долгого периода войн первой половины VII века, в целом не встречало препятствий, не считая нескольких незначительных эпизодов. Главная трудность заключалась скорее в нерегулярности и ненадежности морского сообщения с Востоком, которое поддерживалось моряками ближнего Востока; все суда шли в южную Италию.

Между тем изменилась сама концепция паломничества — возможно, под влиянием кельтских странствующих монахов и свойственной им практики покаяния, уже распространившейся по всей Европе. Период энтузиазма, связанного с постройкой христианского Иерусалима, сменился другим, отмеченным суровой дисциплиной покаяния: паломник воспринимался в первую очередь как кающийся грешник, чьи права и обязанности были строго регламентированы Церковью. Даже маршруты следования в Иерусалим и обратно прописывались все более четко — в первую очередь по соображениям безопасности. Вдоль дорог, главным образом в Италии, появлялись приюты и храмы второстепенного значения: там можно было найти ночлег и получить отпущение грехов. Если сопоставить многочисленные описания храма Воскресения того времени с теми, что были сделаны до нашествия персов, то можно понять, насколько значительным был ущерб, нанесенный священному зданию, и насколько поспешными — работы по его восстановлению. Зато рядом с Гробом Господним, как свидетельствует в 870 году один паломник, монах Бернард, существовал приют для странников — западноевропейских христиан: видимо, это тот самый приют, который был открыт по велению Карла Великого и с позволения халифа Харуна ар-Рашида. Он был построен вместе с церковью св. Марии, называемой «Латинской»: та располагалась недалеко от храма Гроба Господня, и службы в ней вели монахи из местного бенедиктинского монастыря.

Но Святой город недолго оставался в стороне от внутренних распрей в мире ислама. Помимо раздробления халифской власти, династической борьбы и вражды между суннитами и шиитами, на ситуацию на Ближнем Востоке оказывал влияние еще один исторический элемент, известный с библейских времен. Дело в том, что территория между восточным побережьем Средиземного моря и Иорданией, между Ливаном и Красным морем, — это место схождения многих караванных путей и пограничная зона, которую оспаривали между собой те, кто находился у власти в Сирии и Месопотамии, и те, кто правил в Египте. Этот затяжной конфликт снова обострился в конце X века, когда Египет стал столицей фатимидского халифата. Иерусалим довольно скоро попал под власть египетских шиитских халифов; один из них, ал-Хаким, которого считают основателем секты друзов, стал преследовать не только суннитов, но также иудеев и христиан: он закрыл синагоги и церкви, разорил монастыри, начал чинить препятствия паломникам. Наконец, в 1009 году он приказал разрушить церковь Воскресения и саму часовню Гроба Господня под куполом. Приказы халифа были исполнены не слишком старательно: возможно, тут сыграло роль сопротивление иерусалимских мусульман, которые в основном были суннитами и которым прекращение паломничества было невыгодно еще и с экономической точки зрения. Однако ущерб храму был нанесен, и немалый: это подтвердили археологические раскопки.

Наконец, «ураган» по имени ал-Хаким отбушевал, и мусульманские власти сами стали содействовать восстановлению поврежденных зданий и возобновлению паломничества. Император Византии Константин Мономах, который традиционно считался покровителем местных христиан (называемых поэтому мелкиты — «люди царя»: от арабского слова малик, соответствовавшего греческому василевс, «император»), активно занялся восстановлением храма Гроба Господня, и к середине XI века оно было завершено. Со своей стороны, выходцы из итальянского города Амальфи, чье торговое присутствие в Иерусалиме было весьма ощутимым, в тридцатые-сороковые годы того же века восстановили старый приют Карла Великого, дополнив его новыми церквями: он занял территорию к юго-востоку от храма Гроба Господня, получившую название Муристан («приют»).

Возможно, что дополнительное беспокойство местным христианам и особенно паломникам доставляла халифская гвардия. Багдадские халифы — при неоднократном переходе Палестины в XI веке от Фатимидов к Аббасидам — набирали ополчение из турок-сельджуков, сравнительно недавно обращенных в ислам и непримиримых. До Западной Европы часто доходили известия о насилии и грабежах. Впрочем, они скорее кажутся оправданиями крестового похода a posteriori, историями из области легенд, как и рассказы Петра-отшельника о своих лишениях и видениях во время паломничества в Иерусалим, которые затем, по возвращении в Европу, побудили его проповедовать святое дело крестового похода. Не приходится сомневаться только в том, что опасностей для паломников и путников в Святой земле (впрочем, как и везде) было предостаточно: окрестности города были довольно неспокойны, на дорогах бесчинствовали разбойники. Кроме того, чтобы попасть в Иерусалим и в церковь Воскресения, нужно было платить пошлину. Несмотря на это, во второй половине XI века паломничества возобновилось и становились все более массовыми; иногда паломников даже сопровождала вооруженная стража. Это означает, что посещение Святой земли было все-таки задачей выполнимой.

Крестовые походы

В те времена среди христиан Западной Европы распространялось чувство тревоги и страха, связанное с ожиданием конца света, а также с изменениями, вызванными демографическим ростом и политической и религиозной борьбой. Такие настроения заставили по-новому взглянуть на Иерусалим, где должна была свершиться судьба человечества: согласно некоторым псевдопророческим текстам, именно там последний христианский император снимет с себя символы власти, уступив свое место «царю последних времен». Согласно пророчеству, второе пришествие Христа будет предварено явлением Антихриста.

С наступлением 1033 года — тысячелетия со времени смерти и воскресения Христа — апокалиптические ожидания и страхи вспыхнули с новой силой: в Палестину устремились целые толпы смятенных верующих. Добрых отношений с фатимидским Египтом было недостаточно, чтобы успокоить совесть обитателей Европы, встревоженную тем, что главное их сокровище, Гроб Господень, находится в руках «неверных». В то время как все христианские правители, от византийского императора до норманнских герцогов, стремились внести свой вклад в восстановление храма, оскверненного и поврежденного в 1009 году, все более внушительные ряды паломников пускались в путь в надежде на то, что конец света застанет их в непосредственной близости от Иосафатовой долины. Волны ужаса перед надвигающимся концом света накатывали на Европу, где ученые, опираясь на астрономические расчеты и толкования священных текстов, все чаще говорили о наступлении последних дней. Так, в 1065 году, когда даты Воплощения и Страстной субботы приходились на 25 марта, — совпадая, согласно некоторым календарям и традициям, с датой Сотворения мира, — из Германии в Святую землю отправилось огромное количество паломников, желавших оказаться в Иерусалиме в день Страшного Суда. Надо учитывать это, а также долгую историю паломничества и его духовное значение, чтобы понять, с каким энтузиазмом Европа в 1095 году откликнулась на призыв Папы Урбана II.

В ноябре 1095 года в Клермоне Урбан II не призывал ни к какому «крестовому походу»: сам этот термин вошел и в латынь, и в народные языки Европы гораздо позже. Папа ограничился тем, что еще раз осудил кровавые столкновения внутри христианского мира, истощавшие его, и призвал военную аристократию (в первую очередь французскую) внять мольбам о помощи, которые доносились с Востока, где христианской церкви грозила опасность. Если обойтись без метафор, это означало призыв присоединиться к военной кампании, которую византийский император Алексей I Комнин собирался вести против сельджуков в Анатолии. Такие формы наемной военной службы в XI веке были широко распространены: викинги часто принимали предложения подобного рода, и их служба в Азии была весьма востребована, особенно после сокрушительного поражения при Манцикерте. У этих западноевропейских border fighters нередко сосуществовали противоречивые религиозные и политические взгляды, и порой доходило до того, что они выполняли функции своеобразных посредников между христианским и исламским миром, а также между различными культурами. Они, в конечном счете, не слишком отличались ни от наемников-авантюристов тогдашней Испании (самым знаменитым из которых был Сид Кампеадор), ни от византийских воинов из эпической поэмы «Дигенис Акрит», ни от богатырей из русских былин, которые сражались со степными язычниками, но знали и умели ценить их нравы и обычаи, ни от героя поэмы «Витязь в тигровой шкуре» — великого грузинского «рыцарского романа», созданного Шота Руставели, ни от самих тюркских газив Малой Азии.

Европейская аристократия в 1095–1096 годах ответила на призыв Урбана II несколько неожиданным образом. О рыцарях, принявших участие в этой экспедиции, много и часто говорили как о deracines, искателях удачи, milites, которых феодальные правила преемственности дворянского рода лишили наследства и вынудили встать на путь приключений.

Похождения таких рыцарей впоследствии лягут в основу сложного механизма рыцарского романа, возвысившего и идеализировавшего подлинные и не всегда достойные формы, которые приобретали эти приключения, — в частности, наемную военную службу и крестовые походы. Однако в действительности те, кто стоял во главе нескольких тысяч воинов, отправившихся в Константинополь, а оттуда, по договоренности с василевсом, в Азию (и к которым присоединилось неустановленное, но, несомненно, очень большое количество простолюдинов, желающих добраться до Иерусалима), были отнюдь не отбросами аристократии того времени. Это были такие люди, как маркиз Прованский, которому принадлежали огромные территории на юге Франции; брат французского короля; герцог Нормандский (брат короля Англии); старший сын Гвискара; а также герцог Нижней Лотарингии и граф Фландрский — им принадлежала большая часть густонаселенной территории в низовьях крупных рек, которые, пересекая Францию и Германию, впадают в Северное море. Конечно, эти представители высшей аристократии по разным причинам испытывали большие трудности: либо из-за вражды с родственниками или неудобными сеньорами-соседями, либо оттого, что ранее в конфликте между Папой и Священной Римской империей стояли на стороне побежденных. Этой знати нужно было на несколько лет — а то и навсегда — переменить климат, обрести, как сказано в Апокалипсисе, «новое небо и новую землю», закрепить свою власть и богатство на новом месте. Таким образом, исход domini и milites способствовал, кроме всего прочего, рождению в Европе крупных феодальных монархий.

Эта толпа вооруженных воинов и почти беззащитных паломников получила название «крестоносцев» от креста, символа паломничества и покаяния, который вручил им Урбан II в Клермоне (и который был очевидным знаком отпущения грехов и особых прав, дарованных Папой). За два долгих года, после неслыханных трудностей и лишений, крестоносцы пересекли Анатолию и Сирию. В конце весны — начале лета 1099 года они дошли до Иерусалима и взяли город приступом 15 июля того же года: прорыв через городские стены был осуществлен в самом слабом их месте — в северо-восточной части. «Франки» — как называли европейцев византийцы, восточные христиане, евреи и мусульмане — наводнили город, уничтожая на своем пути почти всех мусульман и евреев. Если бы мусульманский наместник незадолго до начала осады не выслал из города православных христиан, которым не доверял, то их, вероятно, постигла бы та же участь, так как европейцы едва ли смогли бы их отличить от всех прочих. Затем в городе снова поселили ранее удаленных из него православных, а также христиан других конфессий — сирийцев и армян: мусульманам и евреям — по крайней мере, поначалу — жить в

Иерусалиме запретили.

Из-за отсутствия достоверных данных часто возникал вопрос, не намеревались ли европейцы, завоевавшие Святой город, превратить его в некое церковное государство или подчинить его непосредственно Римской Церкви. В самом деле, почти сразу был избран римский патриарх (по прошествии сорока пяти лет после раскола между Западной и Восточной церквями было нецелесообразно полагаться на греческого патриарха), а военачальники после долгих споров решили выбрать себе короля — слабого здоровьем и недостаточно энергичного, чтобы стать подлинным правителем. Это был Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии: однако он отказался (по собственному желанию или подсказке какого-то прелата) «носить золотой венец там, где Христос носил терновый». Поэтому он стал не королем, а просто «защитником Гроба Господня» (Advocatus Sancti Sepulchri), поверенным в мирских делах Иерусалимской Церкви, которая находилась при храме Гроба Господня. Однако после смерти Готфрида в 1100 году его брат Балдуин Булонский заставил присудить себе королевскую корону, хотя было совершенно не ясно, кто и чьей властью может избирать суверена. Так появилось Иерусалимское королевство, выборная монархия, иногда с чертами наследственной, где корона могла передаваться как по мужской, так и по женской линии.

Восемь королей успели сменить друг друга в Иерусалиме, прежде чем мусульмане оправились от потрясения, вызванного неожиданным нападением 1099 года, и снова перешли в наступление. Эмир Сирии и Египта Салах ад-Дин Йусуф ибн Аййуб (Саладин западноевропейских хроник) в июле 1187 года одержал победу при Хаттине возле Тивериадского озера в Галилее, а в октябре того же года отнял у христиан Святой город. Иерусалимское королевство продолжало существовать и после этого, но теперь занимало лишь узкую прибрежную полосу, которая пока еще находилась под властью христиан. Королевский двор обосновался в Акре, красивом и хорошо укрепленном городе.

О королевстве крестоносцев в Иерусалиме и Акре и о некоторых княжествах крестоносцев в Испании много говорили как о своеобразном колониальном эксперименте. Но подлинная сила королевства была сосредоточена в «торговых колониях» крупных морских городов, в основном итальянских — Генуи, Венеции, Пизы. Между этими «колониями» часто разгоралась яростная вражда, которая кипела на континенте между «метрополиями», а иногда сами колонии становились причиной этой вражды. Прибрежные портовые города Сирии и Палестины (Бейрут, Тир, Акра, Хайфа, Кесария, Яффа, Аскалон) имели большое значение: через них пролегали караванные пути, которые через Дамаск, Алеппо и Мосул связывали побережье Средиземного моря с континентальной Азией и Великим Шелковым путем. Проживавшие в этих городах итальянские купцы имели доступ к ценным восточным товарам и пряностям и могли регулировать их поставки на европейские рынки. Только в XIII–XIV веках были предприняты попытки проникновения в континентальную Азию, совпавшие с монгольской экспансией, после которой в Азии стали более благосклонно относиться к римским миссионерам.

Можно заключить, что относительно короткое существование королевства крестоносцев в Иерусалиме в XII–XIII веках (со столицей в Акре с 1187 по 1291 годы) было сильно осложнено присутствием в нем «сепаратистских» (по форме или по сути) элементов, которые мешали короне осуществлять свою власть. Это были синьории, наделенные широкими юридическими полномочиями; торговые колонии, которые управлялись как самые настоящие коммуны; наконец, рыцарские ордена, то есть религиозные организации с собственным уставом, в которых состояло определенное число рыцарей, давших обет защищать Святую землю и паломников: тамплиеры, госпитальеры св. Иоанна Иерусалимского, госпитальеры св. Марии, которых называли «тевтонцами», так как в этом ордене состояли только германцы. Постоянные разногласия между синьорами, коммунами и рыцарскими орденами стали одной из причин распада королевства. При этом нельзя забывать о том, что в Иерусалимском королевстве со временем развилась особая культура взаимопонимания и диалога с окружающей мусульманской средой; более того, только что прибывшие из Западной Европы воины и паломники нередко возмущались при виде этих poulains, «ублюдков», которые породнились с сирийскими и армянскими семействами, говорили по-арабски, по-армянски и по-гречески, а также одевались, питались и жили согласно местным обычаям. Те европейцы, которые понимали походы крестоносцев как беспощадную борьбу за веру, считали такое «колониальное» общество испорченным и почти исламизированным. С другой стороны, «заморские франки», которые на протяжении двух веков периодически нуждались в помощи своих европейских собратьев и единоверцев, в свою очередь, считали тех неотесанными и опасными. Поэтому они, пока сохранялась такая возможность, старались заключать соглашения с сарацинами, а не пользоваться военной помощью, которую на основании папских указов предоставляли авантюристы, жаждавшие наживы, не слушавшие ни призывов к умеренности, ни советов местных христиан, основанных на богатом военном опыте.

Один арабо-сирийский писатель XII века, Усама ибн Мункид, эмир Шайзара, много путешествовал по Иерусалимскому королевству — выполняя дипломатические поручения или навещая многочисленных друзей. В своих воспоминаниях он, как очевидец, нарисовал яркую картину общества, где четко видна разница между теми, кто уже привык к восточным обычаям и прекрасно себя при этом чувствовал, и теми — воинами, купцами или паломниками — кто, напротив, попадал на Восток с намерением оставаться там ненадолго и не мог приспособиться к местным нравам и образу мыслей. Иными словами, Усама помогает нам правильно обозначить проблемы, которые сегодня мы бы обозначили как этноцентризм и конфликт культур. Например, он описывает свое посещение «священного двора» в Иерусалиме — Харам аш-Шарифа, который тогда был занят франками; при этом мусульманам — по крайней мере, достаточно уважаемым — не запрещалось посещать его и совершать там молитвы. Тамплиеры, которых эмир называет своими друзьями, занимали мечеть ал-Акса, ставшую частично церковью, частично местом их стоянки. Они позволили ему, как обычно, молиться согласно мусульманскому ритуалу в часовне, прилегающей к зданию, и принесли извинения, когда какой-то фанатик (видимо, только что прибывший из Европы) попытался помешать ему, требуя, чтобы тот молился по-христиански.

Тут мы, возможно, оказываемся у концептуальных основ «дела тамплиеров», имевшего огромное значение для западной культуры. Обвинения в симпатии к мусульманам и даже в сговоре с ними составляли часть тех сплетен и клеветнических измышлений, которые, особенно во второй половине XIII века, распространялись

относительно тамплиеров. Во время процесса, возбужденного против них в 1307–1312 годах королем Франции Филиппом IV, всплыли «доказательства» их еретических убеждений — от намеков на приверженность исламу до манипуляций старой антигностической и антикатарской тематикой. Даже идол «Бафомет», в поклонении которому тамплиеры обвинялись, носил имя, созвучное одной из многочисленных версий имени Пророка, существовавших в латыни и в развившихся из нее языках. Подобные доказательства были смешны и бессодержательны, но это не имело никакого значения, так как процесс явно имел политическую подоплеку. Более того, обвинения в ереси и симпатии к исламу, возможно, выдвигались с такой грубой прямолинейностью вполне сознательно: во-первых, чтобы угодить французскому общественному мнению (а в начале XIV века в таком городе, как Париж, уже можно было говорить об общественном мнении), а во-вторых, из желания дать понять Папе, что в вопросе о приговоре тамплиерам король не намерен уступать и обращать внимание на юридические тонкости, из-за чего любая попытка выступить в защиту рыцарей-храмовников или предложить посредничество будет обречена на поражение.

В любом случае, в XII–XIII веках одной из главных причин неудач многочисленных крестовых походов, которые последовали за первым, было то, что прибывающие из Европы крестоносцы обычно мало прислушивались к советам «заморских франков». Сегодня наблюдается тенденция не осуждать безоговорочно Иерусалимское королевство за его культурное бесплодие. Бесспорно, арабское знание доходило до Европы главным образом через испанские города, а сирийско-палестинское побережье (хотя и располагалось в непосредственной близости от Дамаска, города со знаменитыми интеллектуальными традициями) считалось в исламском мире скорее провинцией. И все же в скрипториях Иерусалима, Акры и Тира была проделана достойная уважения работа, которую ученые только недавно сумели как следует оценить. Еще одним крупным культурным центром стало возникшее в конце XII века Кипрское королевство, где правила династия Лузиньянов — тоже, впрочем, вынужденная приспосабливаться к постоянным конфликтам с коммунами италийских морских городов и конкурирующими орденами тамплиеров и госпитальеров.

Однако, принимая во внимание особое значение Иерусалима для христиан, его неповторимую символическую и духовную ценность, а также хорошее представление христиан о нем благодаря рассказам паломников, можно с уверенностью сказать: именно Святой город сыграл фундаментальную роль во взаимном познании Европы и ислама и в развитии контактов между ними, пусть и не всегда дружеских.

От Айюбидов до мамлюков

После смерти Саладина в 1193 году его огромная империя прекратила свое существование. Наследники великого эмира разделили ее между собой, следуя тем самым исторической константе Ближнего Востока, заключавшейся в соперничестве и напряженных отношениях между правителями Сирии (или Месопотамии) и Египта. Султаны айюбидской династии, наследники Саладина, поделили между собой эти две области: Иерусалим достался каирскому айюбиду, ал-Малику ал-Камилу, который, видимо, унаследовал и многие положительные качества Саладина. Мудрый, умеренный в политике, верный своему слову, он прославился как благодаря своей встрече с Франциском Ассизским, которая, похоже, состоялась на самом деле, хотя в западных источниках выглядит скорее легендой (правда, упоминания о ней встречаются и в мусульманских документах), так и благодаря перемирию, заключенному после переговоров с одним из его соседей и политико-дипломатических корреспондентов — германским императором Фридрихом II. Этот император встал во главе крестового похода, однако, будучи правителем Сицилии и южной Италии, был весьма заинтересован в дружеских отношениях с султаном; кроме того, он разделял некоторые его научные интересы.

В 1229 году султан заключил с Фридрихом II перемирие, которое на практике предусматривало следующее: оборонительные сооружения Святого города сносились, христианские святыни возвращались верующим во Христа, а мусульманские святые места, то есть Харам аш-Шариф, переходили к мусульманам. Решение идеальное благодаря своей справедливости: к нему в 1240–1241 годах еще раз обратится брат английского короля Ричард Корнуолльский, которого можно назвать «мирным крестоносцем».

Слабой стороной этого решения, позже названного образцом дипломатической мудрости, была неустойчивость сложившейся таким образом ситуации. Ведь она предполагала нерушимость дипломатических отношений между христианскими правителями, заинтересованными в Святой земле, и айюбидскими султанами Каира; однако сами христианские правители не слишком ладили друг с другом, а внешние события — например, монгольская экспансия по всей Евразии — еще более усложняли общую картину. Поэтому некоторые сочли целесообразным заключить союз с айюбидами Дамаска, что изменило расстановку политических сил и вынудило каирского правителя к ответным мерам. Одной из этих мер стала вербовка примерно десяти тысяч среднеазиатских наемников из Хорезма — территории в нижнем течении Амударьи, на границе современных Узбекистана и Туркмении. Именно они в июле 1244 года напали на Иерусалим и разграбили его: нападение сопровождалось резней и надругательством над святынями.

Надо сказать, что в Иерусалиме — как утверждают мусульманские источники, при содействии Саладина — уже давно сложилась крупная еврейская община. Она состояла по большей части из семей, бежавших из Франции и Англии, где уже намечалась тенденция к притеснениям и преследованиям евреев и где в их адрес неоднократно звучали обвинения в осквернении освященных облаток и ритуальных детоубийствах. В тот же период и по схожим причинам многие евреи, в первую очередь из Франции, бежали в мусульманскую Испанию. Иерусалим во времена крестовых походов посещали знаменитые евреи, как, например, великий Маймонид и Вениамин бен Иона Тудельский; в эпоху айюбидов видную роль в культурной жизни евреев Иерусалима играл еще один выходец из Испании — Моше бен Нахман, известный как Нахманид.

Хорезмское осквернение 1244 года стало для короля Франции Людовика IX одним из предлогов для немедленного снаряжения крестового похода против айюбидского Египта — похода, который давно был в его планах. Во время него король попал в плен. В 1249 году, будучи в плену, он стал свидетелем дворцового переворота: в Каире пала династия султанов — потомков Саладина, и на их место встали новые правители. Это были гвардейцы — рабы азиатско-кавказского происхождения (турки, курды, черкесы, татары), которых называли «мамлюками» (от арабского мамлук — «находящийся во владении», «раб»).

В Иерусалиме, власть над которым мамлюки твердо удерживали, они первоначально установили военное правление. Используя противоречия и споры в лагере крестоносцев (в первую очередь между венецианцами, пизанцами и генуэзцами, а также тамплиерами и госпитальерами), мамлюки в 1260 году разгромили коалицию монголов и крестоносцев и развернули военную кампанию по уничтожению последних «франкских» гарнизонов в Сирии и Палестине, оставшихся только в нескольких прибрежных городах или замках, занятых рыцарскими орденами. Преуспев в своих намерениях к концу века (последняя цитадель крестоносцев, Акра, пала в 1291 году), мамлюки принялись с такой же систематичностью разрушать портовые сооружения, разорять сельскохозяйственные угодья, делать все для того, чтобы караванные пути переместились в другие области. За несколько десятилетий цветущие земли превратились в пустыню.

Дело было не в небрежности и не в дурном правлении, а в сознательном политическом выборе. Мамлюки прекрасно знали, что Иерусалим интересует христиан по политическим и религиозным мотивам; однако им также было известно, что уже два века он интересует их и в торгово-экономическом плане, что служит оправданием для крестовых походов. Таким образом, если бы удалось снизить экономическую и торговую привлекательность этой территории, идея крестовых походов потеряла бы многих сторонников. Кроме того, господствуя над Египтом и, следовательно, регулируя оборот товаров, которые по Красному морю и Нилу доходили до нильской дельты и портовых городов — Александрии и Дамиетты, мамлюки видели в прибрежных городах Сирии и Палестины своих конкурентов. Если бы их значение удалось свести на нет, торговый оборот на Ниле сильно вырос бы. Таким образом, руководствуясь тактико-стратегическими и одновременно торгово-экономическими соображениями, мамлюки стали виновниками общего, в том числе демографического, упадка, который наступил на территории Сирии и Палестины и продолжается до сих пор: только в последние десятилетия были предприняты инициативы, способные в корне изменить ситуацию.

Что же касается Иерусалима, то рабы-правители оказались ревностными защитниками ислама, но при этом старались уважать права евреев и христиан и корректно вели себя по отношению к паломникам. В XIII–XVI веках туда прибывало так много паломников, что Венеция даже сочла возможным организовать «регулярные

рейсы» по морю: паломничество обогащало султанскую казну и кошельки мусульманских купцов. Мамлюки также содействовали благоустройству города, укрепив его стены, обновив территорию Харам аш-Шарифа и построив множество духовных школ — медресе.

Однако мамлюки пользовались любым случаем настроить друг против друга подвластные им общины, чтобы удобней было управлять ими. Из уважения к истине нужно сказать, что они делали это всегда умеренно, но все же, например, покровительствовали христианам в ущерб евреям. Особенно благоволили они к францисканцам, пользовавшимся поддержкой правителей Неаполя из Анжуйской династии: те видели в каирских султанах добрых соседей. В 1309 году султан официально отдал францисканцам собор Гроба Господня, храмы на Сионской горе и в Вифлееме. Позже, в 1333 году, король Сицилии Роберт приобрел у султана права на дом, расположенный сразу за южными стенами города, в котором, по преданию, происходила Тайная Вечеря. В 1342 году он передал это здание францисканскому ордену: это положило начало францисканской страже в Святой земле (приор францисканского монастыря на Сионе впоследствии сделается «Стражем Святой земли»); кроме того, благодаря этому зал Тайной Вечери приобрел те красивые готические формы, которыми можно любоваться до сих пор. Но правители-мамлюки тем не менее ревностно применяли исламский закон, запрещающий восстанавливать обветшавшие культовые здания немусульманских общин. Именно поэтому многие христианские церкви представали перед паломниками и странниками в довольно плачевном состоянии: в XIX веке это приводило в восторг романтиков, но в XVI–XIX веках придавало пейзажу печальный дух заброшенности, который чувствуется во многих описаниях и рисунках того периода.

Однако в течение XV века управление мамлюков становилось все хуже и хуже — в том числе по внутриполитическим причинам. Дневники европейских паломников, посещавших Святую землю с середины XIV до начала XVI века, дают представление о том, как Иерусалим постепенно приходил в упадок: власть становилась все более бездеятельной и продажной, население сокращалось и беднело, почти не принимались меры против стихийных бедствий — засухи, болезней, землетрясений. Подсчитано, что население города, которое в середине XIII века равнялось почти пятидесяти тысячам, за два с половиной века сократилось до десяти тысяч.

Gesta Dei per Francos

До сих пор мы старались редко пользоваться термином «крестовый поход» и почти всегда пытались не сопровождать его привычным порядковым номером. Латинское слово cruciata — несомненно, обратный перевод из разговорных языков — стало использоваться гораздо позже: применять его к событиям, случившимся до XIII–XIV веков, было бы анахронизмом, хотя и узаконенным историографическими традициями. В самом деле, письменные свидетельства первого крестового похода упоминают о «крестоносцах» (cruce signati), однако предпочитают более точные и при этом всеобъемлющие термины — такие, как «паломники» (peregrini). Документы стремились подчеркнуть, что каждая из этих многочисленных военных экспедиций, которые следовали друг за другом до XIII века и далее (а замышлялись они вплоть до конца XVIII века), была освящена папским указом, где целью похода объявлялась помощь христианской Святой земле, ее новое обретение или нечто в этом духе, хотя подлинная цель была совсем иной. Поэтому обычно использовались такие термины, как «военная экспедиция» (iter), «Иерусалимский путь» (via Hierosolymitana) или «паломничество» (peregrinatio), за которыми затем последовали «помощь» (auxilium или succursus), что подчеркивало срочность и оборонительный характер похода, и, наконец, «переход» (passagium) — термин, говорящий прежде всего о путешествии по морю, необходимому, чтобы попасть в Святую землю: этот термин из-за своего ярко выраженного символического характера имел большой успех и остался в некоторых развившихся из латыни языках.

Passagium, в свою очередь, мог быть «частным» (parti-culare), если организовывался и осуществлялся по инициативе отдельных лиц или групп с какими-либо частными целями, которые, тем не менее, должны были соответствовать великой цели освобождения Иерусалима — или же «общим» (generale, universale), если он был санкционирован папской властью и считался долгом всех христиан, которые были обязаны откликнуться на папский призыв своим непосредственным военным участием или различными формами имущественного вклада (это могли быть десятины, сборы, денежные пожертвования в виде покаяния или завещания). С середины XIII века такие знатоки канонического права, как Генрих Сузский (более известный как «остийский кардинал») или Синибальдо Фьески (будущий Папа Иннокентий IV), пустили в обращение выражения crux transmarina и crux cismarina. С помощью этих терминов различались соответственно те кампании, которые были направлены на завоевание Святой земли или, так или иначе, против мусульман и язычников (сюда относятся также крестовые походы в Испании и на северо-востоке Европы против славян и балтов), и те, которые предпринимались против еретиков: типичные примеры последних — крестовый поход против альбигойцев в начале XIII века или против гуситов в XV веке. Позднее аналогичные походы предпринимались против политических врагов Папы (Гогенштауфенов и арагонцев в XIII веке, италийских гибеллинов веком позже) или даже против тех сил, которые считались асоциальными и опасными для всего христианства (как, например, штединги — фризские крестьяне, взбунтовавшиеся против архиепископства Бременского, и против которых Папа Григорий IX в 1233 году выпустил буллу «Глас в Раме [слышен]» («Vox in Rama»). Ранее, в XII веке, крестовые походы были инициативой европейских правителей; однако позднее, когда папы, начиная с Иннокентия III, взяли руководство этими походами на себя и присвоили исключительное право объявлять их (в том числе и потому, что крестоносцам обычно предоставлялось полное отпущение грехов), ситуация коренным образом изменилась. Крестовые походы стали невиданным ранее средством юридического, военного и финансового давления на весь христианский мир. Особенно эффективной в этом смысле была доктрина обета: с одной стороны, она предусматривала отлучение от церкви (с последствиями, равными «гражданской смерти») для тех, кто, однажды принеся торжественное обещание участия в крестовом походе, откладывал бы его исполнение или уклонялся бы от него; с другой — допускала, что непосредственное участие в крестовом походе может быть заменено определенным денежным пожертвованием или участием в другой экспедиции, равноценной с канонической точки зрения. Со временем в языке канонического права закрепились выражения causa cruris, negotium crucis («крестовое дело»).

Такая юридическая практика положила начало многочисленным злоупотреблениям. Кроме того, проповедь крестовых походов, которой с XIII века занимались в основном нищенствующие монашеские ордена, велась несдержанно и вызывающе. В связи с этим то и дело раздавались голоса раздражения, протеста, даже возмущенного отказа. Нужно, однако, заметить, что протестующие, за довольно редким исключением, не отвергали крестовый поход как войну с неверными. Они скорее порицали тот факт, что первоначальная, подлинная цель похода — защита или обретение Гроба Господня — слишком часто отодвигалась на второй план и подменялась другими, более выгодными для папской курии с политической или экономической точки зрения. В любом случае, нельзя интерпретировать крестовые походы только как религиозные войны. Ни один теолог, ни один знаток канонического права никогда не утверждал, что конечной целью крестовых походов было обращение неверных или что уничтожение неверных законно уже только потому, что они являются таковыми.

В общем, можно сказать, что все многочисленные крестовые походы — это один и тот же крестовый поход. Его можно понять только через его внутреннюю динамику; он подчиняется строгой и последовательной логике, но распадается на множество отдельных случаев, которые феноменологически отличаются друг от друга. Он меняется в зависимости от каждой конкретной цели, от времени и от исторического контекста. Это переменчивая реальность: юридический и политический инструмент, вдохновляющая идея, неисчерпаемый источник метафор, миф, бесконечный объект апологий, обвинений, споров и недоразумений, способный предстать перед нами в разных обличьях и подверженный неожиданным пересмотрам.

Испанцы тоже присутствовали в Клермоне в ноябре 1095 года, однако Папа с самого начала отговаривал их думать о Востоке. «Языческая опасность» подстерегала в их собственном доме. После поражения при Саллаке в 1086 году кастильский король принял меры, чтобы его мольбы о помощи были услышаны в Риме. В 1089 году Урбан II предоставил тем, кто участвовал в восстановлении Таррагоны и строительстве там укреплений для защиты города от испанских мусульман, такое же отпущение грехов, которое давалось иерусалимским паломникам. Позднее это было подтверждено одним из канонов первого Латеранского собора 1123 года. Возможно, сам Папа был удивлен тем энтузиазмом, с которым был подхвачен его клермонский призыв, и

обеспокоен тем, что на Восток отправляется слишком много его сторонников: ведь его борьба с императором Генрихом IV еще не была завершена. Следующие три года Папа с помощью издания булл и посылки своих доверенных легатов пытался регулировать поток тех, кто отправлялся на Восток. Он всячески поощрял и даже санкционировал морские экспедиции, предпринимаемые городами Тирренского моря, но строго ограничивал (не знаем, успешно ли) участие в походах тех, чей отъезд мог иметь дестабилизирующие последствия для общества. Например, он резко выступал против отъезда монахов или семейных людей, предписывая им советоваться соответственно с аббатами и своими супругами, а также не рекомендовал отправляться в подобные походы престарелым или увечным. Он прекрасно понимал, что участники военного iter, к которому он призывал, постепенно сливались с многочисленными потоками паломников, присоединившимися к военным колоннам в 1096–1097 годах. С другой стороны, здесь наблюдался хорошо известный и привычный феномен: в XI веке паломников часто сопровождали, хотя бы на каком-то отрезке пути, вооруженные воины. Однако теперь во всем этом присутствовал некий новый элемент, вызывавший тревогу. Резня, которую паломники устроили среди евреев рейнских и дунайских городов в 1095 году, показывала, что хилиастические настроения толпы порой вели к очень опасным ситуациям; но это свидетельствовало также о том, что великое паломничество теперь стало инструментом для реализации различных потребностей и стремлений, связанных с социальной нестабильностью и религиозным брожением в те трудные годы. В общем, сколько бы мы ни старались определить «происхождение» и «корни» крестовых походов, нужно признать, что вызвавшие их обстоятельства и целый ряд близких и далеких причин, которые совпали необыкновенным образом, представляют собой совершенно уникальное явление.

С другой стороны, известия об экспедиции, которые в 1097–1098 годах приходили из Малой Азии, были такими неопределенными и противоречивыми, что лишь на соборе в Бари в октябре 1098 года Папа, кажется, получил более или менее ясное представление о том, что происходит на азиатском побережье. Одним из главных участников крестового похода был скандинавский герцог, обосновавшийся в Италии, Боэмунд Тарентский (д'Альтавилла), старший сын Гвискара и племянник Рожера, который, впрочем, не любил его и нисколько ему не доверял. Рожер, возможно, был доволен тем, что племянник целиком погрузился в запутанные малоазиатские и сирийские дела, но при этом ничуть не собирался помогать ему и всем остальным, кто своими действиями мог испортить его добрые отношения с властителями Северной Африки. Рожер хотел спокойно завершить завоевание Сицилии и поэтому отклонил предложение участвовать в коалиции, которая в 1087 году напала на ал-Махдию. Взятие этого города принесло бы Рожеру, хозяину сицилийских портов, господство на том пространстве, где проходили все торговые пути, связывающие Восточное Средиземноморье с Западным. Однако он прекрасно понимал, что не выдержит такого бремени: подобное приобретение заставило бы объединиться против него альморавидов, зиритов и Фатимидов. По той же причине, какова бы ни была воля Папы, который, кстати, ранее благословил его сицилийскую кампанию, Рожер не собирался компрометировать себя участием в Iter Hierosolymitanum. Знаменитый арабский историк Ибн ал-Асир, живший на рубеже XII и XIII веков, сообщает нам о том, что французские военачальники обратились к Рожеру с просьбой предоставить свои порты для кампании, целью которой было завоевание Северной Африки. Однако Рожер не хотел портить добрососедских отношений с эмирами Туниса и поэтому посоветовал воинственным единоверцам обратить свои взоры на Сирию. Поскольку арабский историк писал это спустя целый век после упомянутых событий, он истолковал этиологию крестового похода совершенно неожиданным и спорным образом: по его мнению, франки изначально собирались захватить Африку, используя сицилийские порты, и только совет Рожера «перевел» их воинственные намерения на Иерусалим. В остальном, однако, позиция, занятая завоевателем Сицилии, выявлена Ибн ал-Асиром с большой проницательностью.

Собор в Труа 1128 года фактически открыл дорогу созданию духовно-рыцарских орденов: то, что ранее было обычным братством (fraternitas) рыцарей вокруг «Храма Соломона», которое имело целью помогать паломникам и защищать их, превращалось в воинство (militia), которое подчинялось духовному уставу. Папы предоставляли такие же отпущения грехов, какие дал Урбан II в 1095 году, тем, кто выражал готовность поддержать королевство крестоносцев в Сирии, кто сражался в Испании и кто боролся с врагами Римского папского престола за свободу церкви (pro Übertäte Ecclesiae). Подобное решение, в частности, было принято на Пизанском соборе 1135 года, в разгар борьбы Святого престола с Рожером II Сицилийским.

Статья XXIII из «Постановления» («Decretum») Грациана, опубликованного примерно в 1140 году, имела целью урегулировать войну против мусульман с юридической точки зрения. Пять-шесть лет спустя, в 1145–1146 годах, две разные редакции энциклики Папы Евгения III «Столькие предшественники» («Quantum praedecessores»), резюмируя все папские постановления относительно борьбы с неверными, начиная с указов Папы Александра II по поводу осады Барбастро, заложили основу систематизации правовых оснований крестовых походов. Двумя годами позже в новой энциклике «Божественное вознаграждение» («Divina dispensatione») Папа говорил о крестовых походах не только в Святой земле, но и в Испании (после того, как в 1118–1126 годах Альфонс I Арагонский по прозванию «Воинственный» дошел от Сарагосы до Малаги), и на севере Европы против язычников-вендов. Экспедиция в Сирию оказалась гибельной, походы против славян — малорезультативными, зато в Испании крестоносцы — среди которых были также генуэзские и пизанские моряки — сумели захватить Альмерию и Тортосу. Альмерия снова попала в руки мавров в 1157 году, когда ал-Андалус после падения альморавидов уже десять лет находился под властью альмохадов (ал-муваххидун — «поборники единого Бога») — нового религиозного движения, проповедовавшего строгое соблюдение исламских норм, которое активизировалось на всей территории Магриба.

Духовно-рыцарские ордена тем временем не только укрепились на Пиренейском полуострове, но и дали импульс (как в Германии или Ливонии) возникновению местных орденов, организованных преимущественно по образцу ордена тамплиеров. Тамплиеры и госпитальеры св. Иоанна были ведущей силой в Арагоне; иначе обстояли дела в Кастилии, Леоне и Португалии. В 1157 году тамплиеры заявили королю Санчо III Кастильскому о своем отказе защищать крепость Калатрава. Тогда охрана крепости была поручена некоему «братству» (fraternitas), состоявшему из добровольцев, которые позже были приняты в ряды цистерцианцев: так образовался орден Калатрава, за которым последовали Компостела и Алькантара. Под влиянием различных

обстоятельств возникали и другие местные ордена, но затем они поглощались орденами более крупными.

Победы на Западе, поражения на Востоке

Так или иначе, во второй половине XII века наблюдалось определенное отступление христианского мира перед исламом. На Пиренейском полуострове Реконкиста была парализована после прихода к власти альмохадов, а в Сирии возвышение Саладина не благоприятствовало новым крестовым походам, особенно после неудачи великой экспедиции 1189–1193 годов, которую возглавляли император Фридрих I (погибший в этом предприятии), французский король Филипп II Август и английский король Ричард Львиное Сердце. Провал кампании, во главе которой стояли первые монархи Западной Европы, вызвал неоднозначную реакцию. Во-первых, громче зазвучали голоса тех, кто утверждал, что крестовый поход никогда не завершится победой, если не будет сопровождаться полным очищением христиан от своих грехов. Во-вторых, это побудило Лотарио ди Сеньи, ставшего Папой Иннокентием III (1198–1216), прямо закрепить право понтификов управлять крестоносным движением; военное командование, разумеется, перепоручалось другим лицам.

Однако именно в связи с крестовыми походами внутри «христианского общества» (corpus christianorum) впервые начали вызревать ферменты уже ясно обозначившегося национального самосознания — немецкого, французского, кастильско-арагонского, — которые начинали влиять на политику так называемых «феодальных монархий». Во время третьего крестового похода потребность сохранять национальные различия была уже настолько сильной, что рыцари, хоть и объединенные общим делом и обетом, все же носили (следуя нововведению, возникшему во время похода на вендов) кресты различных цветов: французы — красные, англичане — белые, фламандцы — зеленые. Соперничество французского короля Филиппа и Ричарда Львиное Сердце у стен Акры в 1191 году положило начало спору, которому было суждено продолжаться много веков.

Но результаты крестового похода — бывшего главным пунктом программы Папы Иннокентия III — не соответствовали ожиданиям понтифика. Экспедиция, о которой было объявлено в 1202 году, завершилась спустя два года завоеванием Константинополя крестоносцами и венецианцами, а также распадом Византийской империи; походы против племен, обитавших на берегах Балтики, и против альбигойцев в южной Франции, хотя и узаконенные Папой, привели к последствиям, которые не слишком его устраивали. По-прежнему неясным остается такой эпизод, как «крестовый поход детей» в 1212 году, который принес выгоду разве что средиземноморским работорговцам. Только в Испании борьба против альмохадов дала положительные результаты.

16 июля 1195 года альмохадский халиф Абу Йусуф Йакуб ал-Мансур в крупном сражении при Аларкосе разбил войско кастильского короля Альфонса VII. Прошло всего восемь лет после поражения при Гаттине и взятия мусульманами Иерусалима: христианский мир почувствовал, что он зажат в тиски. Несомненно, ощущение неотвратимой опасности сыграло свою роль в избрании Папой такого деятеля, как Лотарио ди Сеньи, который со всей решительностью высказывался за возобновление крестовых походов. Аквитанцы, ранее давшие обет присоединиться к походу в Святую землю, получили право исполнить его, действуя против мусульман Испании. Взятие альмохадами крепости Сальватьерра в 1210 году побудило Папу к объявлению нового похода. Кампания, в которой приняли участие короли Альфонс Кастильский и Педро Арагонский, — к ним позже присоединился Санчо Наваррский и еще много испанских, португальских и южнофранцузских рыцарей — увенчалась 17 июля 1212 года крупной победой при Лас-Навас-де-Толоса, между Кастилией и Андалузией.

В истории встречается немало примеров сосуществования разнонаправленных тенденций, и не только в отношениях Европы и исламского мира. В XIII веке параллельно шли два противоположных процесса: на Востоке — медленная агония того, что осталось от Иерусалимского королевства, в котором велась ожесточенная борьба за трон между феодальными сеньориями, торговыми общинами и рыцарскими орденами; на Западе — Реконкиста, делавшая новые успехи.

Теперь намерения вернуть Иерусалим силой оружия постепенно отходили на второй план, тем более что захват города мусульманами не стал препятствием для паломничества христиан. Крестовые походы 1217–1221 и 1248–1254 годов (первый из двух походов, которые возглавлял Людовик IX, король Франции) были направлены против портовых городов Нила. Людовик IX (Святой) в апреле 1250 года был взят мусульманами в плен; после освобождения он целых четыре года провел на сирийско-палестинском побережье, руководя восстановлением фортификационных сооружений того, что оставалось от государства крестоносцев, и пытаясь посредничать между враждующими силами, которые определяли жизнь этого угасающего осколка Европы.

Между тем были испробованы и многие другие альтернативы. В 1228–1229 годах император Фридрих II по условиям перемирия с египетским султаном получил Иерусалим, лишенный укреплений и неспособный к защите. Позже, в сороковых-девяностых годах XIII века, были сильные надежды на помощь «татар» (монголов), которые завоевали большую часть центральной и западной Азии вплоть до юга России и Персии. Между тем неотвратимо наступали времена жесткого пересмотра всей политической ситуации на Ближнем Востоке. В 1244 году хорезмские кочевники вошли в Иерусалим, неукрепленный согласно договору между германским императором и египетским султаном: они изгнали оттуда около шести тысяч христиан и истребили около двух тысяч в жестоком побоище, какие случались не часто. В 1250 году мамлюки — рабы-воины, гвардейцы египетских султанов-айюбидов — свергли своих хозяев и заняли их место, поклявшись мстить тем крестоносцам, которые предпочитали существовавший ранее порядок. Наконец, в 1258 году монголы под предводительством Хулагу-хана захватили Багдад и убили последнего халифа-аббасида. За несколько лет равновесие сил на Востоке было полностью нарушено.

В 1274 году Папа Григорий X, который много лет провел в Святой земле в качестве папского легата, на Втором Лионском соборе высказал просьбу посылать ему обстоятельные предложения по организации нового, эффективного крестового похода. Так появилась богатая и во многих смыслах интересная литература «о новом обретении Святой Земли» (de recuperatione Terrae Sanctae), содержащая массу сведений в области стратегии, тактики, географии, логистики, экономики и финансов. Авторами этих порой весьма многословных трактатов

порой были знаменитые в истории личности — например, великий магистр тамплиеров Жак де Моле, известный адвокат Филиппа IV Пьер Дюбуа, генуэзский флотоводец Бенедетто Дзаккариа, венецианец Марино Санудо Торселло. В этих трудах предлагалось множество выходов из тупика, в который зашло дело крестоносцев: осада портов на Ниле, которая вынудила бы султанов-мамлюков, правителей Иерусалима, уступить Святой город в обмен на снятие блокады; объединение рыцарских орденов; предложения переустроить систему финансирования будущих экспедиций. Но все это не помешало египетским султанам-мамлюкам за несколько лет ликвидировать остатки «франкских» гарнизонов в Святой земле. Последняя крепость — Акра — пала, как известно, в 1291 году.

Святой год, провозглашенный Бонифацием VIII, имел многообразную тематику, но в том числе подразумевал частичную замену паломничества в Иерусалим с соответствующим отпущением грехов (эта практика оставалась неизменной) на паломничество в Рим: то есть замену гроба Спасителя на могилу апостола. Именно в этот Святой 1300-й год, в то время как паломничество в Рим достигло своего пика, распространилось ложное известие о том, что монголы, придя из Персии, завоевали Иерусалим и собираются вернуть его христианам. На некоторое время Европа поверила в этот мираж. Затем произошло уничтожение ордена тамплиеров в ходе известных, но при этом довольно загадочных событий 13 071 312 годов: оно имело эпохальное значение, которое выходило за рамки сиюминутных обстоятельств. После падения Акры орден изжил себя: он не сумел приспособиться к новым обстоятельствам — в отличие от ордена св. Иоанна, который закрепился на Родосе и продолжал активно действовать в новых условиях. Даже если отвлечься от причин, которые побудили французского короля начать репрессии против тамплиеров, а папскую курию — поддержать эти репрессии, орден казался пережившим свое время — не считая, разумеется, Пиренейского полуострова, где тамплиеры по-прежнему играли важную роль в Арагоне и в Португалии и где «упразднение» ордена было скорее юридической фикцией.

С другой стороны, ситуация в Испании вообще выглядела по-особому. После Лас-Навас-де-Толоса понтифики, казалось, поддержали королей Кастилии и Арагона, склонных рассматривать Реконкисту как сугубо испанское дело. Но и Иннокентий III, и Гонорий III давали понять, что события в Испании не должны отвлекать силы от Востока. В самом деле, казалось, что ситуация на Пиренейском полуострове постепенно налаживается, в то время как на другом конце Средиземного моря все определеннее происходило обратное. Тем не менее рыцари из южной Франции продолжали активно принимать участие в иберийских делах, а крестоносцы, отправлявшиеся в Сирию по морю из Англии, Голландии или земель нижнего Рейна, часто делали остановку у португальских берегов, чтобы помочь в захвате какой-нибудь сарацинской прибрежной крепости. Кроме того, во второй четверти XIII века наступил кризис власти альмохадов: из Африки на Пиренейский полуостров больше не приходила военная помощь, и этим пользовались как кастильцы, так и арагонцы. Альмохадский халиф ал-Мамун (1227–1232) даже нуждался в косвенной поддержке кастильского короля, чтобы подчинить себе мелкие эмираты, еще остававшиеся в ал-Андалусе, и боевая готовность его войск в немалой мере зависела от христианских наемников, доля которых была высока.

При постоянной помощи испанских рыцарских орденов и поддержке предоставленных Папой индульгенций король Хайме I Арагонский в результате двухлетней кампании — с 1229 по 1231 год — завоевал Майорку, а в 1232–1253 годах — Валенсию. Со своей стороны Фердинанд III Кастильский (который, как и Людовик IX, будет впоследствии причислен к лику святых) в период с 1230 по 1248 год занял один за другим Бадахос, Херес, Кордову и, наконец, Севилью. Эти завоевания снискали ему огромную славу: он был единственным христианским триумфатором в мире, где мусульмане и монголы, казалось, неизменно одерживали победу. Но тот факт, что Папа разрешил и даже благословил в 1246 году крестовый поход, который затем привел к взятию Севильи, одного из самых крупных городов того времени (несмотря на то, что именно тогда Людовик IX бросил все силы на подготовку великой экспедиции в Египет и Святую землю), еще раз говорит о том, что хотя Пиренейский полуостров и оставался «западным крылом» христианского фронта, испанский крестовый поход при этом был внутренним делом испанцев. Это мнение утвердилось до такой степени, что св. Фердинанд смог финансировать свой поход за счет «tercias reales» — то есть трети от десятины, которую собирала кастильская церковь.

К середине века Португалия тоже освободилась от мусульманского владычества: казалось, что установилось новое равновесие сил. Марокко находилось в руках новой династии Меринидов, которая в 1269 году захватила Марракеш; султан Меринидов Абу Йусуф поспешил по мере возможности усилить те гарнизоны, которые еще оставались в ал-Андалусе. У кастильцев даже возникали мысли устроить крестовый поход на Магриб. Но Альфонс X (1252–1284), сменивший на кастильском троне своего отца Фердинанда, предпочел закрепить свои континентальные завоевания, изгнав мусульман из Мурсии и оставив временно в их руках последний крупный город ал-Андалуса — Гранаду. За изменением границы между христианской и мусульманской частями Испании по-прежнему трудно проследить: в 1271–1273 годах многие христианские феодалы этой территории предпочли стать вассалами магрибского султана, а не Альфонса X. С другой стороны, великие эмиры Гранады из династии Насридов не желали покоряться меринидскому султану, который давал понять, что является их единственной опорой в борьбе с христианами. Более того, в 1279 году эмир Абдаллах Мехмед II заключил с Генуэзской республикой торговое соглашение, очень выгодное для генуэзцев, которые смогли основать в Гранаде свою колонию. Это говорило о том, что эмир, решительно настроенный играть независимую роль на международной арене, умел хорошо приспосабливаться к обстоятельствам.

Теперь, когда ал-Андалус был окружен Кастилией, арагонцы тоже почувствовали себя свободнее. Они стали меньше интересоваться испанским крестоносным делом и принимали участие в походах против мусульман лишь тогда, когда инициатива исходила от других — например, от правителей южной Франции, с которой Арагон традиционно связывали тесные отношения. Именно поэтому Хайме I Арагонский, хоть и с большой осторожностью, принял непосредственное участие в подготовке второго крестового похода Людовика IX. 1 сентября 1269 года он отплыл из Барселоны, но из-за бури ему пришлось вернуться. В декабре скромный арагонский контингент появился в Акре, но вскоре вернулся обратно, ничем себя особенно не проявив.

Англичане тоже обещали оказать поддержку французскому королю, однако отправление их войск задерживалось. Людовик поднял якоря 2 июля 1270 года, приняв решение — по причинам, которые до сих пор неясны — сделать остановку в Тунисе и только потом следовать дальше, в Святую землю. Было ли это каким-то образом связано с африканской политикой его брата Карла Анжуйского, короля Сицилии? Так или иначе, 25 августа 1270 года Людовик умер — вероятно, от тифа — на тунисском берегу, у развалин древнего Карфагена. Его брат Карл, прибывший в лагерь крестоносцев как раз в этот день, отдал приказ о возвращении их на родину. Незадолго до этого в Африку прибыл также Эдуард, сын английского короля Генриха III: поначалу он согласился отступить на Сицилию, но в апреле 1271 года возобновил свой путь к Святой земле и высадился в Акре в начале мая. Он провел за морем чуть больше года — и в сентябре 1272 года, разочарованный и больной, был вынужден вернуться. Эдуард был последним из видных европейских монархов, которые вели крестоносцев на берега Леванта. С тех пор, несмотря на усиленные призывы Пап Григория X и Николая IV к крестовым походам, остатки государства крестоносцев были по сути дела предоставлены своей судьбе, которая окончательно определилась в 1291 году.

Amors de terra londhana

В начале XII века клирик Фульхерий Шартрский, историк первого крестового похода, сложил восторженный и страстный гимн той роскоши и радости жизни, которую смогли обрести новые завоеватели Палестины, придя туда из неприветливых европейских широт. Кажется, что ему удалось выразить чувства колонистов всех времен, которые вдали от своей родины, за морями и горами, сумели найти — хотя и немногие — счастье и богатство. У Фульхерия мы также встречаем едва ли не случайно оброненные вещие слова «Восток» и «Запад», причем «Восток» — это не просто земля, которую нужно покорить, а объект любви, стремлений и мечтаний.

Что же принесли крестовые походы Европе? Господин Вольтер ответил: проказу. Каковы были главные плоды крестовых походов? По мнению Жака Ле Гоффа — абрикосы.

В обоих остроумных ответах есть доля истины. Они, однако, вырывают крестовые походы как военно-политическое (и, возможно, «колониальное») явление из исторического контекста. А этим контекстом было экономическое и культурное сближение Европы и ислама, укрепление взаимоотношений, которое в XIII веке даст толчок экономическому, финансовому, технологическому, научному и интеллектуальному прогрессу, так что это столетие станет одним из наиболее просвещенных и благополучных в истории средиземноморских областей Европы.

Среди положительных результатов, достигнутых благодаря целому ряду событий, в которых крестовые походы являлись военным аспектом, тесно связанным (как это было видно в связи с паломничеством) с аспектами социальными и религиозными, нужно назвать постепенное открытие западноевропейскими христианами другой реальности.

Было ли это открытие взаимным? Следует предположить, что христианство и ислам на пути познания друг друга шли далеко не вровень. Еще сам Пророк встречался с христианскими отшельниками, и первые мусульмане — за исключением бедуинских племен, отошедших от первоначального языческого синкретизма — были по большей части обратившимися в ислам христианами. Многочисленные процветающие христианские церкви Востока были очень хорошо известны мусульманам; в свою очередь, восточные христиане довольно быстро показали, что имеют неплохое представление о таком новом религиозном феномене, как ислам. Положение дел изменилось, когда высокопоставленные священники, монахи и ученые греческой Церкви стали получать сведения об исламе из вторых рук, главным образом через сирийские источники, и поэтому, возможно, в течение многих десятилетий недооценивали проблему возникновения новой религии, считая ее своеобразной формой варварства, не достойной особого внимания. Мусульмане же, хотя и знали или, во всяком случае, были наслышаны о румий (византийцах), не испытывали большого интереса к далеким и неотесанным фаранджий, с которыми в начале VIII века сталкивались только завоевавшие Испанию арабо-берберы. Так или иначе, того, что фаранджий — христиане, было достаточно для мусульман.

Западноевропейцы тоже не располагали никакими достоверными сведениями, которые дали бы им возможность понять, кто такие эти пришельцы и о чем они думают. В античной латинской традиции «Arabes» были molles, женоподобными и развращенными; их страна называлась «счастливая Аравия» (Arabia felix) — загадочный край пряностей, связанный с мифом о фениксе и с библейской легендой о царице Савской. Затем положение дел пусть и частично, но все же изменилось: мусульманские набеги на европейские берега и пиратство в западном Средиземноморье были, конечно, не лучшей формой установления дружеских контактов, но даже они стали своеобразным средством получения информации. Обмен дипломатическими миссиями между Карлом Великим и испанскими вали или багдадским халифом, письмо Берты Тосканской халифу, соглашения между сарацинскими пиратами и Гуго Провансальским — все это говорит о проблесках взаимного познания, пробивавшихся сквозь завесу неведения, которое тоже было обоюдным, но не равно активным с двух сторон.

Показателен в этом смысле обмен посольскими миссиями в 1076 году между Папой Григорием VII и хаммадидским эмиром ан-Насром, правителем Беджаии, по вопросу о христианской общине в этом городе. В словах Папы по этому случаю недвусмысленно выражено понимание того, что «хотя и по-разному, но мы с вами признаем одного Бога и ежедневно славим Его, и поклоняемся Ему как Создателю и правителю Вселенной».

При наличии таких предпосылок кажется странным, почему тексты, описывающие мусульман в связи с первым крестовым походом, дают такой искаженный образ ислама; причем тексты эти не столько документальные по своему характеру (и довольно скупые на конкретные сведения), сколько эпические. Однако нельзя забывать о том, что написаны или собраны они были главным образом в светской среде и, так или иначе, содержат некий пропагандистский заряд, адресованный мирянам и необразованным людям (illiterati). Европейцы в XI веке располагали отрывочными и хаотичными сведениями об исламе; но главное, эти сведения допускали различные уровни восприятия и являлись объектом манипуляций в зависимости от тех или иных целей. Если для высшего духовенства был очевиден монотеистический и даже авраамитский характер мусульманской религии, то миряне мало что об этом знали. А непосредственные контакты хотя и случались, но были крайне редки.

В древнейшем европейском эпосе религия тех, которые — в зависимости от случая — назывались сарацинами, агарянами, исмаилитами, арабами, маврами, берберами, турками, персами, «азопардами» (эфиопами) или еще более причудливыми именами, обозначалась одним словом — «язычники». Имена «языческих» героев обычно говорят об определенной связи их с областью магического и демонического: Локифер, Аграпарт, Нойрон, Оргейе. Их внешний облик содержит не только человеческие черты, пусть даже искаженные и зловещие: в нем преобладают черты сверхчеловеческие, нечеловеческие и античеловеческие. Часто язычник — это великан, что отсылает к античной традиции, известной по произведениям латинских классиков, но также и к Священному Писанию — к истории о Голиафе (гигантский рост — это, как правило, демоническая черта). Даже

если сарацины — не великаны, то они все равно выделяются чудовищным или даже демоническим обличием: они черные, рогатые, с оскаленными зубами (эту гримасу мы видим на многочисленных изображениях). Важен черный цвет кожи «язычников». Несомненно, это могло быть результатом наблюдения за теми африканцами, которых было немало среди рабов или солдат, особенно в Египте и Испании. Лишь гораздо позднее с черным цветом кожи будут ассоциироваться типично африканские черты — курчавые волосы, пухлые губы, приплюснутый нос. Черный цвет кожи «агарян» — это поначалу цвет кожи жителей Йемена, Нубии и Сахары; однако он в первую очередь имеет дьявольскую коннотацию, которая происходит от традиции апологетов христианства и святых отцов изображать демонов как египтян или эфиопов. Этот образ утвердился очень быстро, и слово maurus, обозначающее жителей Мавритании, стало говорить не только об этнической принадлежности («мавры», los moros), но также — с небольшими вариациями в немецком и в некоторых романских языках — вообще о темном цвете кожи и волос. Даже знамена, которые христианская фантазия приписывает мусульманам, имеют жуткий и магически-дьявольский вид: на них изображены головы мавров, змеи, драконы, скорпионы.

Время от времени среди язычников появляются амазонки (о которых еще вспомнят Ариосто и Тассо) и sagittarii — кентавры. В «Песне о Роланде» эмиру помогают великаны; в «Короновании Людовика» («Coronemenz Loois») — еще одной песне, датируемой периодом между первым и вторым крестовым походом, — христианский герой Вильгельм должен сражаться против эмира Корсольта, великана, чье царство находится за Красным морем; верный друг Вильгельма и его «брат по оружию» — еще один великан, Ренуар. Он христианин, но при этом сын сарацинского царя Дераме, чем и объясняется его огромный рост. Сарацины — слуги дьявола: этот тезис неоднократно доказывают сверхъестественные явления, которыми сопровождается их смерть — например, если сарацин погибает в сражении, за его душой приходят демоны. Если оружие христиан защищено реликвиями и благословением, то сила оружия сарацин зависит от использования магических обрядов, драгоценных камней и волшебных трав.

Ислам в эпических произведениях — а значит, и в религиозной пропаганде — предстает как вера неправедная и злая, что, как мы увидим, могло совпадать с теми сведениями об исламе, которыми обладали образованные люди того времени. Однако эта неправедность и это зло не имели отношения к апологетическим или полемическим доводам ученых. Эпическая поэзия развивала и дополняла фантастическими деталями доходящие до Европы обрывочные сведения об исламе. Отсюда уверенность в том, что сарацины поклоняются чудовищным идолам, как, например, золотой колосс Кадиса в «Хронике» псевдо-Турпина; что они называют Мухаммеда своим богом; что они проповедуют богохульственный «антитринитаризм» и возвышают различных языческих богов, которые носят фантастические или взятые из демонической и псевдобиблейской ономастики имена.

Этика «язычников», в свою очередь, представлялась как христианская этика, вывернутая наизнанку, особенно когда речь шла о плотских удовольствиях. Считалось, что вера сарацин предписывает им всякого рода излишества, и причина этого заключается в порочной природе основателя их религии, который, спасаясь от стыда, узаконил эту порочность, сделав ее обязательной для всех. В начале XIII века Жак Витри даже утверждал, что наиболее умные и образованные сарацины, хорошо знакомые с произведениями античных авторов и христианским Священным Писанием, несомненно, обратились бы в христианство, если бы их не удерживало исламское правило сексуальной вседозволенности, которое ввел Мухаммед. Мнения такого рода резюмировал и подкрепил своим авторитетом Фома Аквинский: по его мнению, Пророк прельстил своих последователей разнузданными плотскими удовольствиями и дал им такой закон, который дозволял любой акт похоти. Однако какими бы фантастичными, комичными и гротескными ни были подобные сведения об исламе, считать их совершенно необоснованными было бы ошибкой. Иногда в основе многих нелепых и странных убеждений лежит какое-либо авторитетное мнение, глубокая интуиция или давнее воспоминание.

Возьмем, например, культ дьявола, который приписывался мусульманам: это недоразумение могло возникнуть из-за расхождения в значении некоторых слов и понятий. Когда еще до появления ислама «сарацины» были только бедуинами, жившими в пустыне, святой Иероним, хорошо с ними знакомый, писал в «Жизни отшельника Иллариона» («Vita Hilarionis heremitae»), что у них существовал «культ Люцифера»; в IV–V веках слово «Люцифер» означало всего лишь планету Венеру. Известно, что астральные культы были широко распространены в арабских странах: богиня Аллат отождествлялась как раз с планетой Венерой. С другой стороны, нужно заметить, что именно Иероним впервые отождествил яркое утреннее светило, то есть «Люцифера», о котором говорится в книге пророка Исайи, с царем восставших ангелов из апокалиптической традиции. Возможно, в свете этих рассуждений не таким странным покажется утверждение Никета Византийского о том, что Мухаммед завещал сарацинам поклонение некоему идолу; описание этого идола подходит не только Венере, но и любой другой богине-матери из тех, которым поклонялись в арабских странах до христианизации. Культ такой богини, синкретически связанный с парабиблейскими традициями, до сих пор сохранился среди кочевников.

Что же касается демонического и чудовищного облика сарацин, а также героической и благочестивой гибели паладинов, то здесь нужно учитывать тот факт, что гибель эпического героя в бою с демоническими существами придает войне с язычниками апокалиптический характер. Каждое такое сражение предвосхищает последнюю битву сил Света и Тьмы, что подтверждается божественным или ангельским вмешательством во время войны в Испании, на Сицилии и в Сирии. Схватка героя-рыцаря с «язычником» тоже символизировала битву, победить в которой можно было, согласно словам св. Павла, лишь с помощью «оружия света» (arma lucis): это был символ внутренней борьбы, которую каждый христианин был обязан вести против зла и греха в своей душе. В IV веке эта духовная борьба (pugna spiritualis) была изображена при помощи эпико-аллегорических средств христианским поэтом Пруденцием. В своей поэме «Психомахия», или «Сражение за душу» («Psychomachia»), по стилю напоминающей «Илиаду», «Энеиду» и «Фиваиду» Стация, он описал борьбу между христианскими добродетелями и языческими пороками. Этому произведению было суждено сыграть важную роль не только в литературе, но и в скульптуре и живописи Средневековья, и заложить прочную основу престижа рыцарства в Средние века, а также того особого мышления, которое было характерно для движения

крестоносцев.

В начале сороковых годов XII века — то есть сразу после собора в Труа, который узаконил новое положение ордена тамплиеров внутри Церкви — Бернард Клервоский выпустил небольшой трактат «О похвале новому рыцарству» («De laude novae militiae»), посвященный как раз тамплиерам. В этом трактате, помимо детального противопоставления «новых рыцарей», то есть тамплиеров, и рыцарей светских, которое звучало как беспощадный приговор последним, цистерцианский аббат говорил об особой миссии novi milites и о духовном и аллегорическом характере святых мест. Дойдя до щекотливого вопроса о законности убийства врага в ситуации, где юридических схем bellum justum было недостаточно (речь шла не о законности войны вообще, а о «святости» конкретной войны) Бернард не без некоторого смущения вводил термин «злоубийство». Убийство врага становится неизбежным и, следовательно, обязательным постольку, поскольку этот враг объективно является носителем зла и греха, с которыми можно бороться только путем уничтожения того, кто является их орудием. Это был рискованный тезис, который объяснимым только исключительными обстоятельствами — защитой Святой земли и основанием духовно-рыцарских орденов; но он не выдержал бы никакой критики, выходящей за рамки подкреплявших его теологических аргументов, если бы не основывался на модели pugna spiritualis.

Такие же или похожие мотивы пронизывают все эпические произведения, посвященные непосредственно крестовым походам: это довольно немногочисленные песни, созданные с XII по начало XIV века, которые, однако, оказали ощутимое влияние на европейское общественное мнение и частично сформировали миф, связанный с фигурой Готфрида Бульонского. Значение этого цикла в истории не слишком велико, но нужно читать его в контексте пропаганды крестовых походов того времени, когда была сложена каждая входящая в него песня. Такая же пропаганда и энтузиазм, а иногда — разочарование и досада звучат во многих лирических песнях о крестоносцах: эти песни, рождавшиеся во Франции, в Испании, в Германии, в Италии, реже в других странах, способствовали распространению идеи крестовых походов, границы которой четко очертил Иннокентий III. С XIII века эта идея была подхвачена и разработана подробнее многочисленными проповедниками — прежде всего францисканскими и доминиканскими монахами. Крестовые походы дали папству три инструмента, — надзор со стороны инквизиции, денежные сборы и проповеди среди народных масс, — с помощью которых оно с XIII века укрепляло свою власть, влияло на политические решения, формировало общественное мнение и сдерживало возникновение и распространение еретических настроений.

Что же до письменных документов, то этот непростой iter не ограничился литературой или трактатами: частично он затронул летописи и даже агиографию.

Неудача крестовых походов в Святой земле и все более частые контакты между христианами и мусульманами постепенно изменили тот демонизированный образ, который сложился у первых в отношении вторых: взамен стали появляться признаки уважения и даже симпатии к мусульманам. Уже в песнях и хрониках первого крестового похода то и дело говорилось о храбрости и благородстве мусульман; порой эти качества даже противопоставлялись трусости и коварству христиан. Неизвестный норманнский рыцарь, автор «Деяний франков» («Gesta Francorum»), который находился в свите князя Таранто во время первого крестового похода, начинает с того, что пишет о воинской доблести турок; затем он переходит к легенде, согласно которой и турки, и франки происходят от древних троянцев и, следовательно, являются естественными врагами подлых и коварных греков. Так в литературе появляется топос, который позже будет служить оправданием антипатии к Византийской империи; он вновь станет актуальным на заре нового времени. Если бы турки приняли христианство, — заключает неизвестный автор, — ни один народ не смог бы одержать над ними верх.

Латинское сочинение «Действо об Антихристе» («Ludus de Antichristo») было создано в баварской монашеской среде примерно в пятидесятые-шестидесятые годы XII века с целью прославить императора Фридриха I как государя, облеченного некоей апокалиптической миссией. В этом произведении фигурирует персонаж «Царь вавилонский» (Rex Babilonis), который может служить примером типизации верховного мусульманского правителя. Он, разумеется, язычник и идолопоклонник, но все же не лишен благородства, и только сила оружия заставляет его покориться Антихристу, которому хватило простого обмана, чтобы подчинить себе все христианство. В «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха, созданном в начале XIII века, фигура «язычника» Файрефица окружена загадочным магическим ореолом — в связи с этим даже говорили о первом проявлении экзотизма в нашей средневековой культуре. При этом его образ несомненно положительный: восхваляются его красота, храбрость, благородство. Приблизительно в те же годы великий пикардийский поэт Жан Бодель написал знаменитую книгу о гаданиях «Действо о святом Николае» («Jeu de saint Nicholas») — возможно, специально для того, чтобы ее читали в его родном Аррасе в ночь святого Николая, с 5 на 6 декабря: это необыкновенное собрание всех предрассудков и настроений того времени. В этой книге есть «рогатый Мухаммед» (cornu Mahomet), названный так потому, что обладает рогами, как и дьявол, и бог по имени Терваган; там есть крестоносцы — «разнузданные бродяги и распутники», которые, однако, в нужный момент могут принять мученическую смерть; там есть магические обряды неверных, противопоставленные христианским чудесам; наконец, там есть эмиры «Конии», «Оркании», «Олиферна», «Сухого Дерева», где историко-географические данные первого крестового похода сливаются с фольклорными и парабиблейскими фантазиями и сказочной географией, восходящей еще к циклу об Александре Македонском, в котором соединяются жестокость и благородство, безумие и мудрость. В конце книги все эмиры и цари благодаря святому Николаю обращаются в христианство — все, кроме заносчивого эмира Сухого Дерева, который не желает отречься от своей веры, горько упрекает других и с презрением называет их изменниками. Потом покорится и он, но вопреки своей воле: пожалуй, это самый привлекательный из всех персонажей.

Атмосфера, пропитанная магией и астрологией, в которую Вольфрам фон Эшенбах помещает своего героя-язычника Файрефица — это не что иное, как отражение в литературе того наступления философии и других наук, пришедших через арабский мир, которое как раз в XII–XIII веках изменило структуру европейского знания. На уровне литературы — как устной, так и письменной — и светской культуры научные достижения переводились в понятия, имеющие отношения к магии и «чудесам». Провансальская поэма «Дорель и Бетон»

(«Daurel e Beton»), написанная на рубеже веков, рассказывает о молодом принце, оказавшемся в изгнании из-за подлого предательства мнимого друга отца; двенадцать лет он проводит в Вавилонии, где сталкивается с таким доброжелательным отношением к себе язычников, какого не встречал на родине среди единоверцев. Крестовые походы, кроме всего прочего, познакомили Европу с восточным романом — византийским, а также грузинским, армянским и арабо-персидским, — происходящим от романа эллинистического и, следовательно, повествующим о долгих скитаниях и сказочных приключениях. В Европе эти сюжеты иногда объединялись с аналогичными темами, взятыми из кельтского фольклора, в результате чего получалась характерная «феерия» артуровского типа. В других случаях для сохранения или воссоздания «восточного» колорита ислам связывался с индийскими «чудесами», позаимствованными из сказаний об Александре Македонском: так постепенно развивались темы и эстетические средства, которые впоследствии породят такое явление, как экзотизм. Литература о странствиях, появившаяся в результате путешествий миссионеров и купцов XIII–XIV веков в континентальную Азию, — пока распад монгольской империи не сделал такие путешествия невозможными, — дала новый импульс воображению, как видно по описанию восточных приключений в романе Джованни Боккаччо «Филоколо».

Если говорить об изменении отношения Запада к исламу и о сохранении этой тенденции в течение долгого времени, то можно назвать три знаковые фигуры. Первая — это Мухаммед, представленный в целой серии легенд клеветнического характера как еретик и маг; надо сказать, что он так никогда и не был реабилитирован в литературе — достаточно вспомнить о драме Вольтера, которая сделала его символом фанатизма и тирании. Вторая — Саладин, прошедший в литературе путь от заклятого врага христианства (порой представленного наравне с Мухаммедом как предтеча Антихриста) до персонажа, проникнутого великодушием и благородством: в XVIII веке Лессинг выведет его как образец веротерпимости. Наконец, третья — это таинственный и мрачный образ религиозного вождя-шиита, так называемого «Горного старца», который со временем станет одним из идеальных типов зарождающегося экзотизма.

«Прекрасная пленница»

Отношение Отцов Церкви к произведениям античных авторов было неоднозначным. С одной стороны, эти произведения являлись бесценным кладезем мудрости; с другой — их не озарял свет христианской веры. По примеру Оригена и св. Иеронима были прочтены в аллегорическом ключе некоторые места из книг «Исход» и «Второзаконие» — например, тот эпизод, когда евреи, уходя вместе с Моисеем на поиски Земли Обетованной, уносят с собой сокровища египтян, — или положение о «прекрасной пленнице». Был сделан вывод о том, что овладеть богатствами древних — то есть истиной, скрытой в их произведениях — вполне допустимо и даже справедливо.

Но если произведения античных язычников могли содержать истину, то почему не могли содержать ее произведения сарацин? И если могли, было ли так же правильно и допустимо завладеть этой истиной? Существовали священные книги самих мусульман, давно знакомые восточным христианам и мосарабам в Испании, и книги античных авторов, которые мусульмане изучали и переводили, в то время как христиане уже давно их утратили. С середины XII века стало крепнуть убеждение, что эти сокровища должны принадлежать христианам. В конце века один переводчик с арабского языка, англичанин Дэниел Морли, даже выдвигал теорию о том, что Господь завещал Новому Израилю — то есть христианскому миру — отобрать у египтян их сокровища, чтобы обогатиться, как ранее Моисей: «Давайте же отберем у языческих философов по завету Господа и с Его помощью их мудрость и их красноречие, отберем у этих неверных их сокровища, чтобы нам обогатиться в вере». «Философы» — так теперь латинские ученые называли арабских, которые для невежд были только «язычниками» и «неверными». Даже Абеляр, преследуемый Бернардом Клервоским, угрожал, что сбежит к «философам», чтобы сохранить свою свободу и достоинство.

И хотя многочисленные песни и легенды изображали сарацин идолопоклонниками, а Мухаммеда — еретиком, всегда находились те, кто располагал более достоверными сведениями на этот счет. Произведение псевдо-Турпина «История жизни Карла Великого и его племянника Роланда» («Historia de vita Caroli magni et Rolandi eius nepotis»), во всех других отношениях фантастическое и содержащее невероятные подробности о сарацинском «идолопоклонничестве», порой противоречит само себе: в эпизоде противоборства между Роландом и Феррагутом, положившего начало еще одному эпическому топосу, мы видим довольно точные с теологической точки зрения сведения. Уже в 1120 году Вильгельм Малмсберийский уверенно уточнял: «Ибо сарацины и турки почитают Богом Творца, считая Магомета не Богом, а Его пророком» («Nam saraceni et Turchi Deum creatorem colunt, Mahomet поп Deum sed Eius prophetam aestimantes»). Примерно в те же годы в Англии получили хождение «Диалоги» Петра Альфонси, испанского еврея из Уэски, принявшего христианство в 1106 году и ставшего придворным врачом Альфонса I Арагонского и Генриха I Английского. При таких налаженных отношениях между Пиренейским полуостровом и Британией информация приходила из первых рук: Петр Альфонси, например, был необычайно сведущ во всем, что касалось авраамитских религий.

В то время как от Пиренейского полуострова до Сирии развевались знамена крестоносцев, один из самых известных деятелей Церкви того времени — Петр Достопочтенный, клюнийский аббат — предложил осуществить немыслимое ранее предприятие. Центром этой деятельности стал Толедо, почти полвека назад возвращенный христианам, а гарантом — сам архиепископ города, Раймунд де Совета. «Император» Альфонс VII Кастильский оказал содействие эксперименту клюнийского аббата, который, с одной стороны, говорил о необходимости более глубоких знаний об исламе, с другой — всеми силами поддерживал Реконкисту.

Так была образована группа, которая, прибегая к консультациям мусульман и евреев, осуществила один из первых переводов Корана. Этот перевод традиция приписывает Роберту Кеттонскому из Ратлендшира; судя по всему, он выполнялся в несколько этапов — сначала с арабского на еврейский и кастильский, затем на латинский. Хотя этот перевод был довольно сумбурным и изобиловал пропусками, его значение было так велико, что он оставался самым авторитетным в течение четырех последующих веков. Разумеется, речь не шла о какой-то слаженной «команде» переводчиков с четким распределением функций между ними: это была группа людей, почти не связанных между собой.

Переводчики, трудившиеся под началом Петра Достопочтенного, не ограничились одним Кораном. Существовало по меньшей мере три центра интенсивной переводческой деятельности, — испанский, английский и южно-итальянский; однако важнейшим оставался первый. Мусульманские тексты, переведенные на латынь такими переводчиками, как Иоанн Севильский, Доминик Гундисальви, Герман Далматинский, Платон Тиволийский, Герард Кремонский, а также христианские сочинения, посвященные исламу, — созданные благодаря этим переводам, — долго оставались лучшей основой для более пристального знакомства с исламом во всей средневековой Европе. Нельзя сказать, что Петр воспользовался всеми возможностями, которые предоставлялись в результате этого. Однако, судя по двум его трактатам — сжатому «Сумма всех ересей сарацинских» («Summa totius heresis saracenorum») и более подробному «Книга против учения или ереси сарацинской» («Liber contra sectam sive heresim saracenorum»), — был достигнут немалый прогресс в изучении ислама: его трактаты созвучны таким работам, как «Беседа сарацина с христианином» («Dialexis sarakenou kai khristianou») Иоанна Дамаскина. Однако Петр в то время не мог знать трудов Дамаскина: они были переведены с греческого Бургундом Пизанским только в 1148–1150 годах.

В то время как Роберт Кеттонский переводил Коран, Герман из Каринтии занимался генеалогией Мухаммеда, а христианин-мосараб Марк Толедский с помощью Петра из Пуатье, секретаря Петра Достопочтенного, переводил на латынь один апологетический текст — «Рисала» ал-Кинди. Из всех этих переводов, собранных вместе, сложилась своеобразная коллекция трудов по исламу, которая многие столетия оставалась самой полной, точной и авторитетной на Западе: «Корпус Клюни», известный также как «Толедский сборник». Впоследствии Марк Толедский предложил еще один перевод Корана, который был лучше предыдущего. Интересно, что Марк, помимо Корана, переводил с арабского работы Галена, а также один полемический текст, принадлежащий, видимо, перу бывшего мусульманина, принявшего христианство, и мистическое

сочинение Ибн Тумарта, известного альмохадского ученого.

Личность Марка Толедского по многим причинам показательна. Конечной целью таких ученых, как он, было отнюдь не чистое познание. Напротив, они руководствовались весьма практическими соображениями, а зачастую и необходимостью вести полемику: нужно лучше знать исламскую доктрину, чтобы более аргументированно ее опровергать. Если такая позиция понятна на Западе, где уже получили известность логические выкладки Абеляра, большого друга Петра Достопочтенного, то не вполне ясно, как она могла принести плоды в миссионерской среде, учитывая строжайший запрет проповедовать на мусульманской земле какие-либо иные учения, кроме созданных на основе Корана.

Впрочем, немало мусульман проживало и за пределами дар ал-ислама: это были жители сирийско-палестинских или иберийских территорий, завоеванных христианами, а также купцы и пленники. Возможно, именно среди них предполагалось развернуть миссионерскую пропаганду: на землях, принадлежащих христианам, она была вполне осуществима. При этом подразумевалось, что неверного не принуждают, а убеждают принять христианство. Мы увидим, как Франциск Ассизский продемонстрирует в этом смысле новый пример, укажет новый путь, и как в собственном ордене Франциска его учение часто будет сталкиваться с иными теориями. Со своей стороны Фома Аквинский, посвятивший исламу часть своего труда «Сумма против язычников» («Summa contra gentiles»), поддерживал намерение Петра Достопочтенного так или иначе содействовать обращению мусульман и в кратком трактате «Об обосновании веры против сарацин, греков и армян» («De rationibus fidei contra Saracenos, Graecos et Armenos») вывел четыре полемических тезиса, которые надолго сделались общепринятыми: ислам есть искажение истины; ислам — религия насилия и войны; ислам — религия, основанная на сексуальной вседозволенности; Мухаммед — лжепророк.

Подобная полемическая литература достигла расцвета в XIII веке: на Пиренеях появились такие произведения, как «Четверное осуждение» («Quadruplex reprobatio») доминиканца Рамона Марти, точного выразителя и исполнителя миссионерского проекта Рамона де Пеньяфорта, и «О происхождении и восхождении Магомета» («De origine et progressu Machometis») Педро Паскаля, монаха ордена Милосердия: этот орден занимался освобождением христиан, оказавшихся в сарацинском плену. На сирийско-палестинской территории появлялись такие сочинения, как «О состоянии дел у сарацин» («De statu saracenorum») Гильома Триполийского и «Против закона сарацин» («Contra legem saracenorum») флорентийского доминиканца Рикольдо да Монтекроче, который ранее совершил путешествие в Багдад и наблюдал за процессом обращения населения Персии в ислам, тогда еще только начинавшимся: это было крушение великих надежд европейского мира на христианизацию татар и на совместный крестовый поход, который позволил бы атаковать мамлюкский султанат Египта с двух сторон.

Однако тем временем утверждалась еще одна истина: изучение арабского языка становилось все более необходимым не только потому, что это был священный язык, язык одной из Книг откровения (многие ли были готовы признать его таковым — это уже другой вопрос), но и потому, что это был язык великой культуры. На арабский язык были переведены сочинения древних греков — подлинные источники мудрости. Существовали и переводы непосредственно с греческого на латынь, однако в то время они были менее доступны для западноевропейцев, чем переводы на арабский, благодаря тесным мусульманско-христианским контактам в Испании. Кроме того, арабские версии оказывались гораздо предпочтительнее — благодаря серьезным комментариям арабских ученых и переводчиков и обилию предпринятых ими новых исследований. Была и еще одна причина: стало понятно, что через арабский язык Запад мог получить доступ — пусть даже косвенным, опосредованным образом, — к знаниям и кое-каким технологиям еще более удаленных стран и цивилизаций, от Персии до Индии и даже Китая.

Пиренейский полуостров — настоящая колыбель обновления западной науки, где также впервые распространился один из важнейших материальных носителей этого обновления. Известно, что бумага, изобретенная в Китае и распространенная в Центральной Азии с VIII века, в мусульманской Испании появилась уже в X веке: ее производили бумажные фабрики в Толедо и особенно в Ятиве, на востоке полуострова, где Хайме I Арагонский учредил нечто вроде монопольного производства для всего Валенсийского королевства. В XIII веке новый ценный материал распространился из Арагона по всему Западу.

Испания дала, кроме того, деятеля, сильно способствовавшего изучению языка Корана и, следовательно, знакомству с мусульманской наукой из первых рук, — Герберта Аврилакского. Еще в юном возрасте он путешествовал по Каталонии и в 967–970 годах получил начальные познания в арабской и, возможно, также греческой математике и астрономии — благодаря своим связям с церковными властями города Вик и монастыря Риполь. Став впоследствии схоластом епископской школы Реймса и затем аббатом Боббио, Герберт получил возможность распространять полученные знания, пока не взошел на папский престол под именем Сильвестра II. Влияние, оказанное Гербертом на Фульберта, епископа Шартрского с 1008 по 1028 год, очень важно для дальнейшего развития шартрской школы, откуда вышел фундаментальный перевод арабской версии «Планисферия» («Planispherium») Птолемея, выполненный под руководством Германа Далматского. Переводчики Корана приравнивались к переводчикам научных трудов; религиозный интерес поддерживался и замещался интересом философским и научным.

С другой стороны, начавшийся в Испании процесс, главными действующими лицами которого были переводчики группы Петра Достопочтенного, не был бы таким простым и не привел бы так скоро к серьезным последствиям, если бы из-за стремительного развития экономики и торговли не возникла насущная необходимость установить контакты с арабской культурой (и с другими культурами через арабский язык). Благодаря сперва жителям Амальфи, а потом венецианцам, пизанцам и генуэзцам, довольно скоро получили известность (чаще в виде переложений или кратких изложений, а не полноценных переводов) различные труды, полезные в практическом плане: сочинения арабских географов, математиков, врачей. С арабского был переведен великий трактат Птолемея «Альмагест», труды ал-Хорезми по алгебре, работы по астрономии и астрологии, например, известное самому Данте сочинение Абу л-Аббаса ал-Фаргани (Альфрагануса) «Книга о

собирании знания о звездах» («über de aggregatione scientiae stellarum»), а также «Введение в астрономию» («Introductorium in astronomiam») и «О великих связях и годовых вращениях, а также об их происхождении» («De magnis coniunctionibus et annorum revolutionibus ac eorum profectionibus») Абу Ма'шара (Альбумасара в западной традиции). При этом европейцы не просто усвоили этот обширный материал: они тщательно его переработали, как видно по «Книге абака» («Liber abbaci»), написанной в 1202 году пизанцем Леонардо Фибоначчи (1170–1240), который создал обобщающий труд по элементарной арифметике, а своим сочинением «Практика геометрии» («Practica geometriae», 1220) познакомил западный мир с алгеброй. Событием, еще более важным в практическом плане и революционным в плане концептуальном, было введение цифр, которые арабы называли «индийскими», а европейцы — «арабскими»; эпохальную роль сыграло введение нуля.

Особое внимание переводчики уделяли сочинениям по медицине. Уже в XI веке монах Альфан из Монте-Кассино перевел с греческого несколько медицинских текстов. Во второй половине XI века еще один монах того же монастыря, Константин Африканец, уроженец современного Туниса, существенно обогатил западную медицинскую науку, переведя с арабского и греческого на латынь такие труды, как «Прогностика» и «Афоризмы» («Liber aphorismorum») Гиппократа с комментариями Галена, а также «Книгу ступеней» («Liber graduum») ал-Газзара. Важным центром медицинских исследований стал Салерно, где накапливались сведения, полученные от греков, арабов (через Сицилию и Северную Африку) и евреев.

Переводы работ по математике и медицине вызывались в основном практическими соображениями. Иначе дело обстояло с философией, которая на Западе приобретала особое значение для развития теологии. В первую очередь состоялось открытие трудов Аристотеля: но это был совсем другой Аристотель, переведенный и переработанный при аббасидских халифах в VIII–IX веках, глубоко пропитанный неоплатоническими элементами, взятыми главным образом у Плотина и Прокла. Необычайно важными для Европы стали переводы сочинения ал-Кинди «Книга о разуме» («Liber de intellectu») и комментариев ал-Фараби, который сравнивал тезисы Аристотеля со взглядами неоплатоников, в первую очередь Порфирия. Но самое большое значение имели переводы трудов Ибн Сины (для европейцев — Авиценны). Его знаменитый медицинский трактат «Канон» в XVI веке неоднократно переиздавался, а в XVII веке широко использовался в европейских университетах. Этот трактат сделал Авиценну (вместе с ар-Рази) самым известным на Западе автором работ по медицине после классиков — Гиппократа и Галена. Были переведены и философские трактаты Авиценны (в первую очередь «Китаб аш-Шифа» — «Книга исцеления»), которые стали фундаментальными в университетской жизни XIII–XIV веков и без которых были бы немыслимы философские рассуждения Фомы Аквинского и Бонавентуры. Разумеется, переводы внесли в европейскую культуру также отголоски ожесточенных споров внутри мусульманского мира: они разгорались между теми авторами, которым была близка «языческая» греческая философия и ее аргументы, и теми, кто опасался, что влияние этой философии может подорвать авторитет Книги пророка, на которой основан ислам. Знаменитым в этом отношении был труд «Опровержение философов» («Destructio philosophorum») ал-Газали, в котором он обрушивался на ал-Фараби и Авиценну. Как бы то ни было, Авиценна заметно повлиял даже на тех мусульманских мыслителей, которые были озабочены преимущественно вопросами веры и откровения. У таких авторов, как Ибн Баджжа (для европейцев Авемпаце) и Абу Бакр ибн Туфайл (Абубацер), влияние Авиценны ощущается очень сильно, но с XIII по XVI век это влияние можно обнаружить у всех европейских философов, последователей как Платона, так и Аристотеля. Только один мусульманский ученый мог сравниться с Авиценной по силе воздействия на западноевропейскую мысль — кордовец Ибн Рушд, пользовавшийся огромной известностью под именем Аверроэса, которого одни теологи называли «нечестивцем» и «врагом Христовым», а другие почитали как подлинного наследника аристотелевской мысли. Так считал и сам Альберт Великий, учитель Фомы Аквинского, хотя неоплатонические взгляды, которых он придерживался, казалось бы, должны были увести его далеко от Аверроэса. Наряду с арабскими авторами большое влияние на Запад оказали еврейские мыслители, среди них нужно упомянуть Соломона ибн Габироля (Авицеброна), Иехуду ха-Леви, Ибн Эзру и особенно великого Моше бен Маймона (Маймонида) из Кордовы, бывшего также придворным врачом Саладина. Благодаря комментариям к сочинениям Маймонида, особенно к блестящему «Путеводителю колеблющихся», Аверроэса приобрел в еврейском мире такое же влияние, как в мусульманском и христианском.

В течение второй половины XII века из мастерских толедских переводчиков вышли латинские версии астрономических трактатов Альбатения, Алькабиция и Альфрагана, трактата ал-Кинди «О разуме», частично «Книги исцеления» Авиценны, работ ал-Газали. Воистину достойна восхищения работа неутомимого Герарда Кремонского, несмотря на все недостатки, которые позднее ей приписывали — поспешность, ошибки, недопонимание, варваризмы. Герард перевел «Канон» Авиценны, «Альмагест» Птолемея (примерно в 1160 году на Сицилии неизвестный переводчик уже выполнил перевод этого трактата с греческого), труды ал-Кинди и, возможно, ал-Фараби, множество сочинений Аристотеля и псевдоаристотелевскую «Книгу причин» («Liber de causis»). Наряду с произведениями арабских авторов Герард Кремонский переводил труды еврейских мыслителей — например, «Книгу определений» и «Книгу элементов» неоплатоника Исаака Израэли, который испытал влияние ал-Кинди; его работы переводил также Доминик Гундисальви.

Титанический труд Герарда был продолжен при дворе императора Фридриха II в Палермо философом, астрологом, врачом и «магом» Майклом Скотом (1180–1235), ранее побывавшим в Толедо, Болонье и Риме. Он перевел различные аристотелевские труды с комментариями Аверроэса, трактат Альпетрагия «О сфере» («De sphaera»), «О животных» («De animalibus») Авиценны. Еще один переводчик из Толедо, Герман Немец, перевел в период с 1240 по 1256 год другие фундаментальные комментарии Аверроэса, например к «Никомаховой этике» («Etica nicomachea») Аристотеля. Возрождение на Западе философии и науки под знаком неоплатонизма и зарождающегося аристотелизма, которое, в конечном счете, оказало решающее влияние на современность, состоялось только благодаря этой великой встрече европейской и исламской культур.

Столетие между серединой XII и серединой XIII века стало важнейшим периодом в интеллектуальной жизни средиземноморских областей Европы. Вместе со школой Абеляра и утверждением схоластики появились логика и диалектический метод. Продолжалось противостояние инквизиции и еретических движений, но религиозная жизнь и жизнь Церкви уже начали обновляться благодаря деятельности нищенствующих орденов. Начиналась

великая эпоха университетов. Близился к концу поединок между королевской и церковной властью, одновременно укреплялись феодальные монархии и городские автономии. Торжествовала основанная на денежном обращении экономика, и на Западе снова начинали чеканиться золотые монеты. Это было также временем наивысшего подъема крестоносного движения, и, как мы видим, было бы ошибкой вырывать его из исторического контекста. Военный компонент в отношениях между Европой и исламом был очень важен, но сами отношения этим далеко не исчерпывались.

Фридрих Гогенштауфен и Альфонс Кастильский

Относились ли европейцы к исламу в XIII веке благосклонно? Несомненно, это столетие стало одним из величайших в европейской истории, поворотным в формировании культурной самобытности Европы. Бесспорно также, что именно в этом веке христианство и ислам, несмотря на крестовые походы (а может быть, именно из-за них?), приблизились друг к другу как никогда.

Взаимоотношения двух цивилизаций, а точнее посредничество между ними, развивались по инициативе обеих сторон. В западноевропейском обществе, которое непосредственно нас интересует (мы не рассматриваем здесь восточноевропейское и византийское христианство, которое тоже сыграло немаловажную роль), свой вклад в этот процесс вносили правители, церковные и светские ученые, рыцари, купцы, переводчики. Некоторые из них заслуживают особого внимания.

Фридрих II, «эмир», «крещеный султан». Эти прозвища, которыми Гогенштауфена, рассчитывая нанести оскорбление, наградили его враги из папской курии и гвельфские пропагандисты, прошли сквозь века. Их же использовал Микеле Амари, выдающийся арабист XIX века — но уже в качестве похвалы. Их до сих пор повторяют все биографы Фридриха II, который в арабских документах фигурировал как «ал-имбиратур». Мусульманские источники свидетельствуют о том, что он был воспитан в Палермо руководителями исламской общины; западные же источники утверждают, что он говорил не только на латыни, но также по-гречески и по-арабски. В феврале-марте 1299 года Фридрих II и айюбидский султан ал-Малик ал-Камил заключили соглашение, по которому Иерусалим, лишенный защитных сооружений, до окончания десятилетнего перемирия переходил к Фридриху (за исключением мусульманских святых мест, то есть «Священного двора», Харам аш-Шарифа) вместе с Вифлеемом, Назаретом и еще несколькими второстепенными городами, имевшими выход к морю. По такому случаю, несмотря на отлучение от церкви, Фридрих путем самокоронации в соборе Воскресения присвоил себе титул короля иерусалимского. Арабские историки Ибн Васил и Сабт ибн ал-Джавзи пишут о том, что во время посещения Святого города Фридрих не упустил случая выразить свое восхищение исламом и его обычаями, одновременно выказав неприязнь и презрение по отношению к римской церкви. Он даже сделал жест в духе романтического экзотизма (хотя само это понятие еще не возникло), выразив желание услышать в ночи призыв муэдзина к молитве.

«Дипломатический крестовый поход» Фридриха II не может рассматриваться как и доказательство его происламских настроений и тем более того, что он не принимал крестовое движение или саму идею крестовых походов. Он прекрасно отдавал себе отчет, что iter Hierosolymitanum уже давно стал политическим инструментом в руках Папы, однако, будучи императором, предъявлял свои права на руководство этим движением, как и его великий предок Фридрих Барбаросса сорока годами ранее. Поэтому он сам принял крестовый обет еще в Ахене, во время церемонии 25 июля 1215 года, в день святого Иакова: тогда он был увенчан королевской короной Германии, став также «римским королем» и намереваясь получить в Риме императорскую диадему из рук Папы.

Фридрих считал организацию крестового похода своей обязанностью. Однако нападение на Египет ни в какой мере не отвечало его желаниям и намерениям: оно лишило бы его такого надежного политического и дипломатического друга, как ал-Малик ал-Камил, тем более что неприкрытая враждебность Папы Григория IX и двуличие обосновавшихся на Востоке «франкских» баронов угрожали власти Фридриха, делая неясными перспективы его пребывания в Святой земле. Продолжая на сицилийском троне политику своих предшественников-норманнов (которую после него будут проводить другие правители Сицилии — Манфред, анжуйцы, арагонцы) и, вероятно, исходя из объективно сложившейся политической ситуации, Фридрих намеревался сохранить в целом добрососедские отношения как с египетскими султанами, так и с наследными правителями в Северной Африке. Это свидетельствует о дипломатической дальновидности сицилийского государя, но не о стремлении добиться взаимопонимания в отношениях с мусульманами и решать споры мирным путем. Тем более что во время крестовых походов как в Сирии, так и на Пиренейском полуострове случаи проявления взаимопонимания и даже симпатии в дипломатических контактах были, как известно, довольно частыми; необходимо вспомнить и об использовании сарацинских наемников, широко распространенном как раз во время крестовых походов, — к их услугам прибегали даже духовно-рыцарские ордена.

И все же верно то, что Фридрих с ранних лет познакомился с исламской культурой и, несомненно, восхищался ею. В этом он продолжал традицию, заложенную норманнами: Рожер II поддерживал географические и картографические исследования Идриси, оба Вильгельма способствовали переводам сочинений по астрономии и математике. Гогенштауфен направил свои интересы на область скорее спекулятивную, а именно на философию и естественные науки. С другой стороны, норманнский двор хотя и знал арабскую науку и культуру, но все же отдавал предпочтение греческой. Двор Фридриха пошел по другому пути: это было обусловлено отчасти вкусами и интересами самого монарха, отчасти сложившимися обстоятельствами. После четвертого крестового похода Византийская империя распалась на множество мелких монархий, эллинистическая культура и наука испытывали упадок; поэтому политическая и дипломатическая активность императора, особенно после путешествия на Восток в 1228–1229 годах, подводила его к тому, чтобы упрочить отношения с исламским миром.

В 1227 году ко двору прибыл Майкл Скот — британец по происхождению, толедец по образованию, вскоре ставший сицилийским гражданином. Можно сказать, что он суммировал все крупные достижения переводчиков с арабского в XII–XIII веках. Ко времени приезда в Палермо он уже целиком перевел знаменитую «Книгу об астрономии» («Китаб фи-лхай'а») Абу Исхака Нур ад-Дина ал-Битруджи (европейцы знали его как Альпетрагия), где движение солнца и планет объяснялось в соответствии с аристотелевской физикой. Затем Скот перевел с греческого и с арабского различные сочинения Аристотеля, одно из которых, «О возникновении животных» («Historia animalium»), было особенно ценно для увлеченного естественными науками императора.

К этому трактату Скот добавил еще одну работу, посвятив ее непосредственно Фридриху: «Сокращенное изложение сочинения Авиценны о животных» («Abbreviatio Avicennae de animalibus»). Именно Майклу Скоту нужно поставить в заслугу то, что Сицилия эпохи Гогенштауфенов стала центром изучения аристотелевской мысли, пришедшей главным образом через труды Авиценны и Аверроэса. Сам Скот, однако, более всего интересовался астрологией и еще двумя близкими к ней науками — алхимией и физиогномикой: в его многочисленных трактатах на эти темы чувствуется сильное влияние ар-Рази, Альбумасара и Альфрагана.

В середине тридцатых годов XIII века к палермскому двору прибыл еще один выдающийся ученый: Теодор Антиохийский, которого, возможно, прислал к императору египетский султан. Теодор работал также в канцелярии Фридриха, редактируя его переписку с мусульманскими правителями на арабском языке. Известно, что в императорской канцелярии существовал арабский отдел, и неоднократно было отмечено, как даже на формально-стилистическом уровне вся канцелярская работа, в том числе выполненная на латыни, выдавала арабское влияние. Через Теодора, сирийского христианина-монофизита (яковита), осуществлялась переписка с Ближним Востоком и Магрибом, он занимался трудами по медицине и гигиене и, кроме того, перевел для императора один известный арабский трактат по соколиной охоте, составленный сокольничим Моамином. Фридрих, увлеченный этим искусством, изучал его во время крестового похода; и именно благодаря переводам Майкла Скота и Теодора Антиохийского, а также своему собственному опыту охотника, соколиного заводчика и наблюдателя, он смог создать свой знаменитый труд «Об искусстве соколиной охоты» («De arte venandi cum avibus»). Однако императору было недостаточно тех блестящих ученых, которые окружали его при дворе, и проживали в других городах королевства — например, в Неаполе, новом университетском центре, или в древней и прославленной школе Салерно. Он положил начало целому ряду научных исследований, в которые оказались вовлечены ученые всего Средиземноморья. Уникальное свидетельство этого — «Книга сицилийских вопросов», написанная Ибн Саб'ином, андалузцем из Мурсии, — суфием-мистиком. Его государь, альмохадский эмир Абд ал-Вахид, передал ему целый список вопросов, которые Фридрих разослал во все основные средиземноморские и ближневосточные мусульманские страны, прося дать на них ответы.

Однако, несмотря на все усилия того, кого называли «Изумлением Мира» («Stupor mundi»), ни Палермо, ни Неаполь, ни Фоджа (то есть ни один из центров культурной жизни империи Фридриха) так и не достигли уровня испанских «мастерских» в плане изучения арабской культуры. Интеллектуальная жизнь Испании того времени, сосредоточенная между Толедо и Севильей и жадно впитывающая все, что касалось арабской и еврейской мысли и культуры, отмечена активным участием Альфонса X, великого короля Кастилии и Леона, сына св. Фердинанда. Альфонс взошел на трон в 1252 году, спустя два года после смерти Фридриха, и правил до 1284 года. В испанской традиции его называют El Sabio («Мудрый»), и он, как и Фридрих, был одним из самых образованных монархов интеллектуального тринадцатого столетия. Можно сказать, что Фридриха и Альфонса объединяет именно страсть к арабской культуре. Альфонс Кастильский подхватил начинание великой школы переводчиков в Толедо и последовательно продолжил его, несмотря на то что времена часто вынуждали его браться за оружие, а крестоносцем он был гораздо более решительным и убежденным, чем Фридрих II. Предприимчивый, но не всегда удачливый в своих притязаниях на величие (достаточно вспомнить о его напрасных мечтах о короне Священной римской империи), Альфонс в первую очередь снискал славу как ученый и как убежденный сторонник уважения и понимания по отношению к нехристианским обществам на землях, отвоеванных в ходе Реконкисты. От этой позиции наследники Фридриха, впрочем, постепенно отходили и полностью оставили ее в конце XV века.

Кроме поощрения переводов с арабского и еврейского, очевидной заслугой Альфонса Мудрого стало утверждение кастильского (испанского) языка как языка культуры, литературы и поэзии, а также особое внимание к философским, астрологическим и естественнонаучным темам и сочинениям.

Но необычайное сближение Европы и ислама в XIII веке имело также другие причины. Если учесть, что в этом столетии многие выдающиеся личности носили францисканскую рясу, то, вероятно, следует вспомнить об одном письменном документе и об одном событии, оказавших немалое влияние на ход истории.

Франциск Ассизский и францисканство

Господь сказал: «Помните, что посылаю вас, словно овец среди волков: так будьте мудры, как змеи, и простодушны, как голуби». Поэтому тот из братьев, кто решит отправиться к сарацинам и неверным, пусть идет, с позволения священника и слуги его […] У братьев, которые идут к неверным, есть два пути. Один путь — не вести ссор или споров, но смиренно подчиняться всякому человеческому существу во имя Господа Бога, исповедуя христианскую веру. Другой путь — проповедовать слово Божье, когда Богу это будет угодно, чтобы неверные поверили в Бога всемогущего, Отца, Сына и Святого Духа: в Отца — Создателя всего сущего, и в Сына — Освободителя и Спасителя, и приняли бы крещение, и стали бы христианами, ибо тот, кто через окропление водой не родится заново в Святом Духе, не сможет войти в Царствие небесное.

«Устав, не утвержденный буллой» («Regula non bullata») был обнародован во время капитула Пятидесятницы францисканского ордена в 1221 году: Франциск вернулся из своего путешествия в Сирию и Египет, куда он отправился в 1219 году и во время которого он проповедовал крестоносцам, осаждавшим Дамиетту, а также встретился с султаном ал-Камилом. Эта встреча с султаном, о которой в разной тональности повествуют западные документы, францисканские и не только, косвенным образом подтверждается одним арабским эпиграфическим источником. Тот факт, что султан в своем шатре беседовал с суфием («божьим человеком» в характерном облачении аскетов — шерстяной одежде с капюшоном, что по-арабски будет «суф») и на прощание одарил его, не кажется необычайным или чуждым традициям ислама. Менее вероятным выглядит испытание огнем, о котором нам рассказывает только Бонавентура ди Баньореджо: этот эпизод вызывает в памяти много аналогичных примеров из истории средневекового христианства, но имеет не слишком правдоподобный вид, когда речь идет о мусульманском мире (хотя ученый-францисканец Джулио Базетти-Сани имеет на этот счет другое мнение).

Встреча с султаном и тесно связанный с ней отрывок из «Устава» подчеркивали роль святого Франциска в истории миссионерства и породили долгие споры о его отношении к крестовым походам. Святой Франциск не раз подчеркивал главное в своем «предложении христианам»: отказ от стремления к любым видам власти и влияния, в том числе от использования каких бы то ни было доводов, форм знания или технических достижений в целях убеждения. Это означало бы также осуществление власти: само знание может быть выражением силы.

Подобные рассуждения требуют осторожности, когда речь идет об отношении святого к крестовым походам, которые в любом случае не были миссионерскими войнами и не преследовали цели обращения неверных. Франциск, разумеется, не одобрял войну, но, с другой стороны, никогда не попытался бы воспрепятствовать ее ходу, нарушив тем самым священное правило повиновения, которое обязывало его исполнять приказы Папы, а ведь именно от Папы — со времен Иннокентия III — крестовые походы зависели самым непосредственным образом. Было бы очень интересно узнать, что именно было известно Франциску об исламе, что он о нем думал, как представлял его. Еще в молодости он познакомился с исламом по некоторым письменным или устным рыцарским рассказам и предпринял паломничество в Сантьяго (возможно, он знал и псевдо-Турпина). Кое-какие дополнительные сведения об исламе он получил затем от францисканцев, побывавших в Святой земле в 1217 году.

Во встрече Франциска с султаном ни радушие, ни симпатия, проявленные последним, не являются чем-то новым: мы уже видели, что и то и другое часто проявлялось в отношениях мусульман и христиан. Новой тут является мысль, ясно выраженная в тексте «Устава»: ислам — часть промысла Божьего и, таким образом, входит в замысел Откровения. Сарацины — «волки», но «брат волк» все-таки остается братом.

Любовь как стимул к научному познанию становится исходной точкой в отношении к мусульманскому миру, если взять такого ученого-францисканца, как Роджер Бэкон. Уже было сказано, что великая научная традиция францисканцев Оксфордской школы не может быть понята в полной мере, если не учитывать (кроме вклада этой школы в познание природы) того, что ее подлинным источником вдохновения стал принадлежащий Франциску «Гимн брату Солнцу». Наверное, аналогичное замечание можно сделать и в отношении миссионерской деятельности (а она то чередовалась с крестоносным движением, то сливалась с ним), которая прослеживается у францисканцев от Роджера Бэкона до Раймунда Луллия. Выбирая средства для пропаганды христианской веры, церковная традиция до сих пор делала главный упор на полемику. Аргументы и методы полемики не были забыты — напротив, францисканцы часто возвращаются к ним в своих сочинениях. Однако параллельно утвердилась другая тенденция: убеждать мусульман не только путем споров, где торжествовали методы и инструменты схоластической логики, но главным образом собственным примером и любовью. Для некоторых францисканцев проповедь среди мусульман была важна даже как знак времени: согласно сочинению Пьетро ди Джованни Оливи «Чтение на Апокалипсис» («Lectura super Apocalipsim»), именно францисканцам предназначено обратить сарацин в христианство до наступления Страшного Суда. В своем трактате «Великий труд» («Opus maius»), созданном в 1266–1268 годах с целью доказать Папе Клименту IV необходимость использования наук в реформе Церкви, Роджер Бэкон, «чудесный доктор» (doctor mirabilis), высказывал свои сомнения и замечания относительно практики крестовых походов в Святую землю (которые, нельзя забывать, уже неоднократно завершались неудачами). Эти замечания точно соответствовали тем настроениям, которые, по словам великого магистра доминиканцев Гумберта де Романиса, были весьма широко распространены среди христиан, и не только среди еретиков.

Бэкон не осуждает крестовые походы как таковые, он просто замечает, что они не приносят никакой пользы — как потому, что вооруженные экспедиции против мусульман часто терпят поражение, так и потому, что одержанные победы оказываются недолговечными, ибо почти никто не желает управлять завоеванными землями. Кроме того, крестовый поход есть измена принципу милосердия, так как неверных при этом убивают, а не обращают в христианство. Более того, война вызывает еще большую ненависть к христианам, и из-за этого неверные умирают осужденными на адские муки, в то время как Богу не угодно, чтобы они умирали и горели в аду: ему угодно, чтобы они приняли христианство и оставались жить. Здесь мы видим новую особенность:

крестовый поход и миссионерство видятся параллельными путями обращения неверных. Такая цель изначально не была свойственна крестовым походам, однако их все чаще начинают рассматривать именно с этой точки зрения. Подобный аспект проблемы свидетельствует о новом важном повороте в отношении христиан к неверным.

В бурной деятельности уроженца Майорки Раймунда Луллия (1232–1316) крестовый поход и миссионерство, стремление к мученичеству и надежда на обращение всех народов к Христу постоянно чередуются и пересекаются, а иногда и вступают друг с другом в противоречие. Раймунд писал о теологии, философии, алхимии, поэзии; в совершенстве знал латинский, каталанский, арабский языки. Его жизнь мирянина, францисканского терциария, миссионера и ученого была яркой и насыщенной. Ему были свойственны некоторые колебания и резкие перемены взглядов на крестовые походы; пожалуй, они случались слишком часто, чтобы их можно было объяснить одним лишь кризисом внутри католической церкви в начале так называемого «авиньонского пленения пап». Однако воззрения Луллия на миссионерство оставались неизменными: он был убежден, что христианским миссионерам необходимо изучать те языки, на которых говорят неверные, начиная с арабского, который он сам знал и любил (высоко ценя поэтическую красоту Корана). Его взгляды ярко выражены в сочинении «Книга о язычнике и о трех мудрецах» («Llibre del gentil e deis tres savis»), где некий язычник учится авраамитскому монотеизму у трех мудрецов — еврея, христианина и мусульманина. Те аргументы, которые у всех трех учителей совпадают, вполне убеждают его, однако он пребывает в неуверенности по отношению к тем доводам, которые различаются между собой. Этот пример, отсылающий к известной восточной «сказке о трех кольцах», говорит о глубоком убеждении Луллия в том, что три религии не враждебны, а родственны друг другу. В «Книге о пяти мудрецах» («Liber de quinque sapientibus») он сопоставляет с исламом четыре разновидности христианства — римскую, греческую, монофизитскую, несторианскую; и тут мы встречаем решительное утверждение о превосходстве римского христианства, хотя автор признает и прочие конфессии.

В 1315–1316 годах, когда ему было уже за восемьдесят, Раймунд Луллий в третий раз отправился в Северную Африку, где проповедовал Евангелие. На него набросилась разгневанная толпа; умирающего, его подобрали в Беджаие генуэзские моряки и доставили в Пальма-де-Майорка. Он умер, увидев издалека свой город. Тот, кто сам себя называл «фантастическим доктором» (doctor phantasticus), умер, оставшись верным двум примерам, которым он следовал всю жизнь: примерам Франциска Ассизского и «чистого безумца» Персеваля — двух носителей божественного безумия в «разумном» мире.

Тень колдовства

В эпоху позднего Средневековья благодаря паломничествам, крестовым походам и торговле по всей Европе широко распространились не только специи и прочие экзотические товары с Востока, но и восточные обычаи. Многие особенности одежды и манер позднего средневековья, заимствованные из Византии, Азии и мусульманской Испании, свидетельствуют о том, сколь многим европейцы обязаны исламу. Утверждают, что в 1245 году Альберт Великий приехал в Париж одетым на арабский манер: в этом проявилось желание не столько бросить вызов, сколько подчеркнуть свою ученость, — мусульмане тогда были уже не «язычниками», а «философами». Названия самых изысканных тканей (некоторые из них производились теперь и на Западе) напоминали о городах Востока: муслин — о Мосуле, балдахин — о Багдаде, дама — о Дамаске. Из Египта, Сирии, Персии, Туркестана, с Кавказа везли ковры, из Кордовы и Марокко — дорогие кожаные изделия, украшенные позолотой и росписью. В Альмерии делали ткани с серебряным шитьем. Мурсия и Малага экспортировали шелка. Красота арабо-мусульманских декоративных надписей ценилась так высоко, что псевдоарабские надписи сначала появились на западных монетах, а затем «куфические письмена» утвердились в качестве орнамента, украшавшего изделия ручной работы, ткани и рисунки вплоть до конца XV века. Одной из наиболее ярких составляющих готического стиля, особенно в декоре, стали мотивы, называемые в Испании «мавританскими» (moriscos) или «мудехарскими» (mudejares), поскольку они были типичны для мудехаров — мусульман, проживавших на территориях, которые отошли к христианам в результате Реконкисты.

Мода на все восточное, охватившая Европу в период позднего средневековья, порождала множество парадоксов. Эта мода формировала нужды и потребности, следствием которых стал мощный поток импорта с Востока. Тем не менее, торговый баланс между Востоком и Западом постепенно стал склоняться в пользу последнего. Мода на все восточное сосуществовала с регулярно воскрешаемой идеей крестового похода. Европа оказалась в положении человека, который, имея заклятого врага, тем не менее питает к нему привязанность и постоянно думает о нем.

Областью, где проявлялись это притяжение и отторжение, очарование и чувство страха, стала прежде всего магия. Благодаря переводчикам с арабского получили распространение труды по астрономии и алхимии, а также гностические трактаты (проникнутые, однако, характерным для мусульманской философии платонизмом), которые переносили читателя в обширную и тревожную область мистического. Обеспокоенная распространением ереси катаров, церковь в XIII веке учредила инквизицию; ее отношение к церемониальной магии с тех пор все более ужесточалось. После крушения античной культуры (то есть начиная с IV–V веков) интерес к магии на Западе угас или проявлялся редко, но теперь стали наблюдаться признаки его возрождения.

Появление в Европе арабских сочинений по магии породило новые страхи: оккультные искусства считались не только очередным доводом в пользу дьявольского происхождения веры, проповедовавшейся ересиархом Мухаммедом, но также признаны орудием совращения христиан и подрыва христианского мира изнутри. В то же время эти сочинения были широко известны, и приводимые в них заклинания считались действенными: это способствовало созданию «философского» образа арабо-мусульманского мира.

Арабская астрология многим была обязана греческой традиции, но прежде всего — персидской и индийской. Она испытала необычайный расцвет в IX–XI веках благодаря трудам ал-Кинди, Абу Ма'шара, ал-Бируни и других. На рубеже VIII и IX веков жил и величайший алхимик, принадлежащий к арабо-мусульманской традиции — Джабир ибн Хаййан, известный на Западе как Гебер.

Сочинения этих авторов медленно, но неуклонно достигали христианской Европы. В 1133 году было переведено «Большое введение в астрологию» Абу Ма'шара, а в 1138-м — «Четырехкнижие» Птолемея. В тот же период большим успехом пользовался и «Центилоквиум», сборник астрологических афоризмов, авторство которого часто ошибочно приписывали Птолемею. Естественно, к переводам с арабского добавлялись и многочисленные переводы с древнееврейского, способствуя постепенному становлению астрологической науки: подозрительно воспринимаемая церковью, эта наука распространялась окольными путями, но вместе с тем была весьма востребована. Кроме теоретического интереса, астрология имела и практическую сторону: она служила для того, чтобы узнать, благоприятно ли расположение звезд для принятия ответственных решений или начала нового предприятия, а также стала своеобразным введением в медицинскую науку, ибо, согласно учению астрологов, каждая часть тела управляется тем или иным созвездием. В государственных делах и искусстве управления особое значение получил специальный раздел этой науки — астрология конъюнкций, изучавшая взаимное расположение планет. При итальянских дворах астрология была весьма уважаема. Считается, что среди гибеллинов, сторонников императора, она была популярнее, чем среди гвельфов, державших сторону Папы, так как ей уделял особое внимание сам император Фридрих II. К тому же астрология вызывала подозрения у церкви. Впрочем, возможно, что все эти слухи были результатом сознательных измышлений. На деле же астрология была весьма востребована, особенно когда возникала надобность установить наиболее благоприятный момент для закладки города или здания, день зачатия (чтобы родившийся ребенок обладал определенного рода достоинствами) или дату начала предприятия, путешествия, сражения. В некоторых случаях, однако, астрология воспринималась настороженно: например, когда нужно было примирить ее детерминистский характер с принципом свободы выбора или когда — следуя Альбумасару, — астрологи пытались составлять «гороскопы религий» так же, как гороскопы людей, и, таким образом, допускалась мысль, что у каждого вероисповедания — свой путь, предначертанный звездами. Ценность божественного откровения оказывалась тем самым в зависимости от холодной логики звезд. Нашлись и такие, кто, на свой страх и риск, осмеливался составлять гороскоп самого Христа.

Один из первых арабских трактатов, посвященных алхимии и получивших распространение на Западе, был переведен на латынь переводчиком Корана Робертом Кеттонским. Поскольку Коран служил образцом не только с религиозной точки зрения, но также с языковой, стилистической и философской, перевод имел большое

значение в том смысле, что он подготавливал к чтению трудов по философии, медицине, астрологии и алхимии. Идея соотношений между планетами и металлами способствовала установлению теснейшей связи между астрологией, алхимией и медициной: на стыке их работали некоторые выдающиеся ученые XIV века — например, великий Арнальдо да Вилланова. Многие трактаты переводились с арабского таким образом, чтобы они частично либо полностью оставались тайной для непосвященных: с зашифрованными отрывками, использованием искусственных алфавитов и так далее. Большую известность получил трактат «Тайна тайн» («Сирр аль-Асрар»), переведенный на латынь, по всей видимости, римским куриалом Филиппо да Триполи, а с латыни — на языки средневековой Европы. Этот трактат, якобы содержавший наставления Аристотеля Александру Македонскому, внес заметный вклад в развитие медицинских наук на Западе. Первым его комментатором в Европе был Роджер Бэкон.

Инквизиция с опасением следила за быстрым распространением этого знания, хотя нет достоверных свидетельств включения «Тайны тайн» в список запрещенных книг (что неоднократно утверждалось). С другой стороны, в папском Риме работали такие ученые, как Петр Испанский, Кампано да Новара, Витело, Вильгельм Мербекский, Симон Генуэзский и Джон Пекхэм. Они заметно способствовали тому, что во второй половине XIII века Рим превратился в крупный центр науки, где создавались и откуда распространялись по Европе научные труды. Область их исследований захватывала астрономию, астрологию, алхимию, математику и оптику, из чего можно сделать вывод об интересах папского двора. Папский престол, например, внимательно следил за попытками создания «питьевого золота» — надежного лекарства от проказы и средства продления жизни, которое превозносил Арнальдо да Вилланова. Споры о том, пришло ли знание о «питьевом золоте» непосредственно от арабских или — через них — от китайских алхимиков, не прекращаются до сих пор. Несомненно, однако, что все эти исследования оказывались на грани между тайным знанием и ересью.

Из всех сочинений по магии наиболее интересен случай так называемого «Пикатрикса». Этот трактат вошел в европейскую культуру благодаря испанскому, а затем латинскому переводу. Судя по всему, он был переведен с арабского языка на испанский в 1256 году по приказу Альфонса X и впоследствии — с испанского на латынь. Переводчиком был еврей Йехуда бен Моше.

Оригинальное название этой книги — «Гайат ал-Хаким» («Цель мудреца»); авторство ее приписывается великому математику и астроному X века ал-Маджрити. Латинское же название, под которым она стала известна, явилось результатом целой серии ошибок. «Пикатрикс» стал не только самым знаменитым на Западе магическим трактатом, но и основой для невероятного количества переработок, подделок, фальсификаций. На протяжении веков наибольший интерес неизменно вызывала та его часть, что содержала практическую информацию, а именно — правила изготовления талисманов, а также имена звезд и духов, которые следует произносить во время магических обрядов. Несомненный интерес представляло и описание приемов магической науки, целью которых было достижение власти над душами и предметами.

Арабо-мусульманское первенство в искусстве некромантии было так хорошо известно, что вошло в поговорку, в том числе и на уровне массовой культуры. Маг часто представлялся в образе мусульманина: это хорошо видно из текста пьесы «Действо о Теофиле» («Ludus Theophili»), в которой волшебник, призывающий дьявола, носит имя Саладина. Подобные предрассудки, распространенные среди простонародья, были, по сути дела, оборотной стороной привычки, свойственной ранним схоластам — считать всех арабов «философами». В результате — как мы теперь знаем, совершенно необоснованно, — вся мусульманская культура считалась проникнутой скептицизмом и неверием. Это заблуждение противоположно по знаку, но удивительным образом «симметрично» распространенному сегодня взгляду на нее как на идеологизированную и пропитанную духом фанатизма. Короткое замыкание, вызванное частичным «исчезновением» исламского присутствия в западной культуре XVIII–XX веков, с одной стороны, и секуляризацией западной культуры — с другой, объясняет подобный поворот. Это — одно из наиболее ярких свидетельств хронического непонимания, жертвой которого стал ислам на Западе. Непонимание усугублялось тем, что к исламу на протяжении веков применялось множество самых противоречивых определений.

Угрозы и закат

Итак, арабы были хранителями тайн, дарующих необычайное могущество. Во время процесса над тамплиерами среди прочих обвинений звучало и такое: рыцари этого духовного ордена, взможно, состояли в сговоре с неверными с целью уничтожения христианства. Они якобы поклонялись некому темному божеству, Бафомету, чье имя весьма напоминало имя Пророка, которое Раймунд Луллий писал как «Мафумет». Считается, что чаще всего Бафомета изображали в виде головы, то есть в форме, присущей, с одной стороны — ковчегу для реликвий (так называемой цефалотеке), а с другой — традиционному атрибуту предсказателей: говорящий череп был обычной принадлежностью некромантов. По одной из легенд, «маг» Альберт Великий, учитель Фомы Аквинского, создал с помощью заимствованного у арабов магического искусства удивительную машину в виде говорящей головы; однако ученику Альберта, унаследовавшему этот аппарат, пришлось разбить его вдребезги, так как излишняя разговорчивость головы мешала его размышлениям. По мере того как искусство магии все более распространялось в позднесредневековой Европе, рос и страх перед мусульманами: знатоки оккультных практик, они могли воспользоваться ими для нанесения вреда христианскому миру. В те годы, когда в Европе усиливались народные движения, следствием которых часто становились паломничества, вооруженные или нет (например, «крестовый поход детей» 1212 года или «походы пастушков» 1251 и 1320 годов), — настойчиво звучали утверждения о неких мусульманских заговорах. И каждый раз соучастниками мусульман в их стремлении привести христианский мир к гибели оказывались нищие, прокаженные или евреи. В 1321 году на юге Франции был «раскрыт» жуткий план распространения проказы с помощью таинственных порошков, — злоумышленники намеревались отравить ими колодцы и прочие источники воды. Организаторами «заговора» оказались управители нескольких лепрозориев, поддерживаемые евреями; но за ними стояли вавилонский султан и король Гранады (позже к ним прибавили королей Туниса и даже Иерусалима, «Азорского королевства», а также других фантастических сарацинских правителей). В обмен на большое количество золота, но в особенности из ненависти к христианству, прокаженные согласились предать свою веру. Затем, когда Европа в результате распространения заразы окончательно обессилела бы, мусульмане напали бы и завоевали ее. Разумеется, обнаруживались и компрометирующие документы — «неоспоримые» доказательства заговора.

Как известно, именно в XIV веке поднялась очередная волна преследований евреев (нерегулярных, но порой довольно ожесточенных), а также началась охота на ведьм. Впрочем, отдельные случаи того и другого имели место еще в раннем средневековье. В этом же контексте следует рассматривать участившиеся обвинения против мусульман параллельно с очередными попытками организации крестового похода. В Европе начинался долгий период кризиса и застоя, кульминацией которого стала эпидемия чумы 1347–1350 годов.

Прежний миропорядок — составной частью которого были уважение и восхищение европейцев по отношению к арабам — все больше обнаруживал свою непрочность. Ранее араб был «философом»; доблестным и благородным антагонистом героев рыцарских романов; магом, который знал тайны природы и который, внимательно вглядываясь в звезды на ночном небе, мог избавить тело от недугов; хитроумным торговцем, чьи товары были востребованы и высоко ценились по всей Европе. В конце концов, он был страшным врагом, отнявшим у христиан Иерусалим. Что же осталось теперь от этого образа?

Иерусалим стал ближе. Святые (или юбилейные) годы, установленные папской курией (чуть позже сделавшей своей резиденцией Авиньон), отчасти лишили этот город былой притягательности: индульгенцию теперь можно было получить, не предпринимая дорогостоящего и опасного заморского путешествия. Однако паломничества продолжались, о чем свидетельствуют многочисленные дневники. Наряду с названиями посещенных святынь, молитвами, духовными наставлениями в них подробно описаны этапы путешествия, маршруты, курсы обмена монет, цены на товары и услуги — в общем, это были самые настоящие путевые заметки, где сообщались в первую очередь практические сведения. Кроме того, из некоторых городов, прежде всего из Венеции, корабли в Святую Землю отправлялись так часто, что можно говорить едва ли не о регулярных рейсах. Неоднократно предпринимались и военные экспедиции крестоносцев, а планов строилось еще больше. Так, Пьер I де Лузиньян, король Кипра, задумал и осуществил в 1365 году внезапное нападение на порт Александрии и сам город. По его замыслу, — и здесь Лузиньяна поддерживал Филипп де Мезьер, странный персонаж, увлеченный мистикой и рыцарскими традициями, — эта военная операция должна была стать началом нового крестового похода. Участие в нем надлежало принять всем христианам, о чем, кстати, еще годом ранее объявил в Авиньоне Папа Урбан V в присутствии германского императора Карла IV Богемского. Но на практике все свелось к обычному грабежу, вызвавшему протесты христианских купцов, — преимущественно венецианцев, проживавших в Александрии. Видимо, больше всего пострадали именно они. Во время грабежей погиб и венецианский консул Андреа Веньер.

Тема крестовых походов и «знамени Креста» неустанно повторяется в письмах Екатерины Сиенской, особенно в тех, что адресованы Папе. Но в ее понимании крестовый поход был прежде всего средством заставить христиан отказаться от братоубийственных войн и восстановить в Европе мир и согласие. Кажущееся нам парадоксальным представление о крестовом походе как о «деянии во имя мира» было весьма распространено не только в Средневековье, но и на заре Нового времени. В последнем десятилетии XIV века проект новой экспедиции на Восток, выдвинутый опекуном и советником французского короля Карла VI Филиппом де Мезьером, объединил немало представителей французской, английской, испанской и итальянской знати. По мнению де Мезьера, крестовый поход мог бы положить конец затянувшейся войне между Францией и Англией.

Остров Кипр представлял собой форпост крестоносцев, хотя его значение уменьшилось после захвата мамлюками порта Айас (Ляяццо) на киликийском побережье, порта, где пересекались торговые пути из Черного моря и из Персидского залива. Но власть Лузиньянов была недостаточно прочной; кроме того, к острову постоянно проявляли интерес генуэзцы. Наконец, беззащитность Кипра стала столь явной, что в 1426 году египтяне — скорее всего, не без тайного согласия Генуи — разграбили его, захватив в заложники короля и вынудив его признать над собой власть мамлюкского султана.

Несмотря на эти успехи, Египетский султанат переживал глубокий экономический кризис, который во второй половине XV века окончился настоящим крахом. Торговля специями, которые перевозились из Индийского океана в Средиземное море по Нилу, продолжалась. Однако благодаря предприимчивости португальцев, а точнее, настойчивости инфанта Генриха (Энрике), прозванного «Мореплавателем», который основал навигационную школу в Сагреше, на юге Португалии, уже близилось открытие морского пути вокруг Африки. В результате Александрия и Думьят (Дамиетта) должны были окончательно лишиться своей полумонополии на торговлю восточными специями. Суданское золото продолжало прибывать в Египет, торговый баланс страны был положительным; но ремесленное производство неуклонно приходило в упадок, и Египет наводнялся товарами, привезенными из Европы и Восточной Азии. Кроме того, можно предположить, что избыточная роскошь, которой окружали себя мамлюкские правители, и огромные военные расходы стали не последними причинами экономического краха.

Багдадский халифат, уничтоженный монголами в середине XIII века, более не существовал. Испанские мавры, зажатые на территории Гранадского эмирата, где правила династия Насридов, находились далеко, и о них мало что было известно. Что касается арабо-берберских княжеств Северной Африки, то они из-за активной политики христианских морских держав (Генуи и Каталонии) давно утратили способность влиять на события в Средиземноморье и, кроме того, постоянно страдали от нападений христиан. Примером может служить военная экспедиция 1390 года под руководством Людовика II герцога Бурбонского против ал-Махдии, в которой принимали участие англичане, немцы и итальянцы. Гегемония в мире ислама уже перешла от арабов к анатолийским туркам, а также к монголам, господствовавшим в Персии и на Восточно-Европейской равнине. Самим же Египтом — население которого, кстати, никогда не причислялось к «чистокровным» арабам, — правила династия воинов-рабов, преимущественно тюркского происхождения, среди которых были также черкесы и славяне. Арабский оставался священным языком ислама, но в области культуры ему пришлось потесниться, уступив часть своих функций персидскому. Немногочисленные арабы — обитатели городов «плодородного полумесяца» и отдельные кочевые племена — уже практически не принимались в расчет европейцами. В путевых заметках XIV–XV веков слово «араб» используется только как синоним слова «бедуин».

Этнокультурному упадку арабов сопутствовала и глобальная переоценка «арабизма» как феномена культурной жизни. В каком-то смысле этот упадок был процессом, обратным процессу арабизации культуры на территориях, принявших ислам. Причина же его заключалась в отторжении исчерпавшей себя жесткой культурной традиции, которая больше не порождала ничего нового, а лишь воспроизводила саму себя.

В Европе XIII–XIV веков много говорили об арабах; некоторые даже видели их — или считали, что видели. Многие итальянские синьоры, особенно из партии гибеллинов, часто одевали своих оруженосцев на мавританский манер, следуя моде, пришедшей из Лучеры, от сарацинских воинов, служивших при сицилийском дворе Фридриха и Манфреда. Именно эти сарацины, выступая на стороне императора, участвовали в нападении на монастырь Святого Дамиана (1241) в окрестностях Ассизи, где в те времена пребывала Клара Ассизская. И, как утверждает легенда, мусульмане испытали приступ неподдельного ужаса и пустились в бегство при виде будущей святой, которая держала ковчег со святыми дарами в высоко поднятых руках.

Возможно, Франческо Петрарка вступал в противоречие со своей эпохой или всего лишь опережал ее, когда в 1370 году в письме к своему падуанскому другу Джованни Донди признавался в своей непримиримой, жгучей ненависти ко всему арабскому или напоминающему таковое. Причиной такой антипатии и даже отвращения стала прежде всего арабская медицина, слишком восхваляемая и почитаемая, по мнению поэта, в Италии и Франции — в ущерб латинской и греческой науке; то же самое касается литературы и философии. Правда, в письме Петрарка ничего не говорит о математике и астрономии: в этих областях превосходство арабских или арабо-язычных ученых было неоспоримым, но они мало интересовали поэта. Впрочем, это не мешало ему в других местах давать пренебрежительную оценку достижениям арабов в этих науках. В письме к Донди Петрарка оставляет право судить об арабской медицине своему адресату, но в трактате «Инвективы против врачей» («Invectiva contra medicum quemdam») он прямо говорит об «арабском обмане» (arabum mendacia).

На эти столь же горячие, сколь мало объективные полемические высказывания повлиял целый ряд факторов: известная неприязнь Петрарки к врачам, возмущение недооценкой латинской медицины по сравнению с арабской, и особенно антиаверроизм. Последний — неизвестно, насколько обдуманный, но, безусловно, воинствующий, — прорывается во многих письмах поэта и в его трактате «О невежестве моем собственном и многих других людей» («De sui ipsius et multorum aliorum ignoratia»). Естественно, петрарковский антиаверроизм относится к тому образу Аверроэса, который создавался падуанскими «аверроистами». Сегодня можно с уверенностью утверждать, что они были чрезвычайно далеки от истинного учения философа. Но это не отменяет того факта, что Петрарка исходил из необоснованных и предвзятых суждений, причиной которых были незнание и непонимание сути вопроса. Сам Петрарка, осознавая слабость своей позиции, старался оправдаться, приводя в качестве довода поэзию. Но насколько он был знаком с арабской поэзией, было ли это знакомство прямым или лишь косвенным, остается неясным. Как писал он в письме к Донди, арабская поэзия «нежна, мягка, немощна». В этих обвинениях слышны отголоски былых споров вокруг порочной сущности ислама и присутствующем в нем эротизме, который был якобы узаконен, чтобы оправдать порочные наклонности Пророка. Этой теме Петрарка посвятил целую страницу, полную негодующих рассуждений, в трактате «Об уединенной жизни» («De vita solitaria»). Кроме того, прекрасно знающий римскую поэзию Петрарка тем самым отсылал к хорошо известным высказываниям насчет «изнеженных арабов» (Arabes molles), которые встречаются уже у Катулла и Горация.

При этом «антиарабизм» имел глубокие корни. Вопреки распространенному штампу, крестовые походы не могут считаться основной причиной отчуждения между христианством и исламом друг от друга еще и потому, что такого отчуждения не происходило. Но нельзя отрицать и того факта, что постоянные военные экспедиции породили нарастающую динамику взаимной вражды, которая, впрочем, смягчалась благодаря присутствию в христианско-мусульманских отношениях и других сторон. В иронических или сатирических псевдоарабских

речениях, которые порой встречаются в поэтических текстах (от «Действа о Святом Николае» («Jeu de Saint Nicolas») до невнятных слов Немврода в «Божественной комедии») можно заметить следы определенной усталости от арабского «вторжения» в европейскую культуру, которое происходило в XII–XIV веках. Кроме того, осуждение ряда схоластических доктрин Парижским университетом в 1277 году нанесло серьезный удар по авторитету арабской культуры. Сочинение Эджидио Романо «О заблуждениях философов» («De erroribus philosophorum») было в основном посвящено изобличению «несравненных философов», арабов. На протяжении всего XIV века эти антиарабские настроения усиливались, особенно в Италии, вплоть до того, что они стали одной из главных составляющих зарождающегося гуманизма. Тексты, веками хранившиеся в византийских библиотеках, теперь давали возможность познакомиться с великими античными авторами напрямую, и эти тексты были более точными, нежели старые арабские переводы. Последние стали рассматриваться как источники заблуждений и путаницы: достаточно привести в пример «платонизированную» версию учения Аристотеля, излагаемую арабскими трактатами, — а между тем они легли некогда в основу западной схоластики. Восставая против традиции арабских «философов», гуманисты, по сути дела, отказывались от схоластического метода. Полемика вокруг арабских текстов на деле была лишь предлогом. Антиарабизм, прочно вошедший в европейскую культуру, теперь опирался на новые доводы, что меняло его природу, — но он продолжал существовать как явление. Сначала в его основе лежал образ лжепророка Мухаммеда и представление об исламе как о религии, узаконивающей насилие и порок: отсюда — изображение мусульман в европейском эпосе чудовищным, происходящим от дьявола народом идолопоклонников. Теперь — после нескольких веков, когда арабов чтили как «философов», — настала эра пренебрежительного отношения к ним, и открыл ее отец гуманизма Франческо Петрарка.

Тем временем, однако, в Средиземноморье, которое покидали арабы, появился новый противник, также принадлежавший к миру ислама. Крестовые походы — в XIII–XIV веках направленные против язычников Северо-Восточной Европы, а также против остатков исламского присутствия на Пиренейском полуострове, еретиков-катаров, итальянских гибеллинов, политических врагов папства и даже против наемников, «солдат удачи», — теперь снова проповедовались как способ противостоять мусульманам, надвигающимся с Востока. В XI веке первый поход на Иерусалим в какой-то мере был следствием появления в Средиземноморье новых мусульман — турок-сельджуков. В XIV–XV веках возникла новая турецкая угроза, изменившая в дальнейшем и облик главного противника христиан в крестовых походах.

Сыны Османа

Четвертый крестовый поход завершился захватом Константинополя в 1204 году, однако в 1261 году Византийская империя (впрочем, отныне никогда не достигавшая былого величия) была восстановлена с династией Палеологов во главе. Одним из наиболее значимых последствий похода стал полный крах византийского господства в Малой Азии. После появления на Ближнем Востоке монголов Малоазиатский полуостров стал пограничной областью. Здесь пересекались интересы армян, монголов, египетских мамлюков, Кипрского королевства, стремившегося сохранить хоть какой-нибудь опорный пункт в Киликии, рыцарей-иоаннитов, которые с острова Родос, своей новой базы, старались держать под контролем хотя бы часть побережья древних Фригии, Лидии и Карии. Четвертое-пятое десятилетие XIV века — это начало одновременного распада монгольского Ильханата в Персии и его собрата-соперника, Золотой Орды. Результатом стало образование большого количества тюрко-монгольских племенных групп, которые, обретя независимость, обосновались в Малой Азии и создали множество газийских султанатов, правящие круги которых были одушевлены идеей джихада — священной войны. Из этого сложного комплекса раздробленных государств выделилось несколько значительных образований. Это прежде всего султанат Айдын и два туркменских племенных союза: суннитский — Ак-Койунлу, и шиитский — Кара-Койунлу, которые в XIV–XV веках вели между собой борьбу за территорию восточной Анатолии и западной Персии.

Новое тюркское вторжение в северо-восточную часть Средиземноморья застало европейцев врасплох и поставило перед ними ряд проблем. Новую опасность, исходящую из Малой Азии, нельзя было недооценивать. В 1344–1346 годах «Священная Лига», в которую вошли Венеция, Генуя, Кипр и рыцарство острова Родос, предпринял passagium particulare с целью освобождения Смирны, ставшей гнездом турецких пиратов. Папа Климент VI, горячий приверженец идеи новых крестовых походов, призвал всю Европу оказать поддержку «Священной Лиге». Но на его обращение откликнулся лишь бургундский дворянин Гумберт Вьеннский, в то время как французский и английский короли предпочли не ввязываться в военное противостояние. Генуя же быстро раскрыла свои карты: ее интересовало не столько завоевание Смирны, сколько возвращение себе острова Хиос, откуда вывозили ценный товар — благовонную смолу мастичного дерева. Однако островом, который в 1329 году византийцы отобрали у его правителя, генуэзца Мартино Дзаккариа, теперь интересовались и венецианцы. В конце весны 1346 года, вместо того чтобы продолжать участие в крестовом походе, генуэзский флот неожиданно атаковал и занял Хиос и прежние материковые владения Дзаккариа — Старую и Новую Фокею, откуда везли другой важный для производства тканей товар — квасцы. Впрочем, совместная военная кампания была для каждой из европейских держав лишь предлогом, подлинной же их целью были территориальные приобретения.

Эпидемия чумы потребовала срочного прекращения военного конфликта: в 1350 году рыцари-иоанниты были признаны в качестве правителей Смирны, но турки получили право оставить свой гарнизон в крепости этого города, а венецианцы добились для себя важных торговых привилегий. Простодушный герой похода, Гумберт Вьеннский, остался ни с чем и вдобавок был взят в плен английскими пиратами. Уставший от мира и разочарованный, он примкнул к доминиканскому ордену. Его церковная карьера сложилась гораздо удачнее светской: сначала он стал патриархом (латинским) Александрии, а позже — архиепископом Реймским.

Тем временем в Малую Азию уже устремлялись новые герои истории Средиземноморья. Речь идет о тюркском племени, которое в результате монгольской экспансии оказалось вытесненным из центральной Азии на запад. В 20-е годы XIII века это племя поступило на службу к сельджукскому властителю Конийского султаната, который выделил ему для проживания небольшую территорию близ Константинополя. В конце XIII столетия глава его, хан Осман (1291–1326) сумел извлечь выгоду из тяжелого положения Конийского султаната, зажатого между монголами Персии и египетскими мамлюками. Позднее преемник Османа, Орхан, воспользовавшись борьбой за константинопольский трон, постепенно отобрал у Византийской империи провинцию Вифиния с городами Бурса (древняя Пруза), Изник (древняя Никея) и Никомидия, а потом и Галлиполийский полуостров, что дало ему возможность контролировать Дарданелльский пролив и доступ из Малой Азии на Балканы. Слишком поздно Византия заметила, что неудобный союзник, используемый различными правителями в борьбе друг против друга, уже практически окружил своими владениями ее столицу. Византия оказалась зажатой между Фракией и Вифинией, перешедшими к османам: ее владения теперь включали только столицу, Константинополь, и земли, непосредственно прилегающие к Босфору. Тем временем тюркские пираты заполонили просторы Эгейского моря, осложнив жизнь генуэзским и венецианским мореплавателям.

Когда продвижение османов достигло угрожающих масштабов — они дошли почти до Дуная, — в Европе осознали, что дальше медлить невозможно. Правда, совещание, созванное в Авиньоне Папой Иннокентием VI, обернулось провалом. Но, как бы то ни было, в Европе вновь возобладали настроения в пользу крестового похода. В 1370 году на папский престол взошел кардинал Пьер Роже, избравший себе «программное» имя Григория XI: так звали, по крайней мере, трех великих понтификов, замышлявших экспедицию на Восток. Практически сразу же, в 1371 году, он объявил о начале нового крестового похода. Одновременно Папа стал готовиться к переносу своей резиденции обратно в Рим. Это были два сильных пункта его программы, и к реализации обоих его подталкивали две великие пророчицы христианского мира того времени: Бригитта Шведская и Екатерина Сиенская. Последняя надеялась, что к участию в очередном крестовом походе, провозглашенном в июле 1375 года, удастся привлечь профессиональных солдат-наемников, которые таким образом смогут заслужить прощение от Господа. Она также верила, что поход поможет достичь мира или хотя бы перемирия между давно воюющими Францией и Англией. Сиенской пророчице удалось даже привлечь в ряды сторонников нового похода Людовика, герцога Анжуйского, брата французского короля Карла V. Но всем этим надеждам суждено было разбиться при соприкосновении с жесткой политической реальностью. Возвращение Папы в Рим, вместо того чтобы положить начало долгожданному обновлению христианской церкви, повлекло за собой так называемый «великий церковный раскол» в Западной Европе. И Англию, и Францию, измученных долгой войной, ожидали новые бедствия: в одной на трон взошел совсем юный Ричард II,

в другой — несчастный безумец Карл VI. 1381 год ознаменовался в Англии восстанием Уота Тайлера. В 1382 году Фландрию потрясло восстание гентских ткачей, за ним последовали народные мятежи в Париже и Руане. Тем временем Европу опустошала новая эпидемия чумы.

Политические и общественные потрясения, происходившие на континенте, постоянные эпидемии, раскол христианской церкви, страх перед наступлением турок, пропагандистские выступления религиозных групп, мечтающих о возвращении церкви к чистоте евангельских времен — все это порождало надежды и страхи, выражавшиеся в распространении апокалиптических пророчеств и народно-религиозных движениях. В 1378–1380 годах в Европе получило хождение пророчество, представлявшее авиньонского Папу и французского короля героями экуменического обновления, которое должно было привести к очищению христианской церкви и освобождению Иерусалима. В 1386 году трактат аналогичного содержания, подписанный именем отшельника Телесфора Козенцкого, был посвящен генуэзскому дожу: ожидалось, что тот присоединится к французско-авиньонскому союзу. Таким образом, в очередной раз появились апокрифические пророчества с политической окраской, издавна ходившие по Европе.

Распространению подобных апокалиптических фантазий способствовали такие сочинения, как «Видение старого пилигрима» («Songe du vieil pelerin») Филиппа де Мезьера, создателя нового религиозного ордена (его Орден Страстей Господних должен был, следуя старому, но так и не осуществленному плану многих идеологов крестовых походов, объединить все прочие военно-религиозные ордена) и такие персонажи, как Жан Ле Менгр, «маршал Бусико», иерусалимский паломник и сторонник новых крестовых походов, замышлявший создание особых рыцарских орденов для защиты дам.

Между тем турки наступали. Султан Баязид (1389–1402) в июне 1389 года разгромил войско молодого сербского государства в кровавой битве на Косовом поле. Затем в 1394 году, предварительно подчинив себе — на разных условиях — Валахию, Болгарию, Македонию, Фессалию и отбросив валахов к северу от Дуная, турки захватили Фессалоники (Салоники).

Европу захлестнула новая волна страха. Византийский император Мануил II лично отправился в Европу, отчаянно призывая к организации нового, решающего похода. За недостатком средств он был вынужден обратиться к Венеции, предложив ей купить остров Лемнос. Но он просчитался: венецианцы вовсе не желали трений с султаном и лицемерно посоветовали императору проявлять спокойствие и осмотрительность.

Однако продвижение турок на Балканах начало беспокоить венгерского короля Сигизмунда, который оказал давление на обоих Пап, авиньонского — Бенедикта XIII и римского — Бонифация IX, и добился объявления нового крестового похода, к которому вынуждена была присоединиться и Венеция. Для совместного участия в этой экспедиции Англия и Франция решили продлить заключенное в 1388 году перемирие до 1396 года. В Европе вновь набирало силу движение за покаяние в предвидении близкого «конца времен». Великий проповедник-доминиканец Винсент Феррер после явленного ему видения Антихриста вдохнул новую жизнь в движение флагеллантов. Крестовый поход нашел влиятельного сторонника в лице Филиппа II Смелого, герцога Бургундского, который выделил внушительную сумму и поставил во главе экспедиции своего собственного сына Иоанна, графа Неверского (впоследствии — герцог Иоанн Бесстрашный). 20 апреля 1396 года из Дижона выступило в поход полное энтузиазма войско, состоявшее из французских, немецких, английских и итальянских рыцарей. В конце июля в Буде к нему присоединился венгерский король с войсками своего вассала, валашского воеводы. В то же самое время флот, снаряженный родосскими госпитальерами, венецианцами и генуэзцами, вошел в Черное море и бросил якоря в дельте Дуная. По оценкам современников, в походе приняло участие около ста тысяч воинов. Возможно, эта цифра не слишком преувеличена.

Но 26 сентября под Никополем, там, где великий болгарский путь соединяется с южной дорогой на Моравию, сильное войско крестоносцев потерпело сокрушительное поражение. По всей вероятности, причиной тому стала слишком стремительная атака рыцарей, а также слабое знание ими местности и военной тактики турок. Разгром обернулся настоящей бойней, после которой турки к тому же перерезали всех пленных — за исключением, разумеется, тех, кто был в состоянии заплатить за свою жизнь солидный выкуп: они вернулись домой в 1397 году.

Итак, конец XIV века был ознаменован нелегкими усилиями по сбору денег для выкупа пленных, утопическими проектами новых экспедиций и все более настойчивыми апокалиптическими пророчествами, которые подпитывались очередной эпидемией чумы.

Но тут неожиданно случилось чудо — или то, что современники приняли за него: в Мавераннахре один из туранских правителей, Тимур (имя, неясное по своей этимологии: возможно, оно происходит от тюрко-монгольского корня, означающего «железо»), воспользовавшись распадом монгольского государства, заставил вспомнить о былом могуществе империи Чингисхана. Действуя из родного Самарканда Тимур, которого на Западе знают под именем Тамерлана, в 1390-е годы провел несколько военных кампаний — с безупречным мастерством и методичной беспощадностью. За короткий срок он завоевал Персию и Грузию с крупными торговыми городами Табризом и Тифлисом. Затем он вторгся в Месопотамию и в 1392 году взял Багдад, после чего дошел до Сирии, где разбил войска алеппского султана. В 1395 году Тимур в полевом сражении одержал верх над ханом Золотой Орды. Повернув на восток, он привел своих воинов к Инду и в 1398 году разрушил Дели, после чего снова вернулся в Сирию и прибыл в Дамаск, где в 1401 году встретился с великим магрибским историком и философом Ибн Халдуном, уже давно стремившимся увидеть Тимура. Они обменялись дарами и обсудили различные вопросы истории, религии и права.

Теперь огромная империя Тимура простиралась до Кавказа, включая в себя области, прилегающие к южной и центральной части Каспия, земли вокруг Аральского моря и всю территорию между Сырдарьей и Индом. Из правителей стран, лежащих у берегов Средиземного моря, противостоять ему мог лишь османский султан.

Было очевидно, что интересы Европы и самаркандского хана совпадают. Но это не все: Тимур заставил вспомнить об ураганном монгольском нашествии полуторавековой давности. И при этом воспоминании в Европе снова стали питать самые невероятные надежды на союз степных народов с христианами во имя победы — не над исламом, разумеется, ведь сам Тамерлан был мусульманином, — а над османским государством: оно единственное могло поспорить с ним за власть над тюркскими и монгольскими племенами. Вновь стали ходить легенды, на протяжении почти трех веков порождавшие надежды и иллюзии: сказания о Пресвитере Иоанне, Волхвах и чудодейственной помощи, которая придет к христианам из глубин Азии. Кроме того, европейские торговцы надеялись на появление новой великой монгольской державы, pax mongolica, что вновь открыло бы для них быстрые и безопасные торговые пути — от Черного моря через Армению и Персию в восточную Азию: именно так в XIII–XIV веках путешествовали многие искатели приключений, дипломаты, миссионеры. Племянник императора Мануила Иоанн, которого тот, отправившись в Европу, оставил в Константинополе в качестве регента, договорился с городским старшиной генуэзцев Галаты об установлении контакта с Тимуром. Посредником должен был выступить император Трапезундской империи, также происходивший из династии Комнинов. Дань, которую Византия теперь была вынуждена платить Баязиду, Иоанн обещал новому союзнику. Не остался в стороне и король Франции. Прибегнув к помощи миссионеров-доминиканцев (у этого ордена традиционно складывались хорошие отношения с монголами, и доминиканцы неплохо знали Армению и Персию), он решил предложить Тимуру совместную военную операцию против турок-османов. Это было возрождением давней мечты Людовика IX. Кроме того, с 1396 по 1402 год Генуя находилась под покровительством Франции, у которой таким образом появилась надежда укрепить генуэзскую торговую империю в областях Леванта. Если бы Генуя и Венеция предоставили в распоряжение блестящего монгольского полководца достаточное количество судов, чтобы блокировать Босфор и Дарданеллы, ход истории действительно мог бы измениться.

Монгольские и османские войска сошлись в конце июля 1402 года, под Анкарой. Удача улыбнулась первым. Побежденный герой сражения при Никополе умер через год в тюрьме, подвергнувшись самым изощренным пыткам. Но в 1405 году внезапно скончался Тимур, и его огромная империя распалась из-за распрей между наследниками.

Кроме того, османский султанат, сильно уменьшившийся в размерах после поражения при Анкаре, не был поглощен империей Тимура. И теперь, когда его могущество стало намного более умеренным, он стал вызывать интерес как возможный союзник. Это сразу же заметили венецианцы, в то время как французы и генуэзцы (в лице все того же порывистого Бусико) предпочли предложить помощь императору Константинополя. Таким образом, в первом десятилетии XV века новые «крестовые походы» вылились в столкновения между венецианцами и генуэзцами на востоке Средиземноморья. Но европейцы проигнорировали изменения, происходившие в османском государстве: после бурного десятилетия, когда сменилось целых три султана, власть прочно закрепил за собой Мехмед I, а затем его сын Мурад II. Этот последний, найдя формальный предлог, в 1422 году осадил Константинополь. Осада была скорее демонстрацией силы, а быть может, декларацией намерений. Спустя три месяца она была снята без каких-либо видимых последствий. Но теперь все иллюзии окончательно рассеялись. Мануил II отрекся от престола в 1423 году; два года спустя на трон взошел его сын Иоанн VIII. Султан тем временем делал жесты в сторону венецианцев и генуэзцев. Осознавая размеры их экономического и морского могущества, а также их прочные позиции в Константинополе, он разжигал соперничество между итальянцами, демонстрируя свое расположение то к одним, то к другим. В 1423 году Фессалоники добровольно перешли под власть Венеции. Мурад вернул город себе в 1430 году при поддержке герцога Миланского Филиппо Марии Висконти, заклятого врага венецианцев, поддерживавшего через посредство Генуи теснейшие торговые и дипломатические отношения с другим мусульманским монархом — эмиром Туниса.

Со своей стороны, султан не желал без особой нужды портить отношения с европейцами и после захвата Фессалоник предложил венецианцам — в качестве компенсации — выгодное торговое соглашение. Одновременно Мурад II приглашал генуэзцев вкладывать капитал в предприятия на территориях, принадлежавших Османской империи: в 1437 году он разрешил им разработку залежей квасцов в Анатолии. В 1433 году османское посольство прибыло в Базель к императору Сигизмунду, который в бытность свою венгерским королем участвовал в сражении под Никополем; бывший крестоносец встретил послов гостеприимно.

Однако идеалы крестоносцев не умерли. В 1422 году, когда султан Мурад стоял под стенами Константинополя, угрожая византийской столице, умирал Генрих V, герой Азенкура. У его смертного одра монахи пели псалмы. Когда они дошли до строк «Облагодетельствуй, по Благоволению Твоему, Сион, воздвигни стены Иерусалима», монарх, который всю жизнь провел в попытках подчинить Францию, прервал пение и во всеуслышание заявил, что высочайшей целью его жизни, которой он намеревался посвятить себя целиком, уладив все дела в королевстве, всегда было освобождение Святого города. Его последним словом, как и у святого Людовика, было «Иерусалим».

Погоня за Красным Яблоком

История любого народа уходит корнями в далекое прошлое. У всех народов имеются свои мечты, предсказания, пророчества. Были они и у османских турок. В эпосе урало-алтайских народов можно выделить два основных мифологических архетипа: легендарный родоначальник — Волк, и предмет — прообраз желания и счастья — Яблоко.

В сказках тюрко-монгольских народов часто упоминается легендарный город Кызыл-Алма — «Красное Яблоко». На протяжении многих веков кочевники Центральной Азии неоднократно замечали его сияние сквозь вихри песчаных бурь и ледяные порывы снежных ураганов, где-то между Каспием, Гоби и Тянь-Шанем. Город Красного Яблока представлялся (и описывался в сказаниях) как огромный золотой купол. Для турок-османов им был сначала купол Святой Софии в Константинополе, затем купол мечети ал-Акса в Иерусалиме, через многие века — купола Буды, а затем Вены, мелькнувшей им дважды в XVI–XVII веках, и, наконец, в победном опьянении — сам Рим… И поныне память о древних легендах и многовековых мечтаниях хранит в своем имени столица Казахстана Алма-Ата — «Яблоко-Отец». В погоне за Красным Яблоком тюркские кочевники дошли до стен Нового Рима: стало ясно, что они намерены стать обладателями золотого яблока, отражающегося в туманных водах Босфора.

В 1421 году новый герцог Бургундский Филипп Добрый, сын Иоанна Бесстрашного, решил воскресить восточные планы своего отца и деда. Его эмиссар, Гильбер де Ланнуа, отправился в восточноевропейские земли, чтобы изучить возможности организации нового крестового похода теперь, когда с церковным расколом на Западе было покончено, а англо-французский конфликт казался (после Азенкура) исчерпанным. В 1433 году герцог отправил на Восток еще одного своего представителя, Бертрандона де ла Брокьера. Но оба прозорливых наблюдателя сошлись во мнении: турки сильны и дисциплинированы, так что одержать верх над ними непросто.

Филиппу — в это время выяснявшему отношения с императором Сигизмундом, который по всем признакам хотел воспрепятствовать бургундской экспансии в направлении Брабанта, Лимбурга и Люксембурга, — необходимо было найти нечто такое, что подняло бы его престиж и возвысило бы его над другими христианскими правителями: утратившим былую силу византийским императором, бездеятельным императором Священной Римской империи, королем Франции и королем Англии, слишком занятым сохранением своих владений по обе стороны Ла-Манша. Остальных — нерешительного французского дофина (впоследствии короля Карла VII), испанских монархов — «великий герцог Запада» в расчет не принимал. Вожделенного престижа можно было бы добиться посредством крестового похода, если бы при поддержке Папы Филипп стал его единственным вождем, выдвинув себя на роль того самого «короля-воина» (bellator rex), которого вот уже полтора века тщетно искали идеологи войны с мусульманами.

Со своей стороны, византийский император Иоанн VIII сознавал близость конца своей империи, от которой осталась почти лишь одна блистательная столица. В 1437 году Иоанн VIII предпринял поездку в Европу, чтобы просить помощи у иерархов римской церкви, собравшихся на очередной собор в Базеле. Он прекрасно понимал, чего западные церковники потребуют от него взамен: изъявление покорности, прекращение раскола церквей через отказ от самостоятельности греческой церкви и ее подчинение Риму. Но он знал и другое. Как в греческих церковных (особенно монастырских) кругах, так и среди жителей Константинополя, набожных христиан, многие говорили — а некоторые даже заявляли об этом открыто, — что «османский тюрбан» лучше «папской тиары»: мусульмане дали бы греческим христианам статус диммий (то есть защищенных властью и имеющих свободу вероисповедания), а латинская церковь полностью лишила бы их свободы в том, что касается богослужения, внутрицерковного управления и богословской науки.

Турки, завершавшие планомерное удушение Византии, продолжали наступать в северо-западном направлении, вглубь Европы. В 1437 году, воспользовавшись смертью императора Сигизмунда и обычными в таких случаях сложностями с наследованием престола, султан Мурад II напал на Трансильванию и Сербию. Через два года вся Сербия, несмотря на сопротивление ее правителя Георгия Бранковича, оказалась во власти турок. Трансильвания же пока оставалась свободной благодаря доблести воеводы Яноша Хуньяди. Тем временем на церковном соборе в Базеле произошел новый церковный раскол.

И все же 6 июля 1439 года во Флоренции, куда Папа Евгений IV и верные ему прелаты перенесли заседания церковного собора (первоначально происходившие в Базеле, а затем в Ферраре), было торжественно объявлено о воссоединении двух церквей: греческой, во главе которой стояли колеблющийся император и непримиримый в отношении «латинян» патриарх, и римской, уже ставшей жертвой раскола.

Весной следующего года турки продолжили свое наступление на Трансильванию и Венгрию. Осаде подвергся город Альба Грека, называемый славянами Белградом — «Белым городом». Однако осада не увенчалась успехом, и в сентябре султан был вынужден свернуть свой лагерь. А Янош Хуньяди, которому новый король Венгрии Владислав (Ласло) Ягеллон доверил руководство обороной на участке между Дунаем и Тисой, блестяще сдерживал натиск мусульман. Венгерские аристократы отложили на время свои извечные междоусобицы и создали некое подобие «священного союза» вокруг Яноша, чье имя стало символом защиты веры и свободы.

В первые дни 1443 года Папа Евгений IV издал энциклику, в которой предлагал всем прелатам отдавать одну десятую часть своих доходов на войну с турками. Со своей стороны понтифик объявил, что отдает пятую часть имеющихся у него средств на вооружение армии и флота. В Венгрии идея нового крестового похода получила сильного сторонника в лице папского легата, кардинала Джулиано Чезарини. Польша, Валахия и Дубровницкое государство («республика святого Влаха») с энтузиазмом поддержали папскую инициативу. И она могла бы оказаться успешной: уроженец Эпира Георг Скандербег собирал войско из албанцев и черногорцев на борьбу с

мусульманами, а Георгий Бранкович без промедления занялся реорганизацией сербской армии. Даже в Малой Азии христиане неожиданно нашли ценного союзника в лице Ибрагим-бека, султана Карамании — области, лежащей между озером Туз и горным хребтом Тавр. Ибрагим-бек состоял в родстве с османским султаном, но был преисполнен решимости вступить с ним в борьбу за первенство в азиатском мире. Тем временем еще один «крестовый поход» по своей собственной инициативе начал Константин Палеолог, деспот (правитель) Морей, небольшого государства на Пелопоннесе. Он вторгся во владения герцога Афинского, флорентийца Нери II Аччайоли — тот ранее объявил себя вассалом османского султана, — и двинулся через Фессалию на Константинополь, поднимая на своем пути греческую и фракийскую знать на борьбу с турками-османами.

Все позволяло надеяться на благополучный исход. Но на Западе призыв к крестовому походу, с воодушевлением подхваченный проповедниками и авторами трактатов, на деле, как обычно, не дал результатов. На территории Франции еще продолжалась Столетняя война. В Италии только что, оставив за собой вереницу взаимных обид, завершился конфликт между анжуйцами и арагонцами за обладание Неаполитанским королевством; к тому же Генуя, Венеция и Флоренция стремились не портить дружественных отношений с османским султаном. Новый император Священной Римской империи Фридрих III Габсбург, еще не получивший из рук Папы императорскую корону, решил держаться в стороне от предприятия, которое лишь укрепило бы позиции его соперника, венгерского короля Владислава. Воспользовавшись как предлогом сложным положением в Богемии, где все еще не удавалось полностью подавить движение гуситов, он отказался в данный момент встать под знамена крестоносцев.

В результате войско, собравшееся летом 1443 года в Буде, представляло собой толпу отщепенцев, искавших лучшей доли. Тем не менее кампания началась блестяще — с победы под Нишем и взятия Софии. Но тут наступила суровая балканская зима, которая вкупе с турецкой тактикой партизанской войны вынудила крестоносцев отступить к Белграду, а затем к Буде. В это время Бранкович, который был не только деспотом Сербии и вассалом султана, но и его тестем, прилагал все усилия для заключения мира, к которому стремился и сам Мурад, обеспокоенный намерениями правителя Карамании.

В апреле следующего года Владислав Венгерский обратился к султану с просьбой о перемирии. Однако, не желая вызвать недовольство кардинала Чезарини и «ястребов» из его окружения, он заверил их, что летом снова возьмется за оружие. Никто или почти никто этому не поверил, за исключением, разумеется, султана, хорошо информированного через своих лазутчиков. Внимательный наблюдатель, гуманист из Анконы Чириако де Пицциколли, находившийся в тот момент на османской территории, сообщал, что в Адрианополе на территории Фракии, несмотря на перемирие, спешно возводятся новые укрепления. Однако, судя по всему, Владислав действительно пошел на обман союзников и подписал десятилетнее перемирие. Между тем в конце июля из Венеции в устье Дуная отправилась флотилия под командованием Альвизе Лоредана и папского племянника, кардинала-легата Франческо Кондульмера. Султан к тому времени находился в Малой Азии, где вел войну с Ибрагим-беком. В Адрианополе же, сотрясаемом выступлениями шиитов, вспыхнуло к тому же восстание янычар.

Это была уникальная возможность покончить с османской угрозой, и кардиналу Чезарини не стоило большого труда убедить в этом нерешительного Владислава, который всегда соглашался с последним мнением из всех слышанных им. 4 августа в Сегедине король и представители польской и венгерской знати поклялись совместно приложить все усилия для окончательного изгнания турок из Европы. К ним не присоединился лишь деспот Сербии, заключивший с султаном сепаратный мир.

Мурад, уже почти полностью разгромивший Ибрагим-бека, спешно подписал с ним мирное соглашение и форсированным маршем направился к проливам. Лоредан и Кондульмер намеревались блокировать их, закрыв таким образом туркам путь в Европу. Но ничего подобного не произошло. Утверждают, будто европейский флот не успел пересечь Мраморное море, как султан со своей армией уже перебрался через Босфор, в чем ему посодействовали генуэзцы из Галаты и несколько венецианских капитанов. Видимо, именно их имел в виду Евгений IV, когда в своей булле предал анафеме «лжехристиан» — пособников мусульман.

Последовало сражение недалеко от города Варны, лежащего на черноморском побережье, в устье реки Провадии. Крестоносцы потерпели в нем еще одно историческое поражение, сравнимое с разгромом под Никополем. Хуньяди, единственный, кто обладал полководческим талантом, был вынужден уступить руководство войском неопытному и бездарному Владиславу, который, впрочем, за свою опрометчивость поплатился жизнью. В бою погиб и Джулиано Чезарини. Валашский воевода Влад II по прозвищу «Дьявол» (Дракула), увидев, какой оборот принимают дела, позаботился о том, чтобы выслужиться перед султаном, и захватил в плен своего трансильванского союзника. По некоторым данным, другой перебежчик, Бранкович, помешал Скандербегу прийти на помощь крестоносцам. Византийский же император вообще постарался держаться подальше от событий, чтобы не давать султану повода для решающего наступления на Константинополь. Он уже понял, что дни его империи сочтены, и старался продлить ее существование хотя бы на несколько месяцев.

Мурад воспользовался затишьем, наступившим после военного разгрома христиан, для того чтобы передать престол своему сыну. Но молодой принц Мехмед сразу же обнаружил свою полную беспомощность, так что отцу пришлось снова взять бразды правления в свои руки. Тем временем венецианцы дали понять и султану, и Папе, что крестовые походы их больше не интересуют. Новый хозяин Южной Италии — которому вследствие этого принадлежало господство в южной части Адриатики — Альфонс Арагонский предпочитал в данный момент заниматься укреплением своей, пока еще непрочной, власти в Неаполитанском королевстве. Сербы и валахи были вероломными союзниками и ненадежными подданными, но вряд ли пустились бы в новые антитурецкие авантюры. Лишь Скандербег и Хуньяди, ставший регентом при малолетнем венгерском короле Владиславе Постуме, были полны решимости продолжать борьбу. Что же касается Константина Палеолога, то в 1446 году, после очередной военной кампании, предпринятой султаном, он был вынужден признать себя османским вассалом.

Тиара или тюрбан?

Николай V (Томмазо Парентучелли из Сарзан, известный гуманист) стал Папой 6 марта 1447 года, был рукоположен 19 числа следующего месяца и умер 24 марта 1455 года. Судьбе было угодно, чтобы за время пребывания на папском престоле он стал свидетелем двух значительных событий чрезвычайной важности, имевших, однако, разное значение в истории церкви и всего христианского мира того времени.

Прежде всего, 9 апреля 1449 года ему удалось положить конец так называемому «малому церковному расколу Запада»: антипапа Феликс V спустя десять лет после принятия сана отрекся от него и вновь стал Амадеем VIII, графом Савойским. А четыре года спустя, в 1453 году, на глазах Николая V Константинополь сдался туркам-османам. Последствием стало исчезновение того, что называлось Восточной Римской империей (pars Orientis) более тысячи лет, со времен раздела Римской империи при Феодосии (единство, правда, двусмысленное и непрочное, было восстановлено лишь на период с 1204 по 1261 год). На время понтификата Николая V — как и его преемников Каллиста III и Пия II, — пришлись крах Византии, продолжение кризиса внутри Священной Римской империи и турецкие захваты в Европе. Отсюда следовала необходимость крестового похода, который укрепил бы вновь обретенное единство христианского мира (вскоре после окончания раскола завершилась и Столетняя война) и упрочил бы положение папского престола. Понтифик теперь был единственным главой всего христианского мира и все еще обладал нерушимым авторитетом. Говоря о планах новых крестовых походов и об отношениях христианской Европы с Османской империей, можно сказать, что взятие Константинополя открыло и в том и в другом отношении новую фазу, завершившуюся лишь одиннадцать лет спустя, со смертью Пия II. Вместе с этим Папой ушли в небытие проекты нового завоевания Константинополя и — пусть это виделось лишь в теоретической перспективе — возвращения Иерусалима. Впрочем, Николай V и до 1453 года ясно видел нарастание османской угрозы. Ему не требовалось падения Константинополя, чтобы понять: новый призыв к крестовому походу, звучащий в столь драматических обстоятельствах, должен усилить настроения в пользу папского централизма внутри христианского мира. Иными словами, создавалась благоприятная возможность для установления безраздельной власти Пап, к чему стремились понтифики после церковного собора в Констанце, и чему безуспешно пытались противостоять сторонники соборного принципа внутри церкви. Вновь, как случалось не раз со времен IV Латеранского собора (1215), «дело объединения» (causa unionis) и «дело реформы» (causa reformationis) представлялись тесно связанными со «служением кресту» (negotium cruces), причем успех последнего рассматривался как предварительное условие для успеха первых двух. Надо учитывать еще и то, что «дело объединения» казалось завершенным после уничтожения очага сопротивления в виде Базельского собора, а «дело реформы» пока откладывалось на неопределенный срок (sine die) без каких-либо видимых — на тот момент — последствий. То, что последствия для всего христианства все же были, и весьма тяжелые, стало очевидно в последнее двадцатилетие XV века. А в начале XVI века, как хорошо известно, положение еще более усугубилось.

Взойдя на папский престол, Николай унаследовал от своего предшественника Евгения IV многочисленные вопросы, связанные с крестовыми походами, от решения которых тот — по крайней мере, отчасти — пытался уклониться. Фронт противостояния был широк и неоднороден: он тянулся от Балкан до Эгейского моря, участки его проходили в Испании и на юго-востоке Европы. Христианско-мусульманское противостояние породило колоссальную финансово-дипломатическую систему сбора десятин и продажи индульгенций. Для Кастилии в 1448 году Папа снизил до трех флоринов стоимость индульгенции, которую Мартин V оценил когда-то в восемь флоринов, а Евгений IV удешевил до пяти. Королю Хуану II он предоставил право распоряжения денежными сборами на организацию крестового похода против Гранадского эмирата, а в 1453 году поставил под его управление орден святого Иакова. Николай V также смотрел благосклонно на территориальные захваты португальцев в Африке и их атлантические экспедиции, приравняв «распространение веры» (dilatatio fidei) к «защите веры» (defensio fidei). Изданная им 8 января 1454 года булла «Romanus Pontifex» («Римский понтифик») благословляла зарождавшуюся португальскую империю, прославляя деяния инфанта Генриха Мореплавателя. В 1448–1449 годах Папа занялся организацией крестовых походов в Пруссии и Ливонии, обещав их участникам отпущение грехов. Папа проявлял также заинтересованность в полном подавлении гуситского движения и ересей вообще. Подтверждением тому может служить его благосклонность к таким инициативам, как основание в 1450 году в Болонье «Ордена Креста» германским инквизитором Конрадом.

Однако Николай не выказывал чрезмерного желания возобновить военные действия против османских турок: слишком свежа была память о неудаче под Варной. Зато венгерский регент Янош Хуньяди, албанец Скандербег (несмотря на свою притворную покорность) и мистрский деспот Константин Палеолог были полны решимости вести борьбу с мусульманами, пусть даже их победа в тот момент казалась полной, и лелеяли мечты о реванше.

Хуньяди был особенно нетерпелив. О своем решении он сообщил папскому двору письмом в сентябре 1448 года, после чего вышел из Белграда и совершил стремительный марш через Сербию. Скандербег, подписав с Венецией особое соглашение и заручившись ее поддержкой, присоединился к новому предприятию. Папа же отделался общими обещаниями, не предприняв никаких серьезных шагов, но зато с лихвой снабдил венгерского регента индульгенциями. Венгерские войска, усиленные албанским и валашским контингентами, встретились с армией султана Мурада II 17–19 октября 1448 года на том самом Косовом поле, которое уже однажды, в 1389 году, оказалось для сербско-венгерской армии роковым. Второй день битвы на Косовом поле подтвердил недобрую славу этого места: под залпами османской артиллерии и натиском янычар репутация Хуньяди как выдающегося стратега была погублена навсегда.

А за несколько дней до этого, 3 октября, скончался византийский император Иоанн VIII. По распоряжению султана, который считал, что Византия полностью находится в его руках, корона империи перешла к Константину, деспоту Мистры: предполагалось, что сражение под Варной четыре года назад научило его послушанию. С другой стороны, не исключено, что Мурад считал его все еще довольно опасным противником и предпочел держать в Константинополе (который теперь скорее напоминал золотую клетку, со всех сторон окруженную турками), нежели видеть на свободе в Греции. Оставалось укротить только Скандербега,

засевшего в мощной крепости Круя, окруженной крутыми горами. В апреле 1450 года султан сделал попытку овладеть этой неприступной твердыней, но после пяти месяцев безрезультатной осады вынужден был отступить.

Героическая защита крепости Скандербегом вызвала новый прилив энтузиазма среди европейских поборников крестовых походов. Папа, герцог Бургундский, неаполитанский король, венгерский регент оказали Скандербегу поддержку провиантом и денежными средствами. И в тот же самый год два крупных церковных авторитета — Николай Кузанский и Дионисий Картезианец — пустились в долгое путешествие по Священной римской империи: одной из основных целей его была проповедь крестового похода. Речи Дионисия особенно впечатлили Филиппа Доброго, герцога Бургундского, который и без того склонялся к военным действиям против мусульман. В то же время другой сторонник войны с турками, папский нунций в Германии Эней Сильвий Пикколомини, в письме Николаю V из городка Винер-Нёйштадт от 25 ноября 1448 года предупреждал Папу, что отсутствие согласия среди христианских правителей и их эгоизм облегчают султану новые завоевания.

В 1451 году Мурад II скончался; ему наследовал молодой Мехмед II, двухлетнее правление которого несколькими годами ранее выглядело довольно бледно. Политический кризис, начавшийся в Турции после смерти Мурада II, и жалкая репутация его наследника снова вызвали эйфорию среди христиан. Гуманист Франческо Филельфо, который провел много лет при дворе византийского императора Иоанна, был женат на дочери византийского ученого Хризолора и поэтому считал себя знатоком Востока, направил французскому королю Карлу VII послание, убеждая его возглавить новый поход против турок. По словам Филельфо, новый султан не блистал энергией и был полностью лишен политических и военных способностей. Анатолийская кампания должна была стать чем-то вроде военной прогулки.

По правде говоря, это письмо, выдержанное в подобострастном тоне, содержало столь ошибочные умозаключения, что невольно напрашивается вопрос: не сознавал ли их ошибочности сам автор? Но скорее всего, его призыв лишь отражал весьма распространенные в то время на Западе суждения, поверхностные и предвзятые, которые Филельфо повторял отчасти по причине действительной неосведомленности об истинном положении вещей, а отчасти для собственного успокоения. Он преуменьшал опасности, трудности, неизбежные расходы и одновременно превозносил, весьма переоценивая ее, византийскую мощь, которой давно уже не существовало. Что же до нового султана, то Филельфо и здесь не сказал ничего оригинального, а лишь повторил расхожее мнение о его бездарности.

Не стоит принимать слишком серьезно речи Филельфо, рассчитанные на его августейшего собеседника, тем более, что король Франции на тот момент был занят совсем другим — окончательным освобождением французских земель из-под власти англичан. Однако подобные документы показывают, что тема крестовых походов по-прежнему поднималась очень часто, но уже в чисто риторическом ключе.

Нельзя было ожидать многого, по крайней мере на тот момент, и от Николая V, потрясенного двумя поражениями христиан — под Варной и на Косовом поле, — и постоянно колеблющегося между своим долгом понтифика и ограниченностью своих реальных возможностей для организации общехристианской кампании. Условием ее было согласие между самими европейцами и наличие крупных денежных сумм. Возможно, не желая обнаруживать свои сомнения, Папа скрыл их за старым утверждением, выдвинутым еще на Флорентийским соборе: крестовый поход невозможен до тех пор, пока не будет преодолен раскол между латинской и греческой церквями. В противном случае он послужит лишь укреплению власти императора-схизматика. Шантажистская суть этого коварного заявления только наносила вред делу, за которое якобы ратовал Папа, — и в Константинополе росло число тех, кто открыто заявлял, что османский тюрбан предпочтительней папской тиары. Однако некоторые шаги Папа все же предпринял: например, стал выдавать особые индульгенции за защиту средиземноморских островов от турок. Подобный документ, изданный в 1451 году и предназначенный любому, кто сражается за Кипр, возможно, стал первой в истории печатной индульгенцией (она была отпечатана в Майнце в 1454 году). Со своей стороны, византийский император настойчиво просил о помощи. Один из его послов, Андроник Вриенний Леонтарис, посетил сначала Венецию, а затем Рим, ведя переговоры об объединении церквей при условии оказания Западом немедленной помощи византийцам.

Вполне конкретные планы похода вынашивал король Неаполя Альфонс Великодушный, но это были планы особого свойства. В восточных вопросах Альфонс естественным образом продолжал политику норманнов и анжуйской династии. Он с интересом смотрел на территорию нынешней Албании, сеньором которой он формально стал: прочное господство над этими землями позволило бы ему полностью контролировать Отрантский пролив. Как некогда Карл I Анжуйский, он мечтал о византийской короне, и по этой причине он даже заключил договор с Деметрием, братом и соперником царствующего императора. В июле 1451 года Альфонс заявил, что он готов «объявить о крестовом походе, который сам и возглавит». Но предложение было очень похоже на скрытую угрозу в адрес Папы, так как вместо того, чтобы обратиться к понтифику, Альфонс в своем послании обращался к «воинствующей церкви». Это был жест в сторону защитников принципа соборности внутри церкви. Однако вскоре выяснилась иллюзорность широких планов Альфонса: он запутался в итальянской политике, не чувствовал себя уверенно даже на неаполитанском троне и, наконец, не располагал флотом. Правда, в 1451 году на неаполитанских верфях строилось несколько кораблей для оказания помощи византийскому императору.

А тем временем появлялись убедительные доказательства того, что молодого османского султана напрасно считали слабовольным глупцом. Он поспешил подтвердить соглашения, подписанные с Венецией, а Яношу Хуньяди предложил мир на вполне достойных условиях. Таким образом, когда весной-летом 1452 года турки начали работы по строительству укреплений на берегах Босфора и Дарданелл, генуэзцы и венецианцы, чьи интересы в Константинополе и на Черном море это затрагивало, оказались не в состоянии предпринять в ответ совместных действий. Во-первых, итальянцы враждовали между собой, а во-вторых, ни те, ни другие не желали окончательно испортить отношения с какой-либо из конфликтующих сторон, хотя Генуя тяготела скорее к

сближению с Константинополем, а Венеция была связана с султаном мирным договором от 10 сентября 1451 года.

Укрепления в проливах позволяли контролировать проход судов, а, следовательно, и снабжение Константинополя. Несомненно, подобные мероприятия были всего лишь прелюдией к новым военным действиям. И действительно, последние начались уже в конце лета 1452 года и продолжились в октябре нападением на Морею, которое, впрочем, оказалось лишь отвлекающим маневром. По приказу султана христианин-вероотступник, венгерский мастер Урбан, руководил отливом мощных пушек. Было ясно, что решающее наступление на Константинополь — вопрос нескольких недель.

Европой овладело нарастающее чувство страха и растерянности. Генуэзцы из Перы, европейского квартала Константинополя, бросили клич о помощи: Генуя откликнулась на него и, в свою очередь, обратилась с призывом к своим основным союзникам: Флоренции и королю Франции. Уже упоминавшийся Пикколомини весной 1452 года в Риме, в присутствии Папы и Фридриха III, предсказывал необходимость нового крестового похода. В Неаполе Альфонсу V и Фридриху III о том же говорил Флавио Бьондо, впавший в немилость у Папы и высланный из Рима. Бьондо и в дальнейшем проявлял настойчивость в этом вопросе. В 1453 году, вернувшись в Рим, он посвятил неаполитанскому королю небольшой трактат «О походе против турок» («De expeditione in Turchos»). Мехмед II, однако, давал понять, что не собирается ослаблять хватку. Более того, в марте-августе 1452 года по его приказу было произведено массовое истребление жителей Эпибатиона, что подтолкнуло известного философа и писателя Георгия Трапезундского на публичное обращение к понтифику «За защиту Европы» («Pro defendenda Europa»). 16 ноября 1452 года венецианский сенат обратился к Папе и кардиналам, взывая к более энергичным действиям.

Папа не скрывал своей озабоченности, но, несмотря ни на что, оставался непоколебим: крестовому походу должно предшествовать подлинное объединение двух церквей. Фактически это было выдвинуто обязательным условием. Такую позицию Николая V разделяли и другие, хотя отчасти она представляла собой утопию, а отчасти — предлог для бездействия. Папу поддерживал, например, канцлер Ордена Золотого Руна Жан Жермен, рисуя картину будущей грандиозной экспедиции, которую греки и латиняне осуществят совместно, в лоне единой церкви. К ним должны были присоединиться также эфиопы с «пресвитером Иоанном», который теперь считался не азиатским правителем, а эфиопским негусом.

На этот раз грекам пришлось уступить шантажу со стороны Рима: другого выбора не оставалось. 12 декабря 1452 года в Святой Софии в присутствии Исидора Киевского — кардинала-епископа Сабины и латинского патриарха Константинополя, специально для этого прибывшего из Рима, — было торжественно объявлено об окончании церковного раскола. Однако оказалось, что выбрано было худшее из зол: хотя акт об объединении церквей был подписан с явной оговоркой, предусматривающей возможность его пересмотра сразу после исчезновения османской угрозы, греческие монахи и городские низы устроили в Константинополе беспорядки, утвеждая, что святотатственное соглашение навлечет на подписавших его гнев Божий.

Падение Нового Рима

В Константинополе царили тревога и раздор. Защищавшие его войска состояли в основном из католиков (их было почти три тысячи), по большей части венецианцев и генуэзцев, и невольно возникали сомнения в их способности к согласованным действиям. Султан же имел в городе могущественную «пятую колонну» — противников объединения церквей во главе с Георгием Схоларием. Многие из них были готовы и к шпионажу, к саботажу и к измене. В итоге произошло то, что должно было произойти: в конце мая султанские войска вошли в Константинополь, а последний византийский император пал, защищая свой город.

Потрясенный Запад, казалось, вышел из оцепенения. Город на Босфоре погиб «объявленной смертью». Но, судя по реакции христианской Европы, можно предположить, что никто в ней всерьез не верил, что Константинополь может пасть. Его падение было воспринято как страшное предзнаменование конца света, как доказательство того, что отныне невозможно победить турок и остановить их продвижение.

Османские захваты в Эгейском море и на Балканах уже приучили европейцев к мысли, что их континент больше не является неприступным для мусульман (каковым, за исключением Пиренейского полуострова, он оставался с XI века). Но именно в результате падения «нового Рима» идея крестового похода стала связываться с идеей защиты Европы. Эней Сильвий Пикколомини выразился предельно ясно: «В прошлом мы получали раны в Азии и в Африке, то есть в чужих странах. Но сейчас нам нанесли удар в Европе, на нашей родине, в нашем собственном доме. Возможно, кто-то возразит, что турки уже давно из Азии перебрались в Грецию, те же монголы обосновались в Европе, а арабы, преодолев Гибралтарский пролив, заняли часть Испании. Но мы никогда еще не теряли города или другого места, сравнимого с Константинополем». И именно о Европе в первую очередь думал богемский король Иржи Подебрад, который предложил создать политический союз европейских государств. Этот документ должен был стать постоянной институционной базой для борьбы с турками. Но Подебрад, пусть даже не очень активно и не всегда последовательно, поддерживал чашников, последователей Яна Гуса. Пройдет еще немного времени, и Рим объявит против него тот самый крестовый поход, который он хотел организовать против неверных.

Как бы то ни было, Европа была полна различного рода воззваниями и проектами крестового похода. Николай V на этот раз дал понять, что готов действовать. Получив известие о катастрофе (ему сообщил о ней венецианский сенат письмом от 29 июня), Папа распространил его среди тех итальянских правителей, которые в тот момент вели войну за миланский герцогский трон. Николай V призвал их немедленно прекратить междоусобицу, чтобы выступить единым фронтом против угрозы со стороны варваров. Его призыв достиг цели. Сколь бы ни были весомы основания полагать, что падение Константинополя ударило прежде всего по Венеции (которая, впрочем, уже давно позаботилась о своей безопасности, установив дружественные отношения с султаном), неизбежно напрашивался тревожный вопрос: в какой степени угроза нависла над всей Европой? В частности, Неаполитанское королевство могло опасаться нападения со стороны не только турок, но и тунисского эмира Абу Умара Усмана. Вдохновленный, очевидно, взятием Константинополя, он совершал набеги на европейские берега, захватывая христиан и обращая их в рабство, а также планировал вторжение на Сицилию.

Однако реакция на многочисленные угрозы оказалась не совсем такой, как предполагал Папа. Генуе, например, было только на руку, что тунисцы доставляют беспокойство арагонцам: более того, генуэзские корсары занимались тем же самым. Что же касается Константинополя, то генуэзцы постаралась спасти то, что еще поддавалось спасению. Власти республики в спешном порядке передали султану просьбу не трогать генуэзский квартал в Галате и одновременно уступили свои черноморские владения Банку Сан-Джорджо. В то же время генуэзский правитель острова Лесбос, Джованни Джустиниани Лонго, не пожалел ни средств, ни людей, ни себя самого для защиты Константинополя. Венеция отказалась от политики территориальной экспансии, проводимой при доже Фоскари (1425–1454) и вновь обратила свое внимание в сторону моря. Одновременно она предприняла шаги, чтобы достичь соглашения с султаном. Что же до Милана, то его новый герцог, Франческо Сфорца, поначалу был даже обрадован падением Константинополя, сулившим Венеции множество проблем. Он не высказывался прямо в этом смысле, но некоторые его заявления звучали весьма определенно: «Во всех этих несчастьях виноваты венецианцы, и будем надеяться, Бог их за это накажет». Было ясно, что поспешно заключенный мир с Венецией отражал озабоченность миланского герцога не турецкой угрозой, а притязаниями на Милан со стороны французской короны, которые были весьма возможны, принимая во внимание родство между Висконти и герцогами Орлеанскими. Падение Константинополя и окончание Столетней войны, хоть и в разной степени, стали причинами и мира, заключенного в Лоди, и так называемой «политики равновесия», которая, хотя и не всегда последовательно, проводилась затем в Италии на протяжении сорока лет. Венецианцы и флорентийцы продолжали дружно игнорировать османскую проблему. В то же время в соглашениях Итальянской лиги по настоянию неаполитанского короля было указано, что союз должен однозначно восприниматься как первый шаг к совместной военной операции, которая избавит Италию и весь христианский мир от турецкой угрозы. Следует заметить, что «крестовый поход как конечная цель не упоминается в основополагающем документе Итальянской лиги, подписанном государствами с многовековой историей, но он упоминается в документе, заявляющем о верности лиги Папе».

Понтифик, со своей стороны, был полон решимости осуществить крестовый поход. Его настойчиво подталкивал к этому и секретарь императора Фридриха III, уже знакомый нам Эней Сильвий Пикколомини, епископ Сиенский, утверждавший, что Папа, потрясеннный известием о падении Нового Рима, готов принять на себя как политическое, так и военное руководство будущей масштабной экспедицией. Архиепископ Митилены Леонард Хиосский — который, как и Исидор Киевский, оказался непосредственным свидетелем падения Константинополя, был ранен и захвачен в плен, — составил для понтифика свой знаменитый отчет «Об оставлении и утрате города Константинополя» («De urbis Constantinopoleos iactura captivitateque»). В нем он ясно указывает, на ком лежит ответственность за происшедшее: на греках, настроенных против церковного объединения, на слабых и лицемерных западных христианах, озабоченных только собственной безопасностью и

устройством собственных дел, и на самом Джустиниани Лонго, которому Генуэзская республика поручила защиту города.

30 сентября 1453 года Николай V издает буллу о крестовом походе «Хотя церковь христова» («Etsi Ecclesia Christi»), являющуюся красноречивым свидетельством тревог того времени. В ней снова говорилось об османском султане как о прообразе Антихриста, о красном драконе Апокалипсиса, а далее, естественно, следовали обычные в таких случаях указания об индульгенциях, о десятине, которую надлежало собрать со всего христианского мира, об отлучении от церкви и наложении интердикта на любого, кто так или иначе будет оказывать помощь туркам.

Поначалу казалось, что призыв услышан. Император демонстрировал, что его намерения неизменны. Герцог Бургундский во время праздника в Лилле дал торжественный обет принять участие в крестовом походе. Эта клятва, сделанная в духе рыцарских традиций, получила название «Обета фазана» (Voeux du faisan). Альфонс Великодушный делал подобные же заявления и одновременно не скупился на дифирамбы в адрес Скандербега, называя его своим главным полководцем. С Балкан поступали известия, внушавшие оптимизм: казалось, что сербы, венгры и албанцы намерены выступить единым фронтом против османского наступления. Тем временем Папа по старой традиции, идущей от времен Григория X и Лионского собора 1274 года, настойчиво требовал писать трактаты, отчеты и воспоминания. Это помогло бы лучше узнать турок и в то же время выработать наиболее эффективные формы организации будущего решающего крестового похода.

На самом же деле христианские правители относились друг к другу враждебно и вовсе не собирались ввязываться в войну, которая принесла бы пользу одним государствам за счет других. Балканская политика неаполитанского короля и его дружба со Скандербегом вызывали обеспокоенность у Венеции, которая намеревалась вознаградить себя за причиняемые ей неудобства, со всеми необходимыми предосторожностями укрепляя свои отношения с султаном. На карту были поставлены контроль над проливом Отранто и свобода плавания через него из Средиземного моря в Адриатику и обратно. Тем временем постепенно проходил испуг от падения Константинополя, спадала волна крестоносного энтузиазма и все больше недовольства вызывала решительность, с которой церковь взялась за сбор десятины. В апреле 1454 года император созвал в Регенсбурге ассамблею Священной Римской империи, пригласив на нее как герцога Бургундского, так и итальянских правителей. Однако приехал только первый; остальные под разными предлогами уклонились от участия в ассамблее, поскольку боялись, что будут вынуждены принять на себя какие-то обязательства. С другой стороны, и сам Фридрих III не был уверен, стоит ли проявлять излишнее рвение. В результате он так и не появился в Регенсбурге, поручив дела ассамблеи Пикколомини. Даже Филипп Бургундский, в чьем желании осуществить крестовый поход не приходится сомневаться, не мог посвятить себя этому делу настолько, насколько ему того хотелось: он опасался, что освободившаяся от английской угрозы Франция нанесет предательский удар. Пикколомини быстро понял, что наткнулся на глухую стену из безразличия и преднамеренного обструкционизма. Его письма, относящиеся к этому периоду, и особенно самое знаменитое, от 5 июля, полны горького пессимизма.

Вторая ассамблея, созванная во Франкфурте 29 сентября, в праздник архангела Михаила — покровителя крестоносцев, — также потерпела фиаско. Император не появился, снова передав все полномочия Пикколомини. Третья ассамблея, созванная в феврале следующего года в городке Винер-Нёйштадт и начавшаяся с очередных отговорок, была распущена при известии о смерти Николая V.

Николай V — Томмазо Парентучелли — не был горячим приверженцем идеи крестового похода до падения Константинополя и стал ее запоздалым, но решительным сторонником после этой трагедии. Закончил же он свой земной путь в горьком убеждении, что совокупность политических, дипломатических и экономических причин делала невозможным объединение христианского мира против опасного врага: всем уже стало ясно, что этот враг может быть весьма полезен в качестве тайного или явного союзника против других христианских держав. И этот урок был хорошо усвоен европейскими правителями на три века вперед.

«Завещание» («Testamentum») Николая, включенное Джанноццо Манетти в его монографию «О жизни и нравах верховного понтифика Николая V» («De vita et moribus Nicolai V summi pontificis»), кажется неубедительным и апологетическим в том, что касается описания обороны Константинополя — «в опровержение объективных вещей» (in hac ipsa obiectarum rerum confutatione). Упреки в адрес Папы тяжело ранили его. В ответ он заявлял, что христианские правители и государства оказывают ему недостаточную поддержку, и говорил о внезапной (справедливость этого мнения нам сложно оценить) и постыдной сдаче Константинополя осажденными. На самом же деле, вряд ли они могли бы сделать больше или поступить иначе — как, вероятно, и сам понтифик.

Симметрии долготы

Новый Папа, Калликст III Борджиа, не собирался бросать на произвол судьбы начинания своего предшественника. Прежде всего он сосредоточил усилия на создании флота, чтобы противостоять турецкому господству хотя бы на море. И действительно, несколько судов под командованием Лодовико Скарампо сумели в 1455 году оказать помощь Родосу и отбить нападение турок, а также очистить от османских военных гарнизонов острова Наксос, Самофракию и Лемнос.

Тем временем на Балканах турки снова перешли в наступление. В 1455 году они заняли Ново-Брдо, крупный центр горнорудного промысла в Сербии, к юго-востоку от Косова поля. Остаться там было позволено лишь горнорабочим, большинство из которых были саксонцами: без их помощи турки, не обладавшие необходимыми знаниями и технологиями (уже обозначалась одна из «ахиллесовых пят» Османской империи), просто не смогли бы воспользоваться месторождениями золота и серебра. Потеря Ново-Брдо вызвала в Европе тревогу: было ясно, что султан нацелился на Белград. Для того чтобы противостоять ему, кардинал-легат Хуан де Карвахаль располагал лишь наспех собранным войском. Командовал им испытанный в боях Янош Хуньяди, а боевой дух воинов должен был поднимать известный проповедник, престарелый францисканец-минорит Джованни да Капестрано.

Турки потерпели поражение. Во второй половине июля 1456 года они были разбиты сначала в речном сражении на Дунае, а затем и на суше. Султан снял осаду с Белграда и отступил со своим многочисленным войском, включавшим в себя вымуштрованных янычар, великолепную артиллерию и большое количество христиан — инженеров, мастеров, литейщиков и пушкарей из Германии, Боснии, Венгрии, Далмации, Италии, примкнувших к туркам ради наживы или в поисках приключений.

Казалось, под Белградом христиане отплатили за Константинополь. Впервые после тяжелой потери 1453 года в Европе наступило краткое затишье. Но вместе с тем становилось ясно, что судьба христианского мира решается теперь на Балканском полуострове, который стал форпостом всего европейского континента.

При этом положение оставалось тяжелым. Султан начал поход в Морею, деспоты которой отказались платить ему дань. В первых числах августа ему сдался Коринф, а в конце того же месяца Мехмед II победно вошел в Афины. Эта потеря вызвала отчаяние среди гуманистов, считавших столицу Аттики своей духовной родиной. Между тем на венецианском острове Негропонте султана принимали как желанного гостя и друга, а Дубровницкая республика платила ему дань и приносила клятву верности. Лишь второй сын Хуньяди, Матиаш Корвин, решился открыто бросить султану вызов, оспаривая права турок на Сербию.

В 1458 году на папский престол под именем Пия II взошел гуманист Эней Сильвий Пикколомини. В октябре 1459 года он созвал христианских правителей на собор в Мантую, чтобы обсудить с ними перспективы нового крестового похода. Между тем события развивались стремительно. Султан уже лишил династию Комнинов власти в Трапезундской империи и на всем южном побережье Черного моря. В Италии поговаривали, что враждующий с Папой правитель Римини, Сиджизмондо Пандольфо Малатеста, хотел пригласить турок на Апеннины и предложить им свои услуги в качестве полководца. Возможно, в этих слухах была доля правды. По крайней мере, кое-какой обмен сведениями между Малатеста и султаном, объединенными общей страстью к искусству и затейливым техническим приспособлениям, действительно имел место. Когда в 1461 году Лесбос попал в руки турок, флорентийцы из Галаты приняли участие во всеобщем ликовании жителей города, называвшегося теперь Стамбулом, организовав по этому поводу праздничный фейерверк.

Тем временем Пий II разрабатывал доктрину, последствия которой поначалу не были осознаны ни им, ни его современниками. Европа провозглашалась «родиной и домом» (patria e domus) всех христиан и отождествлялась с христианской религией (christiana religio), а, следовательно, любого европейца можно было считать христианином. Еще до этого, в предисловии к своей «Истории Европы» («Historia de Europa») Пикколомини употреблял выражение: «Европейцы или те, кто именуется христианами» (Europaei, aut qui nomine christiano censentur).

Папа был недоволен недомолвками и двойной игрой христианских правителей. В конце октября 1461 года он создает документ, полный горького презрения, — «Послание к Мехмеду» («Epistola ad Mahometem»). Султан, как утверждал Папа, своим величием несоизмеримо превосходит христианских королей и поэтому имеет полное право считать себя наследником римских императоров: так пусть же он, как некогда Константин, примет крещение, и Папа, как некогда Сильвестр, возложит на его голову корону повелителя мира. Содержащиеся в послании элементы полемики воспроизводят старые предубеждения христиан в отношении ислама и доказывают, что в действительности это письмо никогда не отправлялось Мехмеду II. Однако, по всей вероятности, султан мог ознакомиться с его содержанием, поскольку, начиная с 1469 года, оно неоднократно публиковалось в различных изданиях. Это послание можно считать разновидностью «посланий-призывов» (epistolae excitatoriae), которые еще в XI веке распространились в Европе: целью их было побудить христиан к очередному крестовому походу. Но послание, исходившее от Папы, отличалось жесткостью выражений и некоторой парадоксальностью: в нем саркастически обличались ничтожество и трусость христианских правителей. «Скандальное» предложение, которое сделал Пий II султану после неудачи Мантуанского собора, созванного для осуществления грандиозного крестового похода, было драматическим по своему содержанию. Пусть султан примет христианство — и Европа будет принадлежать ему: он станет для нее новым Константином. Это была сильнейшая пощечина всем, кто именем Христа правил Европой: на их репутации отныне осталось нестираемое пятно.

Но даже иронии гуманиста Пикколомини, вкупе с его высочайшим гневом и презрением бывшего крестоносца, оказалось недостаточно для того, чтобы затронуть чувства христиан. И Папа решил предпринять новый шаг, граничивший с безумием и моральным шантажом; о своих намерениях он тайно сообщил в марте 1462 года

лишь нескольким доверенным кардиналам. Миру предстояло с изумлением узнать, что престарелый понтифик совершит то, о чем, как принято считать, мечтали в свое время Григорий VII и Урбан II, — лично отправится в крестовый поход. Христиане не смогут оставить Папу в одиночестве и вынуждены будут последовать за ним с оружием в руках.

18 июня 1464 года, приняв крест, «благочестивый Эней» отправился в порт Анконы, где должен был собраться христианский флот. Но там его ждала лишь разношерстная толпа наемников. Страшная эпидемия, разразившаяся в июле-августе, унесла жизни множества горожан и несостоявшихся крестоносцев. Венецианский дож, обещавший принять непосредственное участие в мероприятии, лишь в первых числах августа вышел в море со своим флотом и без всякой спешки прибыл в Анкону 12 августа, успев доставить Папе радость зрелищем снаряженной эскадры: через два дня понтифик скончался.

Преемники Пия II, Павел II и Сикст IV, казалось, были намерены продолжить его дело. Однако османы добивались все новых успехов. В 1469 году они вторглись в Штирию, Каринтию и Крайну, в 1470 заняли остров Негропонте, что вызвало новый прилив мрачных настроений среди христиан. Тревогу внушало и наблюдение за небесами: в 1473 году появилась комета, и гуманист Франческо да Мелето поспешно начал консультации с учеными евреями, в то время как Лоренцо Бонинконтри в поэме «О вещах небесных» («De rebus coelestibus»), написанной между 1472 и 1475 годами, размышлял о последствиях конъюнкции Юпитера с Сатурном.

Отныне турки стали полновластными хозяевами южной части Балканского полуострова, и ислам постепенно укоренялся там (в Боснии, например, это произошло в 1460-е годы). Между тем османские набеги не прекращались: в 1472-м, а затем между 1477 и 1479 годами их жертвой стала восточно-итальянская область Фриули. В декабре 1474 года венецианцы заняли Кипр, что, по всей видимости, не слишком обеспокоило султана. И даже миланский герцог Галеаццо Мария Сфорца, который, судя по «Дневникам» Чикко Симонетты, поддерживал со Стамбулом хорошие дипломатические отношения, так и не согласился с претензиями генуэзцев на этот остров, хотя в первый момент, казалось, был готов их поддержать. 6 июня 1475 года турки захватили Кафу (нынешнюю Феодосию); это стало еще одним неожиданным ударом для Генуи, Милана и всего Запада. И в Венеции, и в Генуе царили далеко не радужные настроения. Но Генуя намеревалась вознаградить себя, захватив (если пользоваться современной терминологией) рынки в Северной Африке, взамен тех, что были безвозвратно утеряны на Востоке. Отношения Генуи с тунисским эмиратом, развивавшиеся при дипломатической и политической поддержке Лодовико Сфорца, оставались прекрасными, несмотря на омрачавшие их многочисленные — и неизбежные — кровавые эпизоды.

Мир, заключенный Венецией с султаном в 1479 году, практически ничего не изменил во внешнеэкономических связях европейских христиан с мусульманами. Венецианская республика отправила на берега Босфора официального портретиста дожей, Джентиле Беллини, чтобы тот запечатлел облик султана, ибо исламская религия запрещала своим последователям создавать изображения людей. Султан щедро вознаградил художника за работу; знаменитый портрет Мехмеда II находится сегодня в Лондонской Национальной Галерее. Картина датирована 25 ноября 1485 года, сам же султан умер четырьмя с половиной годами ранее.

1480 год привел с собой новые страхи. В марте в Генуе монах-доминиканец Анний Витербский (настоящее имя Джованни Нанни) читал проповеди на тему Апокалипсиса. В своем сочинении «О будущей победе христиан над сарацинами» («De futuris christianorum triumphis in saracenos»), более известном как «Комментарий к Апокалипсису» («Glossa super Apocalypsim»), он проводил связь между Антихристом, некоторыми астральными конъюнкциями и наступлением турок. В «Комментарии», опубликованном в декабре, — но под именем не Анния, а монаха-кармелита Баттиста Канале, — Антихрист отождествлялся с Мехмедом и объявлялось о необходимости полного разгрома турецкой империи.

В том же 1480 году появилось и пророчество Антонио Арквато «О разрушении Европы» («De eversione Europae»), адресованное Матиашу Корвину: в нем звучали те же темы. В мае турки предприняли еще одну попытку овладеть Родосом, а в июле-августе мусульмане напали на апулийский город Отранто, разграбили его и расправились с той частью жителей, которая предпочла смерть обращению в ислам. В Италии воцарился ужас. Спешно была создана лига, куда кроме Папы и неаполитанского короля вошли венгерский король и Флоренция. Последняя, таким образом, восстановила мирные отношения с понтификом, прерванные в результате заговора Пацци и последовавшей за ним войны. В 1482 и в 1484 годах жителям Тосканы дважды являлась Дева Мария: в местечке Биббона (область Маремма) и неподалеку от Флоренции, в городке Прато. Это вызвало мощную волну народных выступлений. Кроме того, считается, что после 1480 года, именно под влиянием отрантских событий, растет интерес к живописным полотнам, изображающим такие сцены, как «Мученичество святых младенцев». И, наконец, все в том же судьбоносном, с точки зрения астрологов, 1484 году по улицам Рима прошла процессия во главе с «пророком» Меркурио да Корреджо, который призывал к всеобщему покаянию и возвещал грядущее обновление (renovatio).

В истории «отрантских событий» остается много неясного. Какую роль в них сыграли Флоренция, заинтересованная в дискредитации Папы, и Венеция, аналогичным образом желающая поставить в трудное положение неаполитанского короля? Не странно ли, что город, принадлежавший историческому врагу венецианцев, подвергся нападению турок на следующий год после подписания мира между Венецианской республикой и Блистательной Портой? Не было ли нападение на Отранто совершено по чьему-либо заказу? Или, возможно, это была дерзкая бравада Ахмет-паши, командующего турецким флотом? Отранто мог бы стать ядром анклава в Апулии, появление которого принесло бы туркам контроль над проливом, соединяющим Адриатику с Ионическим морем. Пока турки оставались в Отранто, именно оттуда они осуществляли набеги на Бриндизи, Таранто, Лечче. Известно, что Андреа Гритти, венецианский посол в Константинополе, был уполномочен сообщить султану о желании своего правительства, чтобы тот стал полноправным хозяином Апулии. Ведь эта область когда-то входила в состав Византийской империи, территория которой теперь принадлежала султану. Подобные рассуждения легли в основу тезиса, получившего популярность уже в следующем веке: заняв территорию Восточной Римской империи, султан мог считаться (и считать себя) ее

законным наследником.

Смерть Мехмеда II в мае 1481 года и распри между его сыновьями, Джемом и Баязидом, привели к ослаблению турецкого натиска. Отранто удалось освободить от турок, а Венеция, в соответствии с мирным договором от 7 августа 1484 года, вернула Фердинанду Неаполитанскому оккупированные ею апулийские территории. Несмотря на это, все усилия Венецианской республики представить себя приверженной делу крестовых походов потерпели на юге Италии полную неудачу. С точки зрения писателей и ученых Неаполитанского королевства, в отрантских событиях Венеция в полной мере продемонстрировала свое коварство, став соучастницей султана в деле, которое могло привести к занятию османами всего Апеннинского полуострова.

От 1484 года ждали предсказанных астрологами великих потрясений. Однако никаких новостей о новом продвижении турок, которое ожидалось со страхом, не поступало. Баязид был занят исключительно борьбой за престол. Он уже позаботился об установлении дипломатических отношений с рыцарями-иоаннитами, желая быть уверенным в том, что разгромленный им и бежавший на Родос Джем находится там под надежной охраной. Неудачливому османскому наследнику пришлось немало путешествовать по Франции и Италии. Сначала он был передан рыцарями Папе Иннокентию VIII, а затем попал в руки Карла VIII Французского, который, снова развернув знамя крестового похода, в 1494 году прошел через всю Италию; это вызвало новую серию пророчеств. Разумеется, все, кто держал Джема под охраной, требовали от султана значительных уступок в обмен на гостеприимство, оказываемое его брату. Джем умер в Неаполе при загадочных обстоятельствах. До нас дошел его портрет работы Пинтуриккьо, где он, окруженный роскошью, предстает погруженным в меланхолию. Образ османского принца будоражил фантазию современников, так же как сообщения или личные воспоминания о встречах с турками — дипломатами и торговцами. Интерес к турецким обычаям стал исходной точкой в формировании эстетики экзотизма.

Смерть Джема избавила султана от необходимости соблюдать осторожность. Отношения с венецианцами немедленно испортились; это было связано также с занятием ими Кипра, уступленного Венеции его последней королевой Екатериной Корнаро, и господством над островом Наксос. Правда, венецианцы были вынуждены занять Кипр, чтобы не потерпеть поражение в рискованном розыгрыше «четырех углов». Екатерина Корнаро, вдова Якова II Лузиньяна, чуть было не вышла замуж за одного из сыновей неаполитанского короля. Намечавшийся брак означал бы переход острова к каталоно-арагонской «средиземноморской империи», владения которой появились бы в восточной части Средиземноморья, что создавало угрозу интересам Венецианской республики и ее островным владениям. Кроме того, за Кипром внимательно наблюдали и Блистательная Порта (турецкое правительство), и султан Египта. Последний нуждался в развитии торговли с венецианцами в портах Дамиетты и Александрии. Лицемерно изображая недовольство при виде развевающегося над островом знамени Святого Марка, он в действительности предпочитал видеть близкий к египетским берегам Кипр во владении венецианцев, нежели османского султана, своего собрата по вере. Прибытие в Каир с дипломатической миссией опытного шестидесятилетнего Пьетро Дьедо и подтверждение ежегодной подати в размере восьми тысяч дукатов, которые султану за Кипр платили еще Лузиньяны, окончательно решили дело.

Спустя несколько лет, в 1499 году, османы молниеносным ударом изгнали венецианцев из Морей. Турки совершали грабительские набеги на территории, лежащие между Триестом и Любляной, а в сентябре дошли до Виченцы. По сути, их военные операции никогда не носили случайного характера. Жестокость османов диктовалась вовсе не кровожадными инстинктами, а точно рассчитанной тактикой запугивания. Как верно заметил сенатор Доменико Малипьеро в своих «Венецианских хрониках», истинной целью турок были не грабежи и массовая резня, а проверка определенных политических предположений и тактико-стратегических планов. Они стремились устрашить и ослабить Венецианскую республику, а заодно использовать противоречия между христианскими государствами. И небезрезультатно: новый, пусть робкий, призыв к крестовому походу остался без ответа. Султан тем временем вел переговоры с Польшей, которая собиралась начать войну с Венецией. В своих набегах турки шли проторенными дорогами, почти с точностью следуя давними маршрутами готов, лангобардов, венгров. Через горные ущелья близ Гориции, Карсо и Чивидалезе было легко проникнуть на Фриульскую равнину. В конце концов, турки добились желаемого: мирное соглашение, заключенное в 1502–1503 годах, оставляло за Венецией ионические острова Кефалинию и Закинф, а в обмен она отказывалась от претензий на Дуррес и морейские порты.

Впрочем, в то время у Венеции возникли совершенно другие проблемы. Уменьшение потока товаров на контролируемых ею торговых путях, обусловленное открытием Нового Света и морского пути в Индию, повлекло за собой постепенное обеднение республики. Трудности испытывал также Египет: специи, привозимые португальцами, стоили гораздо дешевле тех, что доставлялись из Александрии и Дамиетты.

В то время как османы торжествовали на Балканах и на островах Эгейского моря, страна ал-Андалус доживала последние дни. Пиренейский полуостров особенно тяжело переносил последствия социального, экономического, духовного и религиозного кризиса середины XIV века. Христианские государства полуострова были измотаны бесконечными династическими войнами с их предательствами, внезапными нападениями и неожиданными поворотами в политике. Перспектива покончить с этим наметилась в результате брака Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, заключенного 19 октября 1469 года. В следующем десятилетии они вступили на престолы соответственно Кастилии и Арагона, однако оба государства пока сохраняли свою самостоятельность.

Этот союз, создавая условия для установления мира между христианами, также угрожал традиционно мирному сосуществованию на Пиренеях трех авраамитских религий. Отношения между христианами, мусульманами и евреями начали ухудшаться еще в XIV веке. Пиренейский полуостров в тот период все еще оставался надежным убежищем для евреев, изгоняемых из Франции и Англии, так как кастильские короли отказались следовать постановлению Латеранского собора 1215 года, установившего для евреев отличительный знак — желтый круг (rota). Эти беженцы, прибывающие через Пиренеи или через порты Средиземноморья, получили прозвище

«франков» (francos). В странах Европы они подверглись преследованиям, обвинялись в том, что они дают деньги в долг под непомерные проценты, подсыпают отраву в колодцы для распространения чумы и проказы, убивают христианских детей и добавляют их кровь в пасхальный хлеб, крадут и оскверняют священные облатки. В Испании же вышеупомянутое мирное сосуществование допускало свободные дискуссии: так, в 1263 году в Барселоне, в присутствии Хайме I Арагонского, состоялся диспут между христианами и иудеями. По окончании его монарх наградил раввинов за смелую защиту своих взглядов, а в следующую субботу лично присутствовал на службе в синагоге.

Но приток евреев в Испанию и Португалию привел к тому, что здесь они также становились жертвами преследования. Желтый круг постепенно получил распространение и тут, начались убийства евреев, первое из которых произошло в 1277 году в Памплоне. Ситуацию усугубила гражданская война; в результате 1290-е — 1300-е годы ознаменовались волной насилия и антиеврейских проповедей. «Героем» этих событий стал доминиканец Винсент Феррер (в других отношениях проявивший себя как человек несомненно выдающийся). В 1412 году в Кастилии был издан королевский указ, предписывающий евреям и мусульманам селиться в отдельных кварталах. В 1415 году аналогичный закон был принят в Арагоне. Одновременно возникла проблема «обращенных» (conversos), или «новых христиан» (cristianos nuevos), число которых постоянно росло, поскольку и мусульманам, и евреям было трудно противостоять двойному напору — в виде преследований и проповедей. В то же время «старые христиане» (cristianos viejos), гордящиеся своей чистотой крови (limpieza de sangre), смотрели на них подозрительно и не скрывали своего презрения к ним.

К иберийским мусульманам, «мудехарам» (mudejares; термин, обозначающий мусульманского «резидента-подданного» на христианской земле), отношение в целом было лучше, чем к евреям. Им дозволялось быть плотниками, каменщиками, садовниками, огородниками, портными. Именно они шили модные в Испании пятнадцатого века платья «на мавританский манер». Они были не столь богаты, влиятельны и предприимчивы, как евреи, и поэтому меньше страдали от преследований. Несмотря на это, они, оказавшись в христианском окружении, вскоре стали проявлять недовольство. В результате в 1276 году в Валенсии, после мусульманского восстания, Хайме I издал декрет о высылке мудехаров за пределы страны; позже высылку заменили конфискацией имущества. На протяжении двух последующих веков число восстаний и других проявлений недовольства только нарастало. В то же время постепенно утрачивались развитые в мусульманской Испании сельскохозяйственные технологии. Новые хозяева земли, представители воинственной христианской знати, стремились большей частью разводить мелкий и крупный рогатый скот, что приносило намного более быстрый доход. В результате за очень короткий срок произошло опустынивание значительной части полуострова.

В 1480 году Фердинанд и Изабелла ввели в Испании суд инквизиции, а Папа уполномочил их самостоятельно назначать судей. Целью нового, объединенного, христианского общества на Пиренеях становилось «очищение» его от нехристиан и дарование привилегий тем семействам, которые издавна принадлежали к христианской церкви. Одного этого было уже достаточно, чтобы не иметь никаких материальных проблем. Владеть землей, иметь церковную или придворную должность, состоять на военной службе — этим исчерпывался список занятий, достойных человека с чистой кровью и правильной верой. Идеал крестового похода (cruzada) — бывшего одновременно и формой налогового давления — в XVI веке ляжет в основу этики испанского общества.

В 1502 году испанские «мудехары» в основной своей массе выбрали обращение в христианство. Но высокомерные испанские христиане не доверяли «морискам», обвиняя их в том, что в душе они оставались мусульманами, так же как «марраны» (marranos) оставались иудеями. Мусульмане и евреи, не желавшие изменять вере отцов, не стали ждать высылки и самостоятельно покинули Испанию, направившись в Северную Африку или в области, принадлежащие Османской империи. Многие евреи, расставшись со своей родной «Сефард» (то есть Испанией), прибыли в Италию. Страны, которые принимали их, выиграли благодаря активности евреев, с их умом и предпринимательским духом; кроме того, изгнанники принесли с собой и часть сокровищ еврейско-испанской культуры. Изгнавшая же их Испания обеднела, безвозвратно утратив часть своего культурного достояния. Именно с этих событий начался экономический упадок на Пиренейском полуострове, усиленный потом негативными последствиями ввоза серебра из Нового Света и разорительной «революцией цен».

Тем временем прекратила существование страна ал-Андалус. После блестящего правления эмира Мухаммеда I, основателя гранадской династии Насридов, при котором был создан дворец Альгамбра, история династии превратилась в бесконечную череду мятежей, удачных и неудачных переворотов.

В Альмерии и Малаге сепаратистски настроенные эмиры, поддерживаемые кастильцами и марокканцами, подрывали безопасность Гранадского эмирата, где династия Насридов была свергнута в 1453 году авантюристом Мулаем Саадом. Затем Мулая Саада сверг его собственный сын Мулай Абу ал-Хасан, который после многочисленных перемирий с арагонцами и кастильцами в 1481 году открыл новую фазу военных действий. Мавры захватили Саару, христиане — Альхаму. Так началась война, известная под названием «гранадской». В семье эмира не было единства. Абу ал-Хасан и его брат аз-Загал сражались на одной стороне, а мятежный Абу Абдаллах Мухаммед (Боабдил христианских хроник), пошедший против отца старший сын Абу ал-Хасана, — на другой. Военные действия отличались беспощадной жестокостью, причем конфликт становился все более запутанным. Мавры боролись друг с другом за великолепную столицу, в то время как аз-Загал мужественно отбивал атаки христиан.

Фердинанд, однако, был настроен решительно. В это время у христиан появился блестящий военачальник — Консальво де Кордова, «великий полководец» (el Gran Capitan). Папа Сикст IV прислал арагонскому королю великолепный серебряный крест, залог грядущей победы, ставший отличительным знаком христианского войска. Когда пали последние крепости, среди которых была и Малага, аз-Загал сложил оружие и в начале 1490 года распустил свои войска. Ранее Боабдил обещал отдать христианам Гранаду в том случае, если его дядя сдастся, но теперь отказался от своих слов и сделал из города последний бастион мусульманского сопротивления.

У стен Гранады кастильцы и арагонцы собрали армию, численность которой, по подсчетам некоторых историков, достигала 80 000 человек. Осадой руководили Изабелла, Фердинанд и Консальво. Огромный лагерь — целый палаточный город — христиан был назван «Санта-Фе» (Santa Fe — «Святая вера»). Но в итоге мавры оказались побеждены не столько силой оружия, сколько голодом и суровой зимой: горные склоны вокруг Гранады оказались сплошь заснеженными. Капитуляция, переговоры о которой Консальво вел на хорошо ему знакомом арабском языке, состоялась 2 января 1492 года.

Но свое вступление в город «католические короли» Изабелла и Фердинанд решили отложить до Крещения. Победу христиан отмечала вся Европа: повсюду шли праздничные службы, устраивались шествия и уличные представления.

Взятие Гранады получило необычайный резонанс во всем христианском мире. Оно было воспринято как отмщение за позор тридцатидевятилетней давности — сдачу Константинополя. В марте 1494 года в неаполитанском замке Кастелло Капуано во время праздника, устроенного Альфонсом, герцогом Калабрии, состоялось чтение сочинения поэта Якопо Саннадзаро, посвященного взятию Гранады.

Однако дальше всего на юго-запад, сражаясь с мусульманами, продвинулись португальцы. В 1415 году они разграбили Сеуту, а в 1471-м отплатили за поражение Генриха Мореплавателя в 1437 году: результатом этого крестового похода, получившего благословение Папы Евгения IV, стало завоевание Танжера. Тема крестового похода прочно укоренилась в португальской культуре. В 1420 году Генрих (получивший впоследствии прозвище «Мореплаватель») стал Великим Магистром Ордена Христа, который, как гласила булла Папы Мартина V, «был учрежден португальскими королями для борьбы с сарацинами, врагами церкви Христовой, и другими неверными, а также для защиты христиан от их нападений».

Португальцы могли бы продвинуться и дальше в завоевании Марокко, но предпочли направить свои усилия на исследование западного побережья Африки: в 1488 году их корабли обогнули Мыс Доброй Надежды. Союз с «африканским пресвитером Иоанном» — то есть с эфиопским императором, который, как утверждалось, господствовал над истоками Нила и мог по своему усмотрению вызвать в Египте засуху или наводнение, — должен был обеспечить успех нового крестового похода, на этот раз против каирского султана. Эгейское море и Балканы находились далеко от Португалии, и поэтому там еще не осознали как следует, что главная угроза исходит теперь не от мамлюков. Португальцы продолжали вынашивать планы войны против египетского мамлюкского султана, который уже много десятилетий назад перестал представлять (если вообще когда-либо представлял) опасность для христианского мира.

«Teucri et Turci»

В Испании последние войны против мавров велись под знаменем крестового похода (cruzada). В отличие от обычных крестовых походов, означавших в это время оборону Европы от турецкой экспансии, испанские экспедиции несли отголоски былых рыцарских подвигов, совершавшихся от Пиренейского полуострова до Сирии. Этой атмосферой пронизаны испанские рыцарские романы: противник-иноверец в них не уступает в благородстве и великодушии герою-христианину, а в битвах межу ними рождаются дружба и взаимоуважение. Этическая и эстетическая «маврофилия» — в будущем одна из составляющих таких понятий, как «экзотизм» и «романтизм», — была лишь одним из аспектов проблемы крестовых походов, как она выглядела в описываемое нами время. «Турок», «неверный», «сарацин» становились персонажами на придворных и уличных праздниках в Европе эпохи европейского Возрождения, а тем самым входили и в фольклор. Мавр в роскошном одеянии и с вызывающей ужас внешностью был действующим лицом многих «тематических турниров» (pas d'armes, pasos honrosos) — подлинных драматических спектаклей, в которых центральное место занимало вооруженное столкновение. В квинтане «сарацин» был целью, в которую соревнующиеся метали копья. Враг христианской церкви, ставший теперь врагом всей Европы, естественным образом оказывался в роли и врага метафизического, и врага шутейного. Он присутствовал отныне в коллективном сознании европейцев, вызывая страх, но одновременно став чем-то привычным.

С другой стороны, если «мавры» и «сарацины» были более или менее знакомы европейцам, если о татарах и мамлюках у последних также сложилось некоторое представление, то турки продолжали оставаться загадкой. В Европе узнали о них в конце XI века благодаря завоеваниям сельджуков, но сведения эти были достаточно туманными. Насколько можно судить по весьма противоречивым источникам того времени, Папа Урбан II на Клермонском соборе определил турок как выходцев из Персии. Неизвестный итало-норманнский рыцарь, автор «Деяний франков» («Gesta Francorum»), хроники начала XII века, ссылаясь на воинскую доблесть турок, выдвинул версию, что они, так же как франки и римляне, происходят от древних троянцев. Таким образом, турки противопоставлялись вероломным graeculi — византийцам, трусливым и продажным. В заключение хронист писал, что лишь принадлежность к «неверным» мешает туркам стать великим народом, предвосхищая «Послание к Мехмеду» Пия II.

С другой стороны, утверждения, что турки могут каким-либо образом быть связаны с народами «благочестивого Энея», вызывали протест у многих гуманистов, считавших, что мусульманские варвары опасны именно тем, что они являлись врагами византийских греков, а следовательно, противниками эллинской культуры. Разорители Константинополя не могли вести свой род от доблестных и великодушных троянцев, — разве что от скифов, безжалостных кочевников древности, о которых античные источники тех времен упоминают с ужасом и отвращением. От скифов для гуманистов естественно было перейти к народу, прославленному своей жестокостью, главному врагу греков и римлян — к тем самым персам, о которых уже упоминал Урбан II. Тот же Петрарка, в канцоне «O aspettata in ciel beata e bella» проводил прямую связь между современным ему крестовым походом и греко-персидскими войнами. Таким образом, столкновение христиан с мусульманами приобретало иные масштабы, иное, уже не религиозное значение: то была борьба между Европой и Азией или, если встать на точку зрения Геродота и Эсхила в «Персах», борьба между цивилизацией и варварством. Основываясь на Геродоте, Эней Сильвий Пикколомини пытался доказать, что турки происходят от скифов. В результате возникала формула, согласно которой ценности Европы, христианства, цивилизации противопоставлялись другим, свойственным Азии, язычеству, варварам. При этом звучали и выступления, направленные против ислама, а точнее, против Корана. Об этом свидетельствуют полемические труды того времени, во многом вдохновленные сочинениями Петра Достопочтенного и Рикольдо да Монтекроче. Речь идет, в частности, о работах «Просеивание Корана» («Cribratio Alchorani») Николая Кузанского и «Против главнейших ошибок неверного Магомета» («Contra principales errores perfidi Machometi») Хуана де Торквемады, написанных соответственно в 1460–1461 и в 1459 годах. Папа Пий II использовал оба эти сочинения в своих работах.

Эльзасец Николай Кребс, родившийся в 1401 году в городе Куза на Мозеле и потому известный под именем Николая Кузанского, разумеется, не питал расположения ни к туркам, ни к мусульманам вообще. В 1432 году, во время Базельского собора (а это была эпоха возрождения «мирских наук», humanae litterae, когда гуманисты путешествовали по монастырям Европы в поисках латинских и греческих рукописей), он случайно натолкнулся на латинский перевод Корана, выполненный Робертом Кеттонским — бесценный результат гигантской работы, проделанной в Толедо почти тремя веками ранее. Позже, будучи папским легатом в Константинополе (накануне его взятия турками), Николай Кузанский поручил монахам — доминиканцам и францисканцам — заняться новыми переводами священной книги.

Став в 1448 году кардиналом, а в 1450 — епископом Бриксена, Николай оставался вдохновенным проповедником и активным сторонником освободительного крестового похода с целью изгнания османов из Константинополя: неоднократно провозглашаемый, он так и не состоялся на деле. Параллельно с организацией военной кампании кардинал приложил много усилий для осуществления кампании идеологической. С его точки зрения, лучшим способом идейной борьбы и лучшей поддержкой для военной операции стало бы знакомство христиан с переводом Корана: это позволило бы им получить более ясное представление о том нагромождении абсурда и противоречий, которые (согласно общераспространенному в Европе и несправедливому мнению) были ему свойственны. Таким образом, изучение ислама в Европе не проходило под знаком культурного или религиозного интереса к этой религии, а было связано с сиюминутными оценками и идейной борьбой.

Преследуя свои цели, кардинал нуждался не столько в признанном ученом, сколько в человеке, который стоял бы выше любой возможной критики. Он нашел такого среди самых набожных людей своего времени. Речь идет о Денисе Ван Рейкеле, больше известном под именем Дионисия Картезианца (1402–1471), чьи видения, связанные с турецкой угрозой, говорили о настоящей одержимости. Именно ему мы обязаны появлением

написанного в форме диалога трактата «Против Корана и магометанского учения» («Contra Alchoranum et sectam machometicam»), который в большей степени знакомит нас со свойственными XV веку предрассудками в отношении ислама, нежели позволяет всерьез проникнуть в суть мусульманской культуры. Хотя Дионисий и пользовался переводом Роберта Кеттонского, он, как верный сторонник спорного метода Рикольдо да Монтекроче, систематически замалчивал те отрывки из Корана, которые очевидным образом выдавали близость ислама к христианству.

Как бы то ни было, собранный таким образом материал послужил Николаю Кузанскому для создания еще одного трактата, «Просеивание Корана», адресованного — по замыслу автора — тем, кто пожелает заняться обращением мусульман в христианство. Кардинал посвятил его своему другу Пикколомини, ставшему тем временем Папой Пием II; тот воспользовался трактатом для создания уже известного нам загадочного документа — «Послания к Мехмеду».

Ислам и Реформация

Итак, турки по-прежнему представляли опасность. «Господи, скажи, не вторгнутся ли турки в Рим?» — эти слова, полные тревоги, произнес Дионисий Картезианец, испытывая одно из своих мистических видений. Несколькими годами позже один из персонажей комедии Макиавелли «Мандрагора» спрашивал: «Как ты думаешь, доберутся ли в этом году турки до Италии?». Два эти вопроса, заданные в различном тоне и при различных обстоятельствах, но выражавшие одну и ту же, широко распространенную, тревогу, отражают «Великий Страх», охватывавший Европу в середине XV — начале XVI века. Но в этих же вопросах содержится возможность преодоления страха, «приручения» его, лишения его магической силы. Действительно, в какой мере можно рассматривать турецкое наступление как признак конца времен? Какую роль оно играло в реализации божественного Откровения? Ответов можно получить много, ибо здесь мы имеем сложное взаимодействие политики, теологии, астрологии и пророческой активности.

В том же году, когда пал Константинополь, Николай Кузанский (в прошлом ярый поборник крестовых походов) написал одну из своих самых ярких книг — «О согласии веры» («De pace fidei»). В ней турки и прочие мусульмане, хотя и подстрекаемые Антихристом, изображаются язычниками, готовыми к обращению в истинную веру.

В пророчествах Джироламо Савонаролы турки не предстают отрицательными персонажами. Савонарола не проповедовал крестовых походов и не считал, что неверных следует карать: он считал, что в будущем их обращение в христианство совпадет с наказанием «ложных христиан». Он знал, что мусульмане почитают Христа как пророка и присоединялся к тем, кто считал, что среди турок процветает справедливость. Когда Анджело из Валломброзо, его постояный и настойчивый противник, предсказывал в будущем массовые убийства мусульман, Савонарола продолжал настаивать на их обращении. Для него это должно было стать знаком обновления церкви.

Что касается Папы Льва X, то он всегда остро чувствовал необходимость согласия в христианском мире как предварительного условия борьбы с мусульманами; и обратно, он считал, что следует не откладывать далее эту борьбу для восстановления единства между христианами. Эта тематика разрабатывалась в «Записке» («Libellus»), изданной в Риме в мае-августе 1513 года Паоло Джустиниани и Пьетро Квирини, монахами камальдульского ордена из монастыря Сан-Микеле на острове Мурано. Они представили Папе доводы в пользу того, что долгожданное обновление (reformatio) больше нельзя откладывать, ясно показав, что быстрое продвижение мусульман внутрь Европы за последние десятилетия есть следствие внутренних разногласий в христианском мире. В то время во всех дипломатических протоколах и официальных заявлениях христианских держав (особенно когда одни христиане объединялись против других, как Папа, германский император, Испания и Франция, объединившиеся против Венеции в декабре 1508 года), неизменно подчеркивалась необходимость остановить продвижение «свирепейших» (immanissimi), «грознейших» (truculentissimi) и «коварнейших» (perfidi) турок. Конечно, вполне возможно, что это просто был способ переложить на конкретного противника ответственность за собственные акты сотрудничества с турками, представляемые в таком случае как вынужденная необходимость.

Турки играли важную, хотя и двусмысленную, роль в самосознании христиан, если говорить о тревожном времени кануна Реформации. В конце концов, кого винить в успехах турок, как не самих христиан, движимых греховными страстями? Что навлекло на христианский мир гнев такой силы со стороны Господа — заблуждения еретиков или пороки церкви, недостатки верующих или безнравственность папской курии и прелатов? Следует ли неверных — без сомнения, ставших орудием этого гнева, — рассматривать как предвестников прихода Антихриста или как небесную кару? Необходимо ли, полезно ли и вообще — правомочно ли бороться с неверными?

В своей «Похвале глупости» Эразм Роттердамский любую войну, включая войну против неверных, поместил в разряд «глупости». В его «Жалобе мира» («Querela pacis»), изданной в 1517 году, когда еще оставалась надежда избежать прямого столкновения Франции и Габсбургов, Мир сокрушается по поводу несчастий, которые человек навлекает сам на себя по глупости: разве не постыдно, что христиане убивают друг друга и, тем не менее, с презрением называют турок «врагами Христа», словно они сами, христиане, ведут себя лучше турок? Говорят, что турки приносят жертвы дьяволу — а разве христианин, убивающий другого христианина, не делает то же самое? Турки, конечно, представляют собой угрозу, но это еще одно доказательство глупости христиан, которые воюют друг с другом, несмотря на опасность вокруг них, и при этом сами иногда заключают соглашения с теми же турками.

Эразм никогда не высказывался категорически против крестовых походов, рассматривая их как меньшее зло по сравнению с войной между христианами: последняя заслуживает особо сильного порицания, так как воюющие напрямую помогают туркам. В послании из Базеля, написанном Паулю Вольцу 18 августа 1518 года, использованном в качестве вступления к базельскому изданию «Наставления христианского воина» («Enchiridion militis Christiani»), Эразм утверждал, что единственное убедительное условие для мира — это мир: бессмысленно готовить мир, продолжая войну. Говоря о провозглашении римским Папой в 1517 году нового крестового похода, Эразм в письмах, написанных в последующие несколько лет, возвращался к мысли о том, что единственный способ одержать верх над турками — как можно более точно следовать учению Христа. С особой силой Эразм заклеймил тщетность войны против мусульман в своих «Адагиях» («Война сладка тому, кто ее не изведал» — «Dulce bellum inexpertis»), именно потому, что здесь подобная война частично оправдывается. И все же, отмечал Эразм, дела христиан плохи, если успех их дела зависит от подготовки к войне с неверными. Туркам следует продемонстрировать христианские добродетели, а не вооружение христиан. Насилие со стороны других никогда не следует использовать для оправдания своего собственного. Христиане должны защищаться от мусульман, если те нападут, но при этом неуклонно следовать принципам своей веры. Даже во время войны христианские ценности должны стоять на первом месте.

К началу Реформации многие христиане Европы испытывали то же самое чувство, которое охватывало восточных христиан перед падением Константинополя: лучше турецкий тюрбан, чем папская тиара. На традиционное же обвинение инквизиции в том, что еретики и схизматики «хуже неверных», протестанты отвечали, что Папа и его прелаты более коварны и опасны, чем турки. Хотя в течение многих лет католики и протестанты выдвигали друг против друга обвинения в союзе с неверными, и те и другие всегда понимали, что лучше вступить в союз с неверными, чем с христианами враждебного толка. Правда, что Лютер яростно нападал на мусульман; но правда и то, что когда поборники Реформации касались крестовых походов, они осуждали не конечную цель, а систему десятин, обетов и индульгенций, лежавшую в основе военных экспедиций по крайней мере с тринадцатого столетия, когда правовая сторона крестовых походов была разработана такими юристами, как Генрих Сузский или Синибальдо Фьески.

С началом Реформации Папа посчитал необходимым отложить все планы объединения христиан против турок. В мае 1518 года он говорил об этом в письме саксонскому курфюрсту Фридриху Мудрому. Через два года Папа послал курфюрсту экземпляр своей буллы «Восстань, Господи» («Exurge Domine»), особо подчеркивая, что бунт Лютера благоприятствует османам. Имелись объективные причины, делавшие это заявление правдоподобным. Несомненно, что Лютер, говоря о принципе божественного воздаяния, несколько раз называл турок орудием божьей кары в отношении папистов. Лев X осудил это заявление в своей булле (1520), но Лютер затем воспроизвел его в явно вызывающей форме, утверждая, что Западу не следует ни отправляться в поход против мусульман, ни участвовать деньгами в этом мероприятии, так как мусульмане ведут себя намного благоразумнее католических иерархов. Когда Шпеерский рейхстаг в 1529 году постановил, что призывать к реформе церкви следует как можно более сдержанно, Лютер через несколько месяцев (в сентябре) провозгласил о нейтралитете, своем и своих сторонников, в христианско-мусульманском конфликте, несмотря на то, что именно тогда шла драматическая осада турками Вены. В своем «Письме братьям в Нижней Германии» Эразм прямо утверждает, будто солдаты Лютера выкрикивали, что «некрещеный турок» (султан) лучше «крещеного турка» (императора), и что на знаменах воинов из Нидерландов были изображены полумесяц и девиз «Лучше турки, чем паписты» (Plutost Turcs que Papaux).

Подобные факты объясняют, почему в католических землях в этот переломный момент начали звучать утверждения о «сходстве» между протестантизмом и исламом. Протестанты в ответ на это обвинили самих католиков, повторяя доводы Джона Уиклифа: тот, примерно в 1378–1384 годах, когда казалось, что угроза мусульманского вторжения миновала, утверждал, что погрязшая в безнравственности и мерзостях римская церковь стала похожа на ислам. Вот почему, продолжали поборники Реформации, нравственное обновление церкви более необходимо, чем война против ислама, который будет побежден без всякого оружия, если христиане исправятся и смогут поставить свою добродетель в пример мусульманам. Как раз при помощи таких аргументов в эпоху Реформации и Контрреформации возникло различие между понятиями «защита Европы» (defensio Europae) и «защита христианства» (defensio Christianitatis).

Среди лютеран тем временем — не без усилий со стороны таких видных деятелей, как Юстус Ионас и Меланхтон, — распространялось толкование седьмой главы книги пророка Даниила, согласно которому «небольшой рог» Зверя — это турецкая империя. (Кальвин, по всей вероятности, с этим бы не согласился). На такой трактовке настаивал и сам Лютер. Со своей стороны Эразм — возможно, косвенно побуждаемый императором — в ответ на послание Лютера от 1529 года «О войне против турок» («Von Kriege wider die Türken») в следующем году написал во Фрайбурге небольшой трактат, озаглавленный «Полезнейшее рассуждение насчет войны с турками» («Utilissima consultatio de bello Turcis inferendo»). То была кульминация его многолетней деятельности, состоявшей в призывах к европейским правителям прекратить вражду и выступить единым фронтом против общего врага.

И сам Лютер, как все немцы того времени, был встревожен турецким натиском, но не слишком сильно: Саксония, где он жил, находилась в безопасности от возможного вторжения, а нападение османов на Вену, оплот католицизма, не слишком его расстроило. Лютер неоднократно ставил на одну доску всех своих противников — евреев, турок, папистов, последователей Цвингли и так далее, — не делая различий между ними. Турки довольно часто упоминаются в его знаменитых застольных речах (Tischreden).

В 1531 году Эразм заявил, что если герцог Саксонский отправится против неверных, он охотно пойдет за ним, уверенный в том, что его, Эразма, мученическая смерть убедит Бога истребить османов. В 1532 году стало известно, что султан Сулейман, тремя годами ранее вынужденный снять осаду Вены, готовит новое наступление. Эразм был явно встревожен тем, как немцы вели военные приготовления, утверждал, что Фердинанд I Габсбург будет разбит, и выражал опасения, что Папа намеревается столкнуть немцев друг с другом, а затем натравить турок на них всех. В основе этих соображений лежала та мысль, что турки и католики являются тайными союзниками. Католики тем временем заявляли, что турецкая угроза есть признак того, что Господь гневается на христиан за распространение ереси Лютера.

Согласно Лютеру, турок (то есть мусульман) и католиков объединяет также и сходство между их учениями. И те и другие, к примеру, считают, что Бог помогает лишь праведникам, но не грешникам. Сравнивать учение об оправдании только по книгам об исламском праве может показаться по меньшей мере странным, но дело в том, что — продолжал Лютер — мусульмане, как и Папа, не могут воззвать к богу через Христа: первые из-за того, что не признают божественной природы Христа, а второй из-за того, что извратил слово Божье. В действительности великий реформатор не имел достаточно ясного представления об исламе (считая его то религией, то еретической сектой) и не проявлял к нему большого интереса: одно дело — турки, представляющие опасность, и совсем другое — их религия, достойная, с точки зрения Лютера, лишь презрения. Лютер тем не менее оставался верным подданным Карла V; в сентябре 1532 года он с удовлетворением вспоминал, как несколькими годами ранее французский король Франциск I был разгромлен при Павии, несмотря на то, что полагался на помощь турок. Лютер, разумеется, не мог предвидеть того, что несколько позже и французы, и немецкие князья-лютеране будут одинаково стремиться к соглашению с турками.

Кроме того, успехи турок не производили на Лютера особого впечатления. Он был хорошо знаком с римской историей и на Рождество 1537 года заявил, что примерно за сто лет Османская империя приобрела меньше территорий, чем Римская империя за половину того же срока. Империи Карла и Сулеймана, добавлял он, — всего лишь бледные подобия римской.

Такое непрерывное обсуждение вопросов, связанных с турками и исламом, не могло не породить соответствующих научных текстов, в том числе исторических обзоров, таких, как «Связка времен» («Fasciculus temporum») Вернера Ролевинка и «Об изобретателях вещей» («De inventoribus rerum») Вергилия Полидора. В подобных работах, которые постоянно увеличивались в числе и в объеме, ислам рассматривался на основе хорошо известных средневековых источников, византийских, западноевропейских. Ошибки, беспорядочно разбросанные по этим текстам, повлекли за собой ряд недоразумений, которые зачастую трудно не только объяснить, но даже описать. Например, в своем «Рассуждении о войне с турками» («Consultatio de bello Turcis inferendo») Эразм развил забавный и ошибочный тезис Вергилия Полидора о том, что пророк Мухаммед был убит турками, которые вначале следовали за ним в грабительских набегах, а потом взбунтовались против него.

Турки, кроме всего прочего, упоминались и в пророчествах. Из «Дневников» Лаутербаха следует, что в 1538 году много говорилось об Антихристе, обладающем «величием и силой турок», чье царство было предсказано пророком Даниилом и святым Иоанном в Откровении. Как мы видели, Лютер соотносил Мухаммеда с «небольшим рогом» Зверя из видения Даниила; он обращал внимание на то, что определенные пророчества могут относиться и к Папе и к туркам, отмечая, что начало экспансии и папства и ислама приходится на VII–VIII века. Согласно более изощренному толкованию 14 стиха 12 главы Откровения, где говорится, что царство Антихриста будет «в продолжение времени, времен и полвремени» («время» трактовалось как период, по продолжительности равный земной жизни Христа, или тридцати годам, согласно Лютеру), время, отведенное Антихристу, составляло сто пять лет. Со времени взятия Константинополя в 1453 году прошло, заявлял Лютер в 1538 году, восемьдесят пять лет; турки будут притеснять христиан еще в течение двадцати лет. Все в руках Господа, заключал он; человек может лишь молиться и каяться.

Отметим, что через двадцать лет после этого предсказания, в 1558 году, внутри Османской империи почти ничего не происходило. Однако война между турками и Фердинандом Габсбургом, начавшаяся в 1551 году, была в полном разгаре: закончилась она в 1562 году тем, что турки оккупировали Венгрию и Вене пришлось платить Блистательной Порте дань. В то время как Европу истощали конфликты — между Габсбургами и Валуа, между католиками и протестантами, — тень полумесяца постепенно простиралась над Балканами и Средиземноморьем.

Назовем одно логическое, пусть и неожиданное, последствие Реформации. Резко учащаются положительные оценки ислама и, таким образом, происходит зарождение происламских настроений, пусть зачастую непоследовательных и причудливых. Как только османский натиск ослаб, эти настроения принесли обильные плоды в виде отказа от старых формул, связанных с крестовыми походами, а также в виде ориентализма. Почва для этого была подготовлена еще в средние века, что явствует из рыцарских легенд, связанных с именем Саладина, или из частого подчеркивания учеными и полемистами (а также купцами и христианскими паломниками) доброжелательности и щедрости неверных по сравнению со скупостью и грубостью христиан. Реформация вызвала горячую и подкрепленную солидными доводами полемику между христианами разных толков, конечный результат которой пошел на пользу мусульманам: среди католиков и протестантов стало привычным обличать «пороки» учения своих противников и подчеркивать, что неверные, напротив, служат примером добродетелей, которые больше подошли бы христианам. Гийом Постель хвалил мусульманский обычай подаяния и то, с какой скромностью оно совершается. В своем предисловии к собранию мусульманских текстов, отпечатанных и выпущенных в 1543 году Библиандером, Лютер проводил различие между достойным осуждения учением ислама и тем достойным восхищения образом, с каким оно претворяется в жизнь. Споры между католиками и протестантами зачастую становились соревнованиями в том, кто сильнее уязвит противника, восхваляя при этом неверных.

В сравнении с остальными мусульманами — а исламский мир, за исключением Святой земли, Египта, северной Африки и, до некоторой степени, Персии, находился вне кругозора европейцев, — турки располагали таким неоспоримым преимуществом, как доблесть и дисциплина в бою. По сравнению с европейскими армиями XVI–XVII веков, внутри которых царили хищения и беспорядки, султанское войско было превосходным образцом порядка, бережливости и умеренности. Османские воины славились жестокостью, но давно избавились от безудержного неистовства, которое отличало европейских солдат до военных реформ XVIII столетия. Теперь мусульманские военные обычаи получали одобрение с самых разных сторон — от дипломатов, купцов, путешественников и духовных лиц. Все они сходились на том, что турки, непримиримые в бою, строгие и безжалостные в наведении порядка, в повседневной жизни отличаются верностью, честностью, искренностью, щедростью, скромностью и гостеприимством.

Обширная литература о вероотступниках настолько интенсивно распространяла эти представления, что они стали выглядеть едва ли не оправданием тех, кто отрекся от христианства в пользу ислама. «Стать турком»: этот поступок, предпринимаемый от отчаяния, разочарования или вследствие превратностей судьбы, сделался в XVI–XVIII веках одной из констант истории Европы и Средиземноморья.

Великолепный законодатель

Селим I, подчинивший себе в 1516–1517 годах мамлюкский Египет и распространивший свою власть на Священный город, вступив в союзнические отношения с мусульманскими правителями Триполи, Туниса и Алжира, умер в 1520. Ему наследовал его двадцатичетырехлетний сын, который носил имя мудрейшего из библейских царей — Соломона. Соломон, или Сулейман, известен на западе как «Великолепный», но в турецкой и мусульманской традиции его прославляют под еще более почетным именем — ал-Кануни, «Законодатель», которое напрямую связывает его с императором Юстинианом. Этим подчеркивалось, что Османская империя — законная преемница Римской.

Вероятно, ни одна мусульманская династия не оказывала такого влияния на судьбу Европы, как династия Сулеймана Великолепного. Присутствие османов в юго-восточной Европе во время Реформации оказывало сильное влияние на ход событий, особенно в самой южной части Ближневосточной Европы. Своим успехам, особенно в наземных сражениях, султан в значительной мере был обязан верности и силе своих любимых пехотных полков, «новой гвардии», янычар. Они набирались посредством девьиирме, обязательного призыва христианских мальчиков, жили в специальных казармах, носили особую форму с высокими белыми головными уборами, воспитывались в условиях железной дисциплины и вели аскетический образ жизни. Им навязывалось безбрачие, и все они считались членами одного религиозного братства (шарика бекташийа). Янычарский корпус был учрежден султаном Мурадом I во второй половине XIV века; когда Сулейман взошел на трон, янычар было не более пяти тысяч, а к моменту его смерти их стало по меньшей мере двенадцать тысяч. До конца XVIII столетия они вызывали у европейцев одновременно и ужас, и восхищение; многие главы государств и полководцы пытались воспроизвести в Европе их организацию и даже их знамена, оружие и форму.

Потребность поощрять янычар, а также держать их при деле стала по меньшей мере одной из причин агрессивной политики Сулеймана в первое десятилетие его правления. Он развернул кампанию на Балканах, которая в 1521 году завершилась взятием Белграда. Одновременно турки мобилизовали свой военный флот и в 1522 году захватили остров Родос. Император Карл V предоставил рыцарям ордена Святого Иоанна, — обладавшим внушительными морскими силами, но тем не менее вынужденным покинуть остров, служивший для них главной базой более двух столетий, — остров Мальта. В 1526–1533 годах султан воспользовался разногласиями между европейцами и начал ожесточенную военную кампанию на территории между Балканскими горами и Дунаем; кульминацией ее стала осада Вены в сентябре-октябре 1529 года. В это же время пират Хайр ад-Дин со своей базы в Тунисе наводил страх на жителей Сицилии и юга Италии.

Главной целью этого мощного наступления был Карл V, известный как непримиримый враг ислама. Он был верным последователем «католических королей» в своем желании «продолжить завоевание Африки и бить неверных во имя веры». Сам же император не считал себя бескомпромиссным противником мусульман. Со временем он даже научился признавать их и относиться к ним терпимо, исходя из простого политического принципа: враг твоего врага — твой потенциальный друг. Он начал переговоры с персидским шахом Тахмаспом, что привело к решению атаковать Сулеймана с двух сторон и зажать его в тиски. «Великий турок» — так называли султана на Западе — ответил нападением на персов и заключением против них союза с урало-алтайскими правителями Мавераннахра, наследниками Тимура, которые были того же этнического происхождения, что и турки, и тоже были мусульманами-суннитами.

Широкомасштабное наступление Габсбургов вынудило Сулеймана принять еще более дерзкие меры: он вступил в переговоры с королем Франции Франциском I, который в своем стремлении отомстить за поражение в битве при Павии и ослабить позиции императора заключил союз с Папой Климентом VII, вступив в «Коньякскую Лигу».

Однако приходилось считаться и с возобновившимися с новой силой (на самом же деле никогда не утихавшими) апокалиптическими страхами. В 1527 году Папа Климент VII отдал приказ арестовать «пророка» Брандано, который утверждал, что в 1530 году турки возьмут в плен Папу, императора и короля Франции и что только тогда Бог спасет христианский мир. Это пророчество выглядело как проклятие в адрес всех христианских правителей, однако вероятно, что «пророк» хотел осудить прежде всего союз Климента VII и Франциска I, направленный против Карла V, который казался оплотом христианского мира в его противостоянии мусульманам. Похоже, что, желая умерить мрачные предчувствия тех, кто приписывал все новые политические и военные успехи турок политическому цинизму Папы, Климент VII начал с уважением прислушиваться к еврейским «пророкам» Давиду Реубени и Соломону Молхо, выдвигавшими идею совместного иудейско-христианского союза против Османской империи. Такое предложение — смелое для периода, когда кругом было так много conversos (евреев, под давлением испанской инквизиции публично отрекшихся от иудаизма и принявших христианство) — имело антииспанский оттенок и должно было нравиться Папе из рода Медичи — по крайней мере, до Камбрейского договора 1529 года. Война против неверных, без участия испанцев, могла стать благородным предприятием и интересной стратегической и политической целью. Проблема, как всегда, была в том, чтобы реализовать эти планы.

Тем не менее, средиземноморский крестоносный фронт продолжал формироваться, и те маневры, которые предпринимал папский двор, имели огромное значение. Венецианцы и германцы, и те и другие — традиционные враги Блистательной Порты, были вовлечены в военные действия на Балканах и в районе Адриатического и Эгейского морей. Венецианская республика, однако, по-прежнему занимала двусмысленную позицию. С 1523 года венецианским дожем был Андреа Гритти, проведший в Стамбуле несколько полных приключений лет и оставшийся личным другом Сулеймана. Во время своего правления он демонстрировал в его адрес уважение и восхищение.

Тем временем средиземноморский фронт был предметом беспокойства Испании и ордена Святого Иоанна. Все побережье от Гибралтара до Мессинского пролива Сицилии было под угрозой, связь была небезопасна,

непрерывные нападения пиратов приводили к потере людей и грузов. В роковом 1529 году, когда османские войска осаждали Вену, греческий вероотступник, родом, вероятно, с Лесбоса, Хайр ад-Дин (позднее известный на Западе как «Барбаросса»), который уже господствовал над побережьем Марокко, занял Алжирскую крепость от имени султана.

Осада Вены и алжирская проблема побудили Папу и императора поскорее прекратить военные действия друг против друга, а Франциска I — присоединиться к ним, хотя и с крайней неохотой. В 1583 году Папа обратился к императору, итальянским государствам и Венгрии с просьбой организовать новый крестовый поход. Тем временем рыцарям-госпитальерам, изгнанным с Родоса, удалось обосноваться в Триполи. Испанцы, воспользовавшиеся затишьем в боевых действиях и осадившие Алжирскую крепость, пытались выторговать у султана мир в Венгрии в обмен на отвод своих войск от крепости. Однако Хайр ад-Дин, к этому времени назначенный великим адмиралом султанского флота, опустошив итальянское побережье до самого устья Тибра, сумел затем захватить Тунис и изгнать эмира, пользовавшегося испанской протекцией. Так мусульманская база возникла в непосредственной близости от сицилийского побережья, и христианским судам стало почти невозможно проходить через Тунисский пролив.

Таким образом, на Средиземном море теперь господствовали мусульмане, которые, кроме всего прочего, имели поддержку в виде тайного союза с королем Франции. Из этических соображений Франциск не мог осудить идеалы крестовых походов и сами походы, но был убежден в том, что всякий враг его врага Карла V должен быть его другом.

В 1535 году император приготовился со всеми своими силами напасть на Тунис, решив придать этой кампании характер крестового похода. Он доверился «Спасительному распятию», совершил паломничество в монастырь Монсеррат к Мадонне — святой покровительнице каталонских моряков и заручился поддержкой Папы Павла III, рыцарей-госпитальеров и португальцев. Флот императора (74 галеры и 330 кораблей) 16 июня подошел к берегам Туниса. Менее чем через месяц была взята крепость Ла-Гулетт, захвачена большая часть турецко-берберского флота и освобождены более 20 000 пленников-христиан. Наконец 21 июля и сам город Тунис был взят и разграблен. Утверждают, что Карл V отпраздновал затем свою победу в Риме и привез замки и засовы от ворот разграбленного города. Пока Хайр ад-Дин укрывался в Алжире, испанцы снова передали Тунис губернатору-мусульманину (их подданному), таким образом сохраняя непосредственную власть над Ла-Гулетт.

Успех императорских армий на побережье Северной Африки сблизил двух главных врагов Карла V — Сулеймана и Франциска I. Последовал ряд договоров (капитуляции, ратифицированные в 1569 году), которые дали французскому королю разрешение выступать на османских территориях, прежде всего в Святой земле, в качестве защитника христианских общин. Дипломатические связи повлекли за собой взаимные военные обязательства; некоторые из них сохранялись в тайне. Однако совместные усилия турок и французов по вовлечению в свой тайный союз Венеции были безуспешны; политика дожа Гритти, благоприятная для его старого друга в Стамбуле, потерпела крах, и в Венеции восторжествовала сильная «партия войны», которая была настолько воодушевлена удачей армии императора, что настояла на возобновлении военных действий на море. В качестве возмездия за смену Венецией курса турки перекрыли пролив Отранто и осадили остров Корфу.

26–27 сентября 1538 года в Ионическом море рядом с Превезой, при входе в залив Арты, Хайр ад-Дин разбил папско-венецианско-императорскую морскую армаду — 95 судов, почти 60 000 человек, более 2500 пушек. Иногда утверждается, что поражение было отчасти обусловлено недостатком энтузиазма со стороны командующего объединенным флотом — генуэзца Андреа Дориа, которого не вдохновляла идея победы христиан, так как она пошла бы на пользу в основном Венеции. На самом же деле поражение при Превезе стало сигналом к концу венецианского господства над Мореей. Старый дож, которому было суждено умереть еще до окончания года, получил горькое удовольствие от того, что смог упрекнуть своих противников за их неразумную воинственность.

Христианский союз распался, не оставив следов. Через несколько лет Венецианская республика подписала с Блистательной Портой сепаратный мирный договор, по которому должна была выплатить непомерную компенсацию и уступить последние венецианские форты в Греции, как, например, Навплион и Монемвасия. В 1541 году император попытался взять реванш, осадив Алжир, оплот Хайр ад-Дина, но опять потерпел фиаско, отчасти из-за сильной бури. Султанский пират-адмирал ответил серией жестоких набегов, повергших в ужас обитателей Европы от Прованса до побережья Ионического моря. Это была его лебединая песня: вскоре, в 1546 году, он умер.

Турецкий флот располагал и другими выдающимися адмиралами, большинство из которых были вероотступниками, бывшими христианами. Стоит вспомнить хотя бы хорвата Пиале-пашу или калабрийца Луку (или Джованни) Галиени, родившегося в 1520 году и в шестнадцатилетнем возрасте похищенного берберами; он стал Улудж Али рейсом, в Италии известным под прозвищем «Очки». Со смертью Хайр ад-Дина, однако, прекратился своего рода гипноз. Карл V воспользовался ситуацией и в 1550 году напал на ал-Махдию в Тунисе, военную базу преемника Барбароссы Тургута Али, на Западе известного как Драгут. Восьмого сентября, в день Рождества Богородицы, город был захвачен, но Драгуту удалось бежать.

К этому времени угроза со стороны турецких и берберских пиратов начала всерьез беспокоить представителей церкви, которые собрались на Триентский собор. Папа Юлий III без колебаний пригрозил наследнику Франциска I Генриху II объявить против него крестовый поход, если он и впредь будет поддерживать турок и протестантов.

Тем временем на североафриканском побережье христиане продолжали терпеть неудачи. В августе 1551 года рыцари-госпитальеры были вынуждены бесславно покинуть город Триполи, который султан передал Драгуту. Христиане начали уставать и терять уверенность: Папа Павел IV, которого страшило могущество Габсбургов,

даже сделал вид, что заключил устное соглашение о перемирии с Блистательной Портой. Он распустил слух о том, что получил тайное предложение вступить в союз с турками против Испании. К этому времени пиратская война на Средиземном море стала повсеместной и обоюдной. Однако даже «осторожный король» (el rey prudente) Филипп II, который взошел на испанский престол после Карла V, явно придерживался мнения, что, в конечном счете, турки далеко и что еретики и бунтари, живущие на Пиренейском полуострове, куда опаснее. Сражения в районе Средиземноморья перемежались с битвами на Балканах иногда между двумя театрами войны возникало взаимодействие. В 1560 и 1565 годах христианский флот потерпел позорные поражения близ с порта Джерба, в то время как османы делали безуспешные попытки захватить Мальту, героически защищаемую рыцарями-иоаннитами. Вместо нее османы захватили остров Хиос и крепость Сигет в Венгрии.

Великий Сулейман умер в 1566 году. Запад испытал облегчение, к которому примешивалась радость. Но ликование отчасти окрашивалось и скорбью. Сулейман сделался видной фигурой XVI столетия, политиком и правителем, восхищавшим как Запад, так и Восток. На Западе он был постоянным предметом обсуждения; пышности и богатству его приемов и его величию широко подражали, им восторгались, неоднократно создавали его портреты. Тициан писал портрет Сулеймана, по крайней мере, три раза, основываясь на доступных ему изображениях султана и самостоятельно трактуя увиденное. Паоло Джовио восхвалял Сулеймана за его благочестие и великодушие. В основном благодаря Сулейману и его репутации — в создании которой участвовали Монтень, Воден и Шаррон, — на Западе распространилась смутная идея о справедливости и порядке, царящих в турецкой империи, о ее несокрушимой мощи. Но одновременно ходили слухи о жестокости турок на войне и об их варварских обычаях. Многие из тех, кто посещал Турцию в XVI веке, лестно отзывались о Великом турке, правление которого было ознаменовано внутренним спокойствием и справедливостью. «Турецкий мир», установленный им в своей империи, вызывал уважение явно из-за того, что походил на «римский мир» (pax romana), но многие в то же время указывали на тираничные и жестокие методы правления Сулеймана.

Внушительная османская военная машина была снова приведена в действие. Временно приостановив в 1568 году военные действия на балкано-дунайском фронте и заключив Адрианопольский мир, новый султан Селим II (1566–1574) снова предпринял решительное наступление на Средиземноморском театре с различных сторон. Через несколько лет христиане потеряли Тунис (занятый в 1569 году Улуджем Али, который сменил на должности губернатора умершего Драгута) и Кипр. Завоевание этого острова мусульманами началось в июле 1570 года, а завершилось в августе 1571-го с падением венецианской крепости Фамагуста. Союз с французами сделал турецкое наступление еще более успешным.

Тем временем, в окружении султана появился выдающийся политик и дипломат — Иосиф Нази. Этот видный деятель выражал точку зрения испанских евреев, находившихся в изгнании в Стамбуле и других городах Османской империи. Когда визирь Мехмед Соколлу настаивал на продолжении борьбы с Испанией за Северную Африку и возобновлении войны с Австрией за Венгрию, Нази высказывался за военные действия против Венеции. Он стал выступать за них еще более рьяно после 1566 года, когда турецкий султан сделал его правителем Наксоса и других островов в Эгейском море. Тем временем он создавал еврейские колонии вокруг Тивериадского озера, приглашая поселиться там евреев, изгнанных из Италии.

Хотя в североафриканских делах султан следовал своему визирю, он прислушивался также и к советам Иосифа Нази. Двадцать пятого марта 1570 года в Венеции стали известны требования о возврате Кипра. Венецианская республика — которая после Превезы избегала компрометировать себя и не входила открыто в антитурецкий союз с Испанией, чтобы не оказаться замешанной в североафриканские дела, — теперь должна была обратиться за помощью к единственному человеку, который, казалось, был способен остановить османов, — к Филиппу II. Христианская Испания откликнулась с энтузиазмом. Андалусия до этого подверглась неожиданному нападению мусульман из Северной Африки, за которым в 15 651 570 годах последовало восстание морисков. Судьба Кипра, как мы знаем, была уже предрешена: 9 февраля 1570 года пала Никосия, а 5 августа 1571-го — Фамагуста. Через четыре дня сводный брат «осторожного короля» Хуан Австрийский, победитель морисков Андалусии, высадился в Неаполе. Всего лишь месяц спустя из Мессины отплыл флот, состоявший из испанских, венецианских и папских кораблей.

На Запад стали доходить новости с Кипра, но они произвели действие, противоположное тому, которого ожидали турки: последние, как обычно, сеяли страх при помощи искусно рассчитанной жестокости. Весть о зверстве, учиненном над Маркантонио Брагадином, венецианским комендантом Фамагусты, который переносил пытки с невероятной стойкостью, скоро облетела весь христианский мир. Это приблизило событие, которого умелый дипломат Мехмед Соколлу изо всех сил пытался избежать, — союз между Испанией и Венецией.

7 октября 1571 года в заливе Патраикос произошло событие, которое было единодушно прославлено христианами — и католиками, и протестантами — как чудо. Победа над грозным флотом Улуджа Али при Лепанто была поистине блестящей. Из 230 турецких галер (у Лиги было только 208 плюс 6 галеонов) 80 было потоплено, а 130 захвачено: лишь очень немногим судам удалось вырваться из окружения. Поток панегириков, поэм, памфлетов и других сочинений, прославляющих победу, залил христианский мир.

Однако положение христиан и после Лепанто оставалось непрочным: события явно оправдывали курс императора Максимилиана II, который, несмотря на «семейный пакт» с Габсбургами, его испанскими родственниками и союзниками, не желал ввязываться в борьбу. Верный своим обещаниям, он, согласно договору, продолжал выплачивать туркам дань — как и его отец Фердинанд I. Император с умело рассчитанной жесткостью отклонил предложение изменить политику теперь, когда султан находился в трудном положении: он считал недостойным христианского правителя отступать от данного им — пусть и «неверному» — слова. Из-за турецкого давления ему приходилось идти на дальнейшие уступки протестантам: он знал, что не может позволить себе конфликта с ними теперь, когда турки прочно укрепились в Венгрии. Как говорили в то время в Германии, «Der Türke ist der lutheranischen Glück» (турки — счастье для лютеран). Утверждают — возможно, с долей преувеличения, — что, если бы не турки, протестантов в XVI веке вполне могла бы ждать та же судьба,

что выпала в XIII веке катарам.

Тем временем становилось все более очевидно, что из-за коренных разногласий между союзниками, результаты битвы при Лепанто не были использованы до конца. 10 февраля 1572 года Священная Лига была возобновлена; через несколько дней Пий V обратился с письмом к своей пастве, в котором новому этапу борьбы с турками явно придавались черты очередного крестового похода. Тем временем султан с неимоверной быстротой заново отстроил свой флот. Вместо того, чтобы атаковать султанские корабли на Адриатике, а затем пытаться отвоевать Кипр, как хотели бы того венецианцы, увязшие в Морее, Хуан Австрийский отвоевал в 1573 году город Тунис и занял Бизерту. Священная Лига распалась. Озлобленные и изнуренные, венецианцы разорвали союз с Испанией и заключили сепаратный мир с Селимом. Венеция была вынуждена окончательно примириться с потерей Кипра и выплатить 300 000 дукатов. Это позволило султану сосредоточить внимание на североафриканской кампании. Когда венецианцы покинули Лигу, турки смогли изгнать испанцев из Туниса и Бизерты.

Последствия битвы при Лепанто могут показаться эфемерными, но под другим углом зрения они выглядят более долгосрочными. Сражение готовилось в атмосфере пророчеств и апокалиптических идей, причем было воскрешено кое-что из давнего учения иоахимитов. После победы эта атмосфера стала еще устойчивее. «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд». Как известно, жена (mulier) из Откровения стала основой для образа Девы Марии в христианской экзегетической литературе и иконографии. Апокалиптический образ женщины, стоящей прямо на луне, напоминает о длинной череде божественных персонажей, связанных с ночью, луной или женским началом: от Артемиды Дианы и Изиды до целого ряда «богинь-матерей» малоазиатского и семитского происхождения. Этот образ истолковывался в типично антиисламской манере, во всяком случае, начиная с XVI века. Дева попирает полумесяц, традиционный символ ислама, но в первую очередь — Османской империи. Не случайно победу при Лепанто начинают приписывать заступничеству Мадонны с четками: 7 октября, день победы в 1571 году, стал по желанию Пия V праздником Мадонны победителей и был, наконец, утвержден как праздник Девы Марии с четками Григорием XIII.

Речь не идет о том, чтобы принизить значение битвы при Лепанто: она имела немалое значение в военном плане и грандиозное — в символическом. Остается фактом, однако, то, что Кипр по-прежнему оставался турецким, а созданная в обстановке воодушевления Священная Лига, призванная противостоять турецкой угрозе, не дожила до окончания конфликта; но его результат в любом случае был неопределенным. Игра продолжалась, без победителей и проигравших. В Европе, а также в Османской империи, создавалось впечатление, что, независимо от итогов отдельных сражений, султан был атакующей стороной, а христиане робко оборонялись. Властелин Босфора по-прежнему оставался Властелином, внушающим страх.

И все же христиане гордились своими победами. В XVI–XVII веках почти на каждом батальном полотне можно видеть уланов со знаменами, украшенными отнятыми у турок полумесяцами или конскими хвостами — знаками отличия. На воздвигнутых в то время памятниках государственным деятелям и полководцам неизменно присутствуют фигуры пленных с бритыми головами, длинными косами и отвислыми усами, которые уныло бредут в цепях за колесницей победителя или сидят в кандалах у его ног.

Фронт христианской обороны — пусть он не являлся сплошным, а в христианском мире не имелось единства, — был весьма обширным. В этот период значение конфликта между христианством и исламом во многом определялось тем фактом, что театр военных действий простирался от Гибралтара и Магриба до Красного, Черного, Каспийского морей и Индийского океана. Например, султан Селим II предоставлял военную поддержку андалусийским морискам между 1568 и 1570 годами, а также советовал им вступить в союз с лютеранами; одновременно он изучал возможность прокладки канала между Волгой и Доном. Если бы турецкий флот мог переходить из Черного моря в Каспийское и обратно, угрожая северным рубежам враждебной османам Персии, последствия для мировой истории были бы колоссальными.

Конфликт начал приобретать глобальные размеры. Пий V, прекрасно осознавая масштаб событий, пристально следил за ситуацией в Португалии, побуждая португальские духовно-рыцарские ордена занять линию обороны на стыке Европы с Северной Африкой, и настоял на том, чтобы членом их считался лишь тот, кто сражался в течение по крайней мере трех лет. Между тем Испания после войны с Кипром не проявляла никакого желания втягиваться в конфликты в районе Восточного Средиземноморья, зато еще более пристально следила за событиями в Африке. В 1573 году испанцы заняли Тунис еще раз, но это приобретение оказалось непрочным и бесполезным. Менее чем через год, в июле 1574-го, турецкая армада из 230 галер и 40 000 солдат снова захватила город, на этот раз окончательно.

За этими событиями внимательно наблюдал племянник Филиппа II Испанского Себастьян, в 1557 году ставший королем Португалии. Он родился в 1554 году и занимал престол с трех лет, но в действительности страной долгое время правили регенты. В Себастьяне уживались неясные и противоречивые устремления; он растранжиривал достояние короны и строил грандиозные планы. Себастьян воспитывался в строгости иезуитами, а его кумиром был инфант Генрих Мореплаватель, который сто лет назад заложил основы морского могущества Португалии. Генрих мечтал о том, чтобы принести учение Христа в Индию; Себастьян мечтал принести его в Африку, в легендарный Тимбукту, стоящий на берегах Нигера, и дальше. Он хотел господствовать на морских путях, по которым в Европу ввозились золото и слоновая кость, и распространить христианство на Африканский континент — который, как выяснилось, по размерам был намного больше, чем сообщали античные географы.

Чтобы достичь этой цели, однако, было необходимо установить контроль над Марокко — тем же способом, каким испанцы пытались, с переменным успехом, контролировать современную территорию Алжира и Туниса: они стремились оторвать эти области от Османской империи и подавить североафриканских корсаров.

В июне 1578 года Себастьян отплыл из Лиссабона с целью завоевания Марокко, имея с собой примерно 10 000 португальских солдат, 1600 испанских и около 5000 добровольцев или наемников различных национальностей. Среди наемников были немцы, итальянцы и марокканцы — приверженцы одного из султанов, которым Себастьян намеревался заменить тогдашнего правителя Марокко, сторонника турок. Крестоносцы высадились близ Танжера и направились вглубь континента. Четвертого августа произошла битва при ал-Каср ал-Кабир (Алькасарквивир для европейцев), которую позднее назвали «битвой трех королей», так как в ней участвовали Себастьян и два враждующих султана.

Ни один из них не остался в живых. Погиб и сэр Томас Стукли, английский католик, командовавший папским отрядом, который первоначально предполагали направить в Ирландию, но в последнюю минуту перебросили в Лиссабон. Эта деталь говорит о том, каким сложным в то время было содержание крестоносного идеала.

Себастьян пропал без вести — его тело навсегда затерялось среди марокканских песков и камней. Отсюда родилось пророчество (позднее его подхватят Камоэнс в «Лузиадах» и Фернандо Пессоа), что молодой король, известный как «Сокрытый» (O Encoberto), однажды приплывет обратно и установит «Пятую империю» (пятую по счету после греческой, Римской, христианской и Британской). С установлением португальского владычества исполнится, наконец, истинное мистическое предназначение Европы.

Корсары, вероотступники и пленные

В 1580, спустя год после смерти Себастьяна и в год восшествия на португальский престол Филиппа II, другой воин такого же романтического склада, как и Стукли, французский гугенот Франсуа де ла Ну создал свои «Речения» («Discours»), один из шедевров политической и военной литературы XVI века. Ну писал их в лимбургской тюрьме, брошенный туда испанцами за его действия по защите кальвинистов во Фландрии. Он призывал к новому крестовому походу с участием всех европейских стран, уже не под эгидой Папы, и видел в нем путь к восстановлению единства христианского мира.

Европейские державы в это время изыскивали способы создать угрозу для султана в восточной части его империи. Множество путешественников, исследователей, купцов и дипломатов — и тех, кто в разной степени подходил под все эти определения, — в XVI–XVII вв. посещали Персию, пытаясь побудить персидского шаха присоединиться к «крестовому походу» против стамбульского правителя. Персы немало осложняли жизнь туркам; в то же самое время русский царь Иван IV обращал оружие против татар Золотой орды, вассалов Блистательной Порты, и против Астрахани — ключа к Центральной Азии. Если бы русские и персы объединили силы в районе между Каспийским и Аральским морями, то туркам пришлось бы на Востоке иметь дело с новым сплошным сухопутным фронтом. По этой причине османские султаны усиленно стремились устанавливать дружественные отношения, а по возможности — и заключать военные союзы с тюрко-монгольскими правителями обширных областей, лежащих между Мавераннахром, Тянь-Шанем и Каракорумом. Запад тоже начал присматриваться к Центральной Азии. Европейские путешественники, обладавшие и энтузиазмом, и широкими познаниями — от флорентийских купцов Джован Баттиста и Джироламо Веккьетти, до римлянина Пьетро дела Балле, авантюриста и автора разнообразных сочинений, — питали все одну и ту же надежду, возникшую впервые в XIII веке: надежду на мощного центральноазиатского союзника, который вцепится мертвой хваткой в средиземноморского врага и освободит христианскую Европу от страшной мусульманской угрозы.

Но не для всех турки представляли страшную угрозу. Уже было показано, как многие страны, от Франции и Англии до протестантских княжеств Германии, рассматривали их (иногда втайне) как потенциальных союзников по принципу «враг моего врага — мой друг». Вдобавок многие из обитателей Средиземноморского побережья сознавали опасность, грозящую со стороны турок или их вассалов-союзников, берберских корсаров, но считали ее наименьшим злом, или даже полагали, что могут извлечь из нее пользу. Бедняки, угнетенные и бессильные, лишенные средств и возможностей, скованные жесткой политической и институциональной структурой христианского общества, смотрели на мусульманский мир с надеждой и завистью: там, даже родившись в семье калабрийского рыбака или албанского горца, можно было стать монархом или адмиралом. Некоторые — обделенные при наследовании еретики, затаившие злобу неудачники, мечтатели, — даже надеялись, что мусульмане одержат верх над их неблагодарным и несправедливым христианским отечеством. В Европе каждый, кто проявлял излишнее свободомыслие в вопросах религии, оказывался на костре. С другой стороны, жестокие турки, которые сдирали с врагов кожу или сажали их на кол, позволяли сколько угодно молиться Богу Авраама в обмен на подчинение и небольшой налог. Мусульманин, взятый в плен мальтийскими или сан-стефанскими рыцарями во время набегов христианских корсаров на берега мусульманских стран, оказывался на галерах или томился в казематах в Ливорно или Тулоне. Христианин, захваченный во время морского сражения — если он был молод и хорош собой, или предприимчив, или имел счастье попасть к благожелательному и влиятельному хозяину, — мог быстро подняться по социальной лестнице, занять государственную должность или даже стать приближенным султана.

Прибрежным жителям, купцам, паломникам, тем, кто сражался под знаком креста, постоянно угрожал мусульманский плен. Для вызволения из рабства братьев во Христе были учреждены специальные христианские ордена, такие, как тринитарии и мерцедарии. Из района Средиземноморья дошло множество историй о том, как мальчиков и девочек, мужчин и женщин захватывали турки или берберские корсары. Еще больше было таких случаев, о которых мы никогда не узнаем. Часто мы встречаемся с подлинными трагедиями, но есть и увлекательные истории со счастливым концом. Иногда правда оказывается поразительнее вымысла. Отдельные события, рассказанные в письменных воспоминаниях и дневниках, могут быть вымышлены, но основаны они на свидетельствах очевидцев. Таков, например, случай Андреса Лагуны, доктора из Сеговии, который был известен своими научными трудами и считается автором «Путешествия в Турцию», опубликованного в 1557 году. Книга представляет собой псевдоавтобиографию Педро де Урдималаса, взятого в плен в августе 1552 года у берегов острова Понца: вначале он был гребцом-невольником на галере, а затем рабом в Константинополе. Ему удалось освободиться, выдав себя за доктора — на помощь пришли кое-какие медицинские книги — и вылечив от болезни вначале пашу, своего хозяина, а затем саму султаншу.

Если вымышленная история могла отсылать к приключениям, более удивительным, чем плоды литературной фантазии, случалось и другое: за литературным повествованием скрывались подлинные события. Самым известным из рабов стал Мигель де Сервантес, взятый в плен берберскими пиратами в 1575 году во время путешествия из Неаполя в Испанию и в цепях доставленный в Алжир. Несколько раз он безуспешно пытался бежать; наконец, за него был уплачен выкуп и в 1580 году его освободили. Он оставил яркий отчет о своих приключениях в главах 39–41 «Дон Кихота», в рассказе о пленнике (cautivo). Самым необычным в приключениях пленника Мигеля де Сервантеса — позднее ему пришлось защищаться от обвинений в сделке с мусульманами: свобода в обмен на переход в ислам — были его отношения с алжирским беем, Хасаном-пашой. Бей не только не наказывал Сервантеса за его попытки побега, но все время, пока тот находился в плену, держал его рядом с собой.

Плен зачастую предшествовал вероотступничеству, но не только: между этими состояниями изначально существовало известное сродство. Четыре столетия молчания отделяют нас от тайны Мигеля и Хасана: что связывало этих двоих, мы уже никогда не узнаем. Образованный испанец знал кое-что об исламском мире Андалусии и Северной Африки, но географические рамки познаний Сервантеса были шире. В Испании были

знакомы с османской историей и культурой. Именно они образуют фон пьесы «Прославленный турок» («El otomano famoso»), написанной на рубеже XVI и XVII веков Лопе де Вегой и посвященной Осману, основателю правящей в Турции династии.

Друг Сервантеса, алжирский бей, был вероотступником из Далмации; предыдущие правители Алжира, начиная от самого Барбароссы, сардинца Хасана-аги, «Корсиканца» Хасана и заканчивая калабрийцем Улуджем Али, тоже «стали турками». Многие вероотступники становились командирами флота или каид, мелкими правителями. В Алжире среди вероотступников наиболее удачливыми оказывались генуэзцы и венецианцы, но там были также калабрийцы, сицилийцы, неаполитанцы, албанцы, греки, французы и несколько евреев. До сих пор знамениты лигуриец Оста Морато, который в 1637 году стал беем Туниса и основал свою собственную династию Мурадитов, правившую в Тунисе до начала XVIII столетия, и Али «Пиччинино», венецианец по происхождению, который фактически единолично правил Алжиром в 1638–1645 годах. И только во второй половине XVIII века вероотступников из стран Средиземноморья становится все меньше; отчасти их заменили новообращенные из числа англичан и фламандцев, которых называли «понентины».

С упадком империи роль вероотступников начала неуклонно снижаться. Но были исключения: к примеру, француз-аристократ граф Клод-Александр де Бонневаль. Он родился в 1675 году в большой семье, находился в родстве с писателем Фенелоном и дослужился во французской армии до полковника. В 1706 году он дезертировал и был приговорен французами к смертной казни, но перешел в имперскую армию и получил звание генерал-лейтенанта. Он был соратником Евгения Савойского, затем они поссорились, Бонневаля обвинили в государственной измене и заключили в крепость Шпильберг, откуда ему удалось бежать. Разочарованный отношениями внутри христианского общества, он, наконец, нашел прибежище в Стамбуле, где возглавил султанскую армию и под именем Ахмет Бонневаль-паши принимал участие в военных реформах, проводимых султаном Махмудом I. При этом он не порвал полностью со своей родиной, завязав дружбу с маркизом де Вильнёвом, посланником Людовика XV в Стамбуле.

Многие из этих средиземноморских авантюристов заслуживают краткого рассказа о себе. Орацио Патерно Кастелло, из Катании, из семьи маркиза Сан Джулиано, стал в 1783 году беглецом, после того как убил свою жену. Схваченный триполийскими корсарами, он обратился в ислам, принял имя Хамад и стал драгоманом (переводчиком). Он поведал свою историю некоей мисс Тулли, сестре британского консула в Триполи. Другого сицилийского аристократа, князя Джован Луиджи Монкада, схватили тунисцы (которые вполне могли быть в сговоре с капитаном судна) в июле 1797 года, когда тот плыл из Палермо в Неаполь. Через несколько месяцев он снова обрел свободу, но только после того, как пообещал заплатить значительный выкуп. Однако стоило князю вернуться на Сицилию, как он отказался от своего слова, и последовало долгое судебное разбирательство. Тунисский бей обратился в королевский суд, и дело тянулось несколько десятилетий.

Естественно, через некоторое время многие вероотступники — которые подвергались обрезанию, если только им не удавалось избежать этого ритуала — возвращались в свои родные страны, и после покаяния их снова принимала церковь. Трудно определить, говоря о каждом из них в отдельности, насколько искренним было их обращение и насколько непритворным — возвращение к вере предков. Нам известны лишь немногие случаи, остальные же навеки поглотило прошлое.

К концу XVII века пиратские войны, выгодные для влиятельных групп вероотступников, сформировавшие верхние эшелоны османского общества и породившие целую систему захвата пленных и рабов с той и с другой стороны, начали постепенно затухать. Тем не менее, столетие спустя на Сицилии и Сардинии люди все еще не чувствовали себя в безопасности. В 1798 году при набеге тунисцев на остров Сан-Пьетро у берегов Сардинии в плен было взято около тысячи островитян. В 1815–1816 годах наступил новый всплеск активности мусульманских пиратов, который продолжался несколько лет, затронув южную Италию, Тоскану и оба крупных острова в Тирренском море. Священник из ордена барнабитов Феличе Каронни в июне 1804 года оказался в заключении в Северной Африке; его захватили берберские пираты и отвезли в Тунис, но ему удалось вернуться домой через несколько месяцев. Положение пленных в мусульманских странах улучшилось к концу XVIII века: Моцарт не написал бы свою оперу «Похищение из сераля», а Россини — свою «Итальянку в Алжире», если бы условия содержания пленных христиан не улучшились. Правда, ни та, ни другая опера не были бы написаны, если бы христианам многие годы не грозила опасность оказаться в плену.

Упадок турецкого и североафриканского пиратства привел к тому, что рыцари-иоанниты и рыцари Святого Стефана стали меньше внимания уделять пиратским набегам и вообще морскому делу. Сократилось и число независимых христианских пиратов Средиземноморья. И первые, и вторые, и третьи были особенно активны в 1580–1610 годах. В то время необходимо было энергично отвечать на каждое нападение мусульман, а кроме того, была необходима рабская сила для галер и строительства береговых укреплений. Тюрьмы по всему Леванту и Магрибу подвергались набегам; самые знаменитые примеры — нападение на Хамамет в августе 1602 года, когда галеры рыцарей Святого Стефана захватили от четырехсот до семисот человек, и нападение на Аннабу в сентябре, которое дало около тысячи пятисот рабов и было воспето в скучнейшей поэме «Превосходный приступ» («Bona expugnata»), написанной в конце столетия Виченцо Пьяцца. Между 1708 и 1715 годами христианские пираты (например, ливорнские, защищенные патентами, выданными великим герцогом Тосканы) совершали набеги на берега Палестины, создавая проблемы для французской консульской службы, на которую полагался султан для «защиты» в этом районе людей с Запада (и которые в силу этого отвечали за действия всех европейцев). Пиратские корабли часто маскировались под суда, везущие паломников в Святую землю. Члены местных христианских общин оказывались в этих случаях козлами отпущения — на них вымещали свой гнев разъяренные мусульмане.

Судьбы пленных мусульман в христианских странах были в целом менее счастливыми и менее разнообразными, чем судьбы пленников-христиан в мусульманских странах. Было очень мало «вероотступников», перешедших из ислама в христианство; причиной могло быть то, что мусульмане оказывались более тверды в своих убеждениях, или то, что на пленных не сильно давили с целью обращения. Последнее влекло за собой прямую

невыгоду: раба, ставшего христианином, следовало освободить. То, что немногие случаи обращения приветствовались как великие события, говорит о том, как редко это бывало. Кроме того, было полезно иметь в запасе некоторое количество рабов, чтобы обменивать их на пленных. В 1543 году Папа Павел III учредил в Риме Коллегию неофитов, которая опекала обращенных в христианство евреев и мусульман, но опекаемых было немного. Христианские источники, иногда подтверждаемые сведениями с мусульманской стороны, говорят о тайной симпатии, которую испытывали некоторые мусульмане к христианству. Поскольку, однако, в дар ал-ислам отступничество от веры было преступлением, караемым смертной казнью, такие чувства (в случаях, когда они возникали — если возникали) держались в глубокой тайне.

«Жидкий континент», как называли Средиземное море, обеспечивал бесчисленные возможности для мирных встреч и культурного обмена. То была пограничная территория, а также место торговли и в некотором смысле — область слияния культур. Многие храмы в этом регионе использовались и христианами, и мусульманами. Обе религии встречались здесь: их пути часто пересекались, но не совпадали. Такими перекрестками путей были церковь Успения в Иерусалиме, храм Рождества в Вифлееме, Святого Георгия Лидцского в Палестине, Святой Екатерины на Синае, святилище Марии близ Каира (откуда происходил знаменитый бальзам), храм Марии Путеводительницы в Шкодере в Албании и пещера Девы Марии в Лампедузе. И та и другая религия сходились в том, что и христианство и ислам ведут общее происхождение от Авраама, а мусульмане глубоко почитали Деву Марию. Но ни о каком синкретизме всерьез говорить не приходится.

Рождение исламоведения

Изобретение Гутенберга вскоре начало играть свою роль в распространении мусульманской культуры. Печатные тексты на восточных языках, однако, появились не сразу. Выходили книги об исламе, но в целом они были очень плохи — либо из-за того, что давали о нем неверное представление, либо из-за того, что содержали сплошные оскорбления в его адрес. В XV и XVI веках существовавший «культурный баланс» (по аналогии с «торговым балансом») начал менять свой знак на противоположный. До этого времени мусульмане больше знали о христианах, чем наоборот. Однако интерес, пробужденный турецким продвижением в Европу, и тот факт, что все больше европейских купцов и путешественников совершали поездки в исламские земли, начали склонять чашу весов в другую сторону. Мусульманские ученые не стремились углублять свои знания о христианстве, у христиан же происходило обратное.

С начала XVI века уже существовала литература, которую можно было определить почти как «исламоведческую». С одной стороны, она распространяла старые заблуждения, проистекавшие из средневековых дискуссий, но с другой — в центре ее внимания оказались явления, важность которых постоянно возрастала. В 1511 году теолог Жак Лефевр д'Этапль напечатал французский перевод старинного трактата Рикольдо да Монтекроче; имя автора вновь начали повторять, как и его ошибки. Этот труд способствовал распространению знаний об исламе, но знания эти были во многом недостоверными. Пшеница и плевелы росли вместе, и разделить их пока было невозможно.

В пятнадцатом веке поддержанный Николаем Кузанским Дионисий Картезианец (Ван Рейкель) создал тщательную компиляцию — трактат-диалог «Против Корана» («Contra Alchoranum»). Он был напечатан в 1533 году, после смерти автора и примерно через восемьдесят лет после своего создания, в то время, когда турки и христиане стояли друг против друга на равнинах Венгрии. Часть мадьярской аристократии решила бросить вызов Габсбургам и принять протестантизм, таким образом вступив в союз с османами. Труд Дионисия Картезианца был посвящен брату Карла V Фердинанду, который в то время был королем Венгрии и Богемии и который двадцать лет спустя был избран императором.

В 1543 году, всего через десять лет, в Базеле, в знаменитой типографии Опорина, был напечатан латинский перевод Корана, подготовленный в середине XII века Робертом Кеттонским. Несмотря на то, что ему было четыреста лет, он почти не устарел. Это издание было отредактировано Теодором Бухманом, теологом из Цюриха, известным в научных кругах под латинизированным именем Библиандер. Снабженный длинным заглавием «Полное описание жизни и учения Магомета, сарацинского князя, продиктовавшего исламский закон и Коран» («Machumetis saracenorum principis vita ac doctrina omnis, quae et Ismaehlitarum lex et Alchoranum dicitur»), этот фолиант также содержал написанную Библиандером «Апологию» («Apologia») и Лютеровское «Предуведомление» («Praemonitio»), а также ряд других текстов, в том числе сочинения Рикольдо да Монтекроче и Николая Кузанского. В конце концов, все было собрано в один огромный фолиант, настоящий памятник рождению исламистики — «Собрание писаний против магометан» («Sylloge scriptorium adversus mahomedanos»), изданное в Базеле между 1543 и 1550 годами. Единственной проблемой было то, что этим трудом нельзя было пользоваться в католических землях: поток оскорблений Лютера в адрес римской Церкви привел к тому, что Папа Александр VII запретил распространение книги в странах, оставшихся верными Риму.

В протестантском мире дела обстояли иначе: в Базеле было предложено перевести латинские тексты Библиандера на немецкий, чтобы сделать их доступными более широкой публике. Однако влиятельный теолог Бонифаций Амербах отсоветовал делать это: лучше не излагать неподготовленному читателю основы «нечестивой» и «еретической» религии, так как она может его заинтересовать или (что еще хуже) на него повлиять.

Средневековые тексты, переработанные Библиандером, конечно, способствовали распространению ошибочной и тенденциозной информации об исламе и цитат из Корана, неверно переведенных и неправильно понятых. Однако все больший интерес к исламскому миру и желание иметь более точную информацию (что было вызвано успехами Сулеймана и растущим значением турецких товаров для экономики Запада) привело к развитию описательной литературы намного более высокого качества. Подтверждением, например, служит то, сколько места отводит исламу вообще и Османской империи в частности Гийом Постель в своем замечательном труде «О согласии во всех землях» («De orbis terrae concordia»), изданном в 1544 году.

Постель вернулся во Францию из своих поездок на Ближний Восток с большой коллекцией ценных арабских, сирийских и армянских рукописей. Он был профессором в Коллеж де Франс и, недолго, членом ордена иезуитов (откуда его изгнали). Кроме прочего он опубликовал трактат по сравнительному языкознанию и арабскую грамматику, с намерением использовать изложенные в них сведения для приближения своего утопического идеала: создания всемирной цивилизации и религии.

Имея свободный доступ к текстам Библиандера, Постель тем не менее полностью отверг его точку зрения, тем самым произведя настоящую революцию в методологии. В то время как до этого в ходе полемик подчеркивались различия между христианством и исламом, а все сходства или точки соприкосновения замалчивались, если не утаивались, подход Постеля был прямо противоположным. Это неизбежно заставило его поставить под вопрос качество латинских переводов Корана, которое он мог проверить сам, благодаря своим превосходным лингвистическим познаниям. Понимание текста Корана в итоге улучшилось, но возникли осложнения из-за его трактовки, и поэтому языковеды постоянно ставили под вопрос достижения Постеля.

Неудивительно, что Постель навлек на себя критику и порицание со всех сторон; образованный Анри Этьенн назвал ученого «мерзким чудовищем» (monstre execrable) из-за его «симпатии» к исламу. Кроме того, сравнения, проводимые Постелем между исламом и христианской церковью, породили набор доводов в пользу закона Пророка. Развивая свой тезис о сходстве между исламом и протестантизмом, он утверждал о

существовании некоего «кальвинотуркизма» и связывает его с поиском вселенской гармонии. Одни исследователи считают, что Постеля вдохновляла работа Николая Кузанского «О согласии веры»), другие же видят в нем предтечу более поздних философов, таких, как Руссо и Кант. Символично, что именно в это время открылся Триентский собор, который, как ожидалось, должен был объявить новый крестовый поход-контрнаступление против турок-османов, а кроме того, принять решение относительно протестантской церкви: проклясть ее либо с ней примириться.

Был ли труд Постеля «прорывом» в будущее из мира, не готового еще непредвзято взглянуть на «врага креста» (inimicus crucis), или же случайным плодом необычайной эрудиции, мысли неудержимой, поразительной, но несколько маниакальной? Возможно, ни то и ни другое. При анализе контекста, в котором был создан трактат «О согласии во всех землях», возникает чувство, что Европа была уже готова сделать решительный шаг вперед в объективном понимании ислама. Постель несколько раз возвращался к вопросу о турках, например, в опубликованном в 1560 году трактате «О Турецкой Республике» («De la Republique des Turcs»).

В Испании, где идеологическая борьба с исламом была лишь одним из способов давления на насильно обращенных в христианство мусульман, морисков, кардинал Франсиско Хименес де Сиснерос, архиепископ Толедо и великий инквизитор Испании приказал отыскать все арабские рукописи и сжечь их на центральной площади Толедо. Однако подобные меры, видимо, оказались недостаточными, поскольку все шире распространялись антимусульманские памфлеты. Так, в Севилье в 1540 году была поставлена оперетта «Неразбериха» («Confusion») некоего Хуана Андреаса, который называл себя бывшим мусульманским законоведом, но на самом деле пользовался этим, чтобы придать весомость традиционным доводам христиан. Настойчивость, с которой распространялись подобные клеветнические сочинения, доказывает, что верили им с трудом, благодаря наличию опровергавших их достоверных сведений.

Первый нелатинский (итальянский) перевод Корана был опубликован в 1547 году в Венеции, городе, возможно, более других открытом для контактов с турецким миром. Как обычно, в основе лежал латинский перевод Роберта Кеттонского, сильно сжатый и обработанный, хотя и утверждалось, что новый перевод сделан прямо с оригинала. Издатель итальянского перевода Андреа Арривабене посвятил его Габриелю Пюэтцу, барону д'Арамону, новому послу Франции при султанском дворе, который по требованию своего суверена проводил политику сближения с Блистательной Портой. Письмо-посвящение Арривабене барону д'Арамону сопровождается обычной краткой историей Аравии, описанием жизни Пророка и ислама. Содержание текста привычное: ислам — христианская ересь, месиво противоречий, учение, позволяющее половые излишества. Вновь перед нами непонимание и предрассудки. Однако рост посвященных исламу публикаций ясно указывал на интерес к нему, который рано или поздно должен был принести плоды.

Конфликт между католиками и протестантами, выражавшийся то в стремлении организовывать новые крестовые походы, то во взаимном обвинении в происламских тенденциях, на всем протяжении XVI и XVII столетий сопровождался развитием арабистики, тюркологии и исламоведения, которые в следующем столетии станут подлинными науками. Важный вклад внес и Постель своей книгой «История и размышления о происхождении, законе и костюме татар, персов, арабов, турок» опубликованной в 1560 году в Париже.

Конечно, и в книгах таких знаменитых авторов, как Гроций, Ботеро и Баронио, встречаются неясные места и ошибки (возможно даже неслучайные); непросто было преодолеть давно сложившуюся полемическую традицию, и потому лишь немногие авторы писали об исламе, не пытаясь (насколько это было возможно) доказывать ложность его доктрин. Устойчивые заблуждения и недостаток информации заметны и позже, в работах таких авторов, как Блез Паскаль, который задавался вопросом о том, содержит ли Писание предсказания о появлении на земле пророка Мухаммеда (демонстрируя свое незнание споров вокруг знаменитого предсказания о «небольшом роге» из Книги Даниила), каким моральным принципам следовал Мухаммед и творил ли он когда-либо чудеса: между тем Паскаль мог узнать, хотя бы из книг Постеля, что в Коране утверждается: Пророк ничего общего не имеет с тем измерением, где происходят чудеса.

Тем временем становилось все больше настоящих специалистов-востоковедов. В 1613 году Эрпений, или Томас ван Эрпен, профессор восточных языков Лейденского университета, опубликовал арабскую грамматику; в 1639 году Эдвард Покок, профессор Оксфордского университета, написал работу «Опыт истории арабов» («Specimen historiae Arabum»); арабист Иоганн Готтингер, преподававший вначале в Цюрихе, затем в Гейдельберге, составлял книги по грамматике, словари и антологии источников; Джибраил ас-Сихйауни (Гавриил Сионит) был арабистом в Риме; сириец Йусуф ас-Сим'ани (Симон Ассемани) при Папе Клименте XII заведовал Ватиканской библиотекой и составил «Восточную библиотеку» («Bibliotеca Orientalis»); Ибрахим ал-Хакилани (Авраам Эккелийский), историк и философ, создал «Синопсис основных положений» («Synopsis propositorum»), изданный в 1641 году. В становление науки о Востоке неоценимый вклад внесли путешественники и образованные авторы дневников — например, римлянин Пьетро делла Валле. Формировалась и историография стран Востока, прежде всего входивших в орбиту Турции, что можно наблюдать по работе Джованни Сагредо «Исторические заметки об османских султанах» («Memorie istoriche de' monarchi ottomani»), изданной в 1677 году в Вене.

Поражение турок под стенами Вены в 1683 году стало кульминацией «страха перед турками» (Türkenfurcht), не дававшего покоя Западу мусульманского кошмара, и началом его конца. Теперь к исламу и к истории Османской империи можно было подойти более объективно. Не было недостатка, разумеется, и в подходах эмоциональных. Многие утверждали, что победа христианских армий была знамением божьей милости, потоком хлынули сочинения, посвященные обращению неверных: считалось, что оно должно пойти быстрее, поскольку Бог наказал мусульман за дерзость. Так утверждал Тирсо Гонсалес де Санталья в своем «Руководстве к обращению магометан» («Manuduction ad conversionem mahumetanorum»), опубликованном в Мадриде через четыре года после победы под Веной. Отступление страха и постепенное затухание споров, веками подпитывавших полемическую литературу, способствовало появлению в конце XVII века монументального труда Лодовико Марраччи, монаха из города Лукка. Он сделал точный и полный перевод Корана на латинский

язык и снабдил его непредвзятыми комментариями; и «Полный текст Корана» («Alcorani textus universus»), и «Опровержение Корана» («Refutatio Alcorani») были отпечатаны в Падуе в 1691 и 1698 годах соответственно.

В 1697 году, через два года после смерти автора, Бартелеми д'Эрбло, в Париже была издана «Восточная библиотека» («Bibliotheque Orientale») вместе с «Рассуждением» («Discours») Антуана Галлана. Это положило начало систематическому изучению ислама.

Тюркология, которая должна была бы идти рука об руку с арабистикой и исламоведением, немного запаздывала в развитии. Но, тем не менее, она развивалась на протяжении всего восемнадцатого столетия, и в 1794 году в Риме было опубликовано замечательное исследование под названием «Начала турецкой грамматики для миссионеров Апостольской церкви в Константинополе» («Principii della grammatica turca ad uso dei missionari apostolici a Costantinopoli»), написанное Козимо де Карбоньяно, переводчиком дипломатической миссии Неаполитанского королевства в Константинополе. Вскоре после этого работы Абрахама Гиацинта Анктиля дю Перрона положили начало изучению Персии, а труды доминиканского священника Маурицио Гарцони — изучению курдов.

Закат полумесяца

В первой половине XVII века упадок Османской империи казался еще далеким (если вообще реальным): Стамбул был столицей по-прежнему грозного, огромного по размерам государства. И тем не менее Западная Европа уже обгоняла Турцию в своем развитии, в первую очередь благодаря промышленному превосходству; Османской империи оставалось лишь пассивно наблюдать за этими переменами. Предоставленные европейцам — особенно французам, голландцам и англичанам — в большом количестве капитуляции, то есть льготы, в экономической, финансовой и таможенной сфере превратили Турцию в страну с «зависимой экономикой», и эта ситуация была необратимой. Султанская казна раздувалась за счет поступлений от капитуляций, но собственной буржуазии в империи не появлялось. В турецком обществе постоянно возрастал разрыв между богатейшей военной и земельной аристократией и все более беднеющим городским и сельским населением. Тонкой прослойки среднего класса, состоявшего из земледельцев, купцов (ограниченных в своих возможностях и лишенных соответствующих финансово-кредитных инструментов), лавочников и ремесленников, было недостаточно для создания экономики, способной конкурировать с европейскими.

Первое время, перед лицом все более настойчивого давления со стороны Европы, турецкое правительство еще пыталось овладеть современными методами производства ради обеспечения собственных потребностей, но создать экономические инструменты и технологии собственными силами ему не удалось; пришлось прибегнуть к услугам европейских торговцев, финансистов и инженеров. Чиновники, разбросанные по обширным просторам империи, становились все более алчными и недееспособными; слепая и непродуманная система сбора податей, унаследованная еще от Византии, душила любую деловую инициативу, так что подкуп чиновников становился единственным средством избежать грабительских налогов.

На рубеже XVI и XVII веков Блистательной Порте, казалось, удалось навести порядок в своих отношениях с европейскими державами. В 1580 году был заключен прочный мир с Испанией, а новая война с Австрией на Балканах завершилась в 1606 году уступкой туркам Трансильвании в обмен на их отказ от взимания дани с Венгрии. Но юный султан Мурад IV, чье правление породило было надежду на успех и процветание, неожиданно скончался в 1640 году, вскоре после победы над своим главным противником на Востоке, шахом Аббасом, победы, которая сделала его хозяином Азербайджана и Грузии.

Восточный конфликт мог обернуться для Мурада полной катастрофой, если бы европейцы предприняли попытку нового наступления. Действительно, казалось, что в Европе намечаются какие-то действия, инициатива которых исходила от французского королевства. Во втором десятилетии XVII века Ришелье, а также его секретарь и советник, монах-капуцин отец Жозеф, одобрили и отстаивали перед Папой идею крестового похода, выдвинутую Карло Гонзага, герцогом Неверским. Сам герцог, по отцовской линии являвшийся внуком княгини из рода Палеологов, последних императоров Византии, замыслил предприятие, которое должно было возвести его на трон предков. Греки Морей, страдавшие от турецкого гнета, отправили послов к этому потомку греческих императоров, заявляя о своей готовности к восстанию; Венеция была готова поддержать их. Успешный крестовый поход был необходим и недавно занявшим французский престол Бурбонам, заинтересованным в том, чтобы все забыли об их гугенотских корнях: не случайно в 1611 году кальвинист Жак Бонгар посвятил юному королю Людовику XIII роскошное двухтомное издание «Деяний Бога через франков», хроники первых крестовых походов.

Готовясь к новому крестовому походу, отец Жозеф написал «Туркиаду», огромную поэму из 4637 строк, и завязал активные дипломатические контакты с Ватиканом, савойским двором и с испанскими Габсбургами. Но начавшаяся Тридцатилетняя война сорвала все достигнутые договоренности. Если для Блистательной Порты европейский конфликт стал спасением, то турецко-персидская война оказалась не меньшей удачей для европейцев, которым иначе грозило турецкое нашествие. Кроме того, она же воспрепятствовала воюющим между собой европейским странам открыто или тайно заключать союз с султаном, как это часто случалось веком ранее.

С другой стороны, ни одна католическая средиземноморская держава — о прочих странах необходимо говорить особо — не могла уклониться (по крайней мере, теоретически и официально) от участия в борьбе с Турцией и берберскими пиратами. Для Папы, императора, испанского и французского королей, Венецианской республики это было реальной помехой в их политической и дипломатической активности, но одновременно и возможностью создавать трудности для своих соперников.

На деле же все стремились найти почву для договоренности и формулу мирного сосуществования. И возможно, последним действительно «пророческим» голосом, который громко и ясно говорил о главных целях крестовых походов: война против турок и обновление мира, — был голос Томмазо Кампанеллы. Он развил эту мысль сначала в своем трактате «Об испанской монархии», написанном в 1600 году, в тюрьме неаполитанского замка Кастельнуово, а затем в «Эклоге», сочиненной в 1638 году по поводу рождения дофина Франции, которого Кампанелла превозносил как «величайшую надежду христианского мира» (orbis christianum Summa Spes). Впоследствии дофин станет Людовиком XIV, «королем-Солнце» (этот эпитет, без сомнения, понравился бы пылкому калабрийскому монаху). Не стоит слишком отвлекаться на рекомендации Кампанеллы по борьбе с Османской империей, несмотря на их детальную разработанность и видимые проблески стратегической гениальности. В тот момент, когда Фра Томмазо создавал свои произведения, его ни в коей мере не интересовали ни реальный расклад политических сил, ни историческая ситуация. Его предложения следовали исключительно логике обновления мира (renovatio saeculi).

Длительный период относительного затишья на Средиземном море, после заключения турецко-венецианского перемирия (1573) и турецко-испанского перемирия (1580) резко оборвался в 1645 году, после того, как турки начали мощное наступление на остров Крит, венецианскую «Кандию». Но сопротивление венецианцев, нанесших ряд тяжелых поражений армии султана, привело к бунту янычар, которые свергли султана Ибрагима

I и возвели на престол десятилетнего Мехмеда IV, оказавшегося заложником интриг и борьбы придворных партий. Это был удобный момент для того, чтобы окончательно сломить могущество Османской империи, учитывая, что только что закончилась Тридцатилетняя война и Вестфальский договор, подписанный в том же самом 1648 году, предусматривал возможность присоединения к нему любого государства, кроме Турции. Таким образом, складывались предпосылки взаимотерпимости среди христиан (mutua inter christianos tolerantia) для осуществления идеи мира между христианами (pax inter christianos), которая еще со средневековья считалась непременным условием для крестовых походов.

В 1656 году венецианская эскадра одержала памятную победу при Дарданеллах. На некоторое время все поверили, что с Османской империей уже покончено. Но новый великий визирь, албанец Мехмед Кёпрюлю, сумел навести в ней порядок, уничтожив очаги заговоров и коррупции при дворе и безжалостно призвав к порядку непослушных янычар. Он твердой рукой проводил политику, направленную на оздоровление налоговой системы, и добился перелома в войне с Венецией, отвоевав у нее острова Лемнос и Тенедо. Сын великого визиря Ахмед, унаследовав должность отца, продолжил его дело.

Тем временем турецкое правительство объявило низложенным своего вассала, князя Трансильвании, Георгия II (Дьердя) Ракоци, назначив на его место более приемлемую для Турции фигуру. Ракоци отказался уйти; последовало наступление турецких войск под командованием паши города Буды, после чего венгры были вынуждены обратиться за помощью к венскому двору, от которого они ждали поддержки в трансильванском вопросе. Император Леопольд I послал туда армию, которая, однако, была почти полностью уничтожена; в ходе контрнаступления турки опрокинули австрийские войска, оттеснив их в северо-западную часть Венгрии. Когда в сентябре 1663 года турки подошли к Пресбургу, уже сама Вена оказалась в опасности и император обратился за помощью ко всему христианскому миру.

На сей раз не смог уклониться даже король-Солнце, который постоянно напоминал о заслугах Франции в крестовых походах, но в международных делах принимал сторону Турции. К австрийской армии присоединился крупный французский экспедиционный корпус, и 1 августа 1664 года объединенное христианское войско под командованием австрийского фельдмаршала графа Раймунда ди Монтекукколи в сражении при Сен-Готарде на реке Рааб разбило полчища великого визиря.

Успех великой победы был отчасти сведен на нет заключенным в Вашваре двадцатилетним перемирием, благодаря которому турки не только сохранили все свои завоевания, сделанные до 1660 года, но и получили возможность с новыми силами возобновить борьбу за Крит, которая завершилась в 1669 году его захватом.

Поражение в войне за Крит, казалось, перечеркнуло успех победы при Сен-Готарде. В привычной уже обстановке, когда обе стороны с переменным успехом вели борьбу на Балканах и в восточном Средиземноморье, могло показаться, что относительное равновесие складывается под влиянием не истинного соотношения сил, а идеологических факторов и активности дипломатов. На деле же австрийский император проявлял чрезмерную мягкость в отношении Блистательной Порты (что вызвало много резкой критики в его адрес). Не за горами был новый политический кризис, связанный на сей раз с борьбой за «испанское наследство». Идиллии в австро-французских отношениях, возникшей под знаком крестовых походов и победы при Сен-Готарде, не суждено было продлиться долго.

Последний Великий Страх

Новый кризис, вызвавший возобновление военных действий, явился следствием турецкой военной кампании против Польши. В июле-сентябре 1683 года войска под командованием Великого визиря Кара Мустафы осадили Вену. В то же самое время войска Короля-Солнце, на основании решения его присоединительных палат, аннексировали Эльзас, Лотарингию, Саарскую область, Люксембург и захватили принадлежавшие Испании Нидерланды. В результате Людовик XIV, даже несмотря на отчаянные призывы Папы римского, отказался предоставить какую бы то ни было помощь городу на Дунае, осажденному мусульманами.

Осада Вены не входила в планы султана Мехмеда IV: его отговаривали от нее и крымский хан, и паша Буды — военные действия против столицы австрийских Габсбургов могли вызвать ответную реакцию всего христианского мира. Кара Мустафа же имел неосторожность поддаться на уговоры про-турецки настроенной венгерской аристократии, прельщенный, вне всякого сомнения, перспективой легкой победы или богатой добычи. С другой стороны, даже располагая пятидесятитысячным войском, командующий имперскими войсками Карл Лотарингский не решался противостоять противнику без подкреплений, которые должны были подойти из Германии и Польши.

Но героическое сопротивление осажденных, умелое командование Рюдигера фон Штаремберга и пылкие проповеди монаха-капуцина Марко д'Авиано позволили герцогу Лотарингскому и королю Польши Яну Собескому во главе объединенного войска поляков, саксонцев и баварцев пройти через венский лес и 12 сентября разгромить противника в битве при Каленберге. Крылатые панцирные гусары Собеского в тот день предстали ангелами мщения, посланными избавить город. «Fuit homo missus a Deo cui nomen erat Johannes» («Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн» — Евангелие от Иоанна, 1:6) — этими словами короля Польши восхваляли в гимне Te Deum («Тебя, Бога, хвалим»), который в его честь пели во всех церквях католического мира.

Разгром был полным и сокрушительным. Визирь бежал с поля боя, оставив победителям богатейшую добычу; чуть позже, когда он стал лагерем близ Белграда, янычары задушили его при помощи шелкового шнурка, специально присланного султаном.

За неожиданным успехом под Веной, вызвавшим восторг и воодушевление всего христианского мира, сразу же последовало наступление, которое заставило Мехмеда IV отречься от престола. Новый султан, Сулейман II, под натиском имперских, русских и венецианских войск был вынужден отступить на всех фронтах, от Азовского моря до Балкан и Эгейского моря. Именно тогда, в сентябре 1687 года, от попадания венецианских ядер взлетел на воздух афинский Парфенон, который турки превратили в пороховой склад. И только возобновление военных действий между Леопольдом I и Людовиком XIV помешало поставить Османскую империю на колени — может быть, уже окончательно. Султан понял, что дальше тянуть нельзя: надо вести переговоры о длительном перемирии, которое на деле означало для него поражение. По условиям заключенного 26 января 1699 года на 25 лет Карловицкого договора, к империи Габсбургов отходили вся Венгрия (кроме Баната), Трансильвания, Хорватия и Славония. Венеции досталась Морея и большая часть Далмации, Польше — Подолье.

В это время уже намечался исторический поворот. Рядом с тремя великими империями (двумя мусульманскими — турецкой и персидской, и одной христианской — австрийской), на евразийскую арену выходила еще одна, четвертая, не скрывавшая своих амбиций. То была московская держава Романовых, которую интересовали области, прилегающие к Черному и Каспийскому морям, Кавказ, а также Средняя Азия и район Средиземного моря, выйти к которому в Москве рассчитывали двумя путями: морским — через Дарданеллы, и сухопутным — через Балканы. С этой целью Россия разыгрывала различные карты. По отношению к славянским народам она представала защитницей их от турецкой угрозы и немецкого господства; в отношении православных христиан — законной наследницей Византии и хранительницей восточной христианской духовности в условиях османской тирании и экспансии католического Рима. С этим был связан также большой интерес Москвы к Иерусалиму и Святой земле: цари Всея Руси постепенно давали понять турецким султанам, что их следует воспринимать как полноправных наследников константинопольских василевсов и, следовательно, как защитников православного населения на этих территориях (миллет). Власть внутри православной общины принадлежала греческим священнослужителям — подданным Блистательной Порты, а население состояло в основном из верующих арабского происхождения. Все это породило сложную систему «трехсторонних» противостояний и союзов: австрийцы, русские и турки на Балканах; турки, русские и персы на Кавказе; французы, русские и турки в Стамбуле и Иерусалиме, где претензии России нарушали старую традицию, согласно которой Франция считалась покровительницей христиан на всем Востоке.

Царь Петр не захотел присоединиться к Карловицким соглашениям, и только в 1700 году признание прав России на крепость Азов убедило его на время отказаться от роли защитника православной церкви на Балканах. Однако через несколько лет война вспыхнула снова вследствие целого ряда перекрестных провокаций: с одной стороны, русский царь не переставал подстрекать православных на Балканах к выступлениям, с другой стороны, заклятый враг царя, шведский король Карл XII, который после поражения под Полтавой в 1709 году укрылся в Турции и стремился к реваншу, постоянно побуждал султана реагировать на русскую угрозу. Престарелый французский король, со своей стороны, старательно раздувал полупогасшее пламя. Военные действия обернулись поражением для Петра: его войска были окружены на берегах Прута, и ему пришлось согласиться на унизительный мир, с выплатой огромной денежной суммы и уступкой Азовской крепости.

После победы над русскими турки снова поверили в свои силы; результатом явилась новая война с Венецией. Теперь турки нацелились на остров Корфу, который Венеция, благодаря его мощнейшим фортификационным сооружениям (ingens opus Corcyrae — «мощные укрепления Керкиры»), считался ключом к Адриатическому

морю. Оборонительная система Корфу была центральным звеном всей обороны Венецианской республики на Востоке. Но война привела к завоеванию турками Коринфского полуострова и захвату укреплений, которые после 1669 года Венеция еще сохраняла на острове Крит. Столетием позже Байрон посвятил этим событиям свою длинную и путаную поэму «Осада Коринфа».

Вступление в войну Австрийской империи коренным образом изменило ход событий: 5 августа 1716 года в сражении при Петервардене принц Евгений Савойский разбил численно превосходившие его армию турецкие войска. Это была одна из важнейших битв в мировой истории. Путь на Белград был снова открыт, и уже через год город был занят имперскими войсками. Пожаревацкий мирный договор (1718) официально закрепил победы союзников. Венецианскому льву пришлось выпустить из своих когтей Морею и греческие острова, зато австрийскому орлу достались Банат, часть Старой Сербии с ее исторической столицей и Малая Валахия.

Тем не менее игра еще не была окончена. Блистательная Порта прекрасно понимала, что христианские державы, двигавшие свои фигуры на балкано-адриатической шахматной доске, рано или поздно столкнутся между собой, и из взаимного соперничества австрийцев, русских и венецианцев можно будет извлечь немалую выгоду. Тем временем Россия проявляла все больший интерес к своим кавказским границам, что неизбежно вело ее к столкновению с персидским шахом, еще одним постоянным противником султана. В 1722–1723 годах русские предприняли экспедицию на Кавказ, которая вызвала волнения среди армян в горных областях Карабах и Сивник и подтолкнула их к восстанию во главе с Давидом Беком; это выступление было жестоко подавлено. В 1725–1727 годах военно-дипломатическое урегулирование между Турцией и Россией привело к почти полному подчинению турками Закавказья, но тремя годами позже персам удалось свести на нет турецкие достижения.

В 1730 году, накануне очередного похода в Персию, обозленные задержкой жалованья янычары снова взбунтовались и возвели на престол султана Махмуда I, который в течение своего царствования, разумеется, аккуратно выплачивал войскам жалованье. Но султан не ограничился этим и приступил к реформам. Он пытался организовать постоянную защиту границ империи: строил крепости, ставил на границах постоянные гарнизоны. Кроме этого, он прибег к услугам талантливого и знающего Бонневаля (Ахмед Хумбараджи-паши), который в 1734 году основал в Стамбуле Инженерную школу для подготовки артиллеристов на современном уровне. Это позволило избавиться впредь от услуг иностранцев, в том числе перебежчиков из европейских стран. Пятью годами ранее, в 1729 году, в Стамбуле была открыта типография и вышла первая печатная книга на турецком языке. Однако семена упали на неподготовленную почву. Действительно, ни артиллерийская школа, ни типография не смогли долго противостоять защитникам мусульманских традиций, которые в первый момент ограничились лишь запретом на печатание Корана (из типографии могли выходить только светские книги), а затем добились ликвидации обоих прогрессивных начинаний. С другой стороны, все те же враждебно настроенные янычары помешали Бонневалю довести до конца военные реформы, распространить их на все виды вооруженных сил. Как бы то ни было, благодаря дружбе Бонневаля с французским послом в Стамбуле маркизом Вильнёвом, французско-турецкое дипломатическое и военное сотрудничество значительно расширилось. Но в великолепном Стамбуле уже наступал закат «эпохи тюльпанов» (Lale Devri): близилась эра многочисленных реформаторских попыток, для которых был необходим длительный мир. Это привело к заключению в 1733 году «вечного» мира.

Тем не менее, вновь вспыхнувшая война Турции с Россией и Австрией явилась результатом объективно сложившейся ситуации, а не французских интриг. Турки были обеспокоены политикой России в Польше, в связи с войной за польский престол, русские же снова нацелились на Азов и Крым. Заключенное в 1726 году соглашение обязывало императора Карла VI, который тем временем потерпел ряд военных неудач в Италии и в Германии, выступать на стороне России. Но реформы Бонневаля, явно принесли свои плоды: в 1737–1739 годах Австрия и Россия понесли несколько поражений и вынуждены были подписать Белградский договор, Белград возвращался туркам, а на Балканах восстанавливалось положение, существовавшее до подписания Пожаревацкого мира; за Австрией остался только Банат. Россия сохранила Азов, но обязалась снести его укрепления, и всем ее судам, включая торговые, воспрещалось плавание по Черному морю.

Во время мирных переговоров султан постоянно пользовался поддержкой французского правительства и такого великолепного дипломата, как маркиз Вильнёв. Вознаграждая Францию за посредничество, Блистательная Порта в 1740 году возобновила действие капитуляций (особых льгот) в отношении Иерусалима: отныне из временных они превращались в постоянные. Султан Махмуд I, выступая также и от имени своих преемников, впервые зафиксировал турецкие обязательства в полноценном дипломатическом договоре. В частности, он гарантировал, что «франкские» священнослужители, обосновавшиеся в Святом Городе и его окрестностях, больше не будут терпеть притеснений, и что христиане могут беспрепятственно ремонтировать культовые здания, если соответствующие запросы будут исходить непосредственно от посла Франции.

Но как бы то ни было, грандиозный дипломатический триумф в Белграде оказался последним проявлением турецкого могущества. Прогрессивные реформы были прерваны, в том числе из-за яростных возражений мусульманских юристов и богословов. В то же время политическая ситуация в центральной Европе давала заинтересованным державам все новые поводы для агрессии против Турции.

В 1768 году крупные волнения в Польше, вызванные русским вмешательством в польские дела, заставили Екатерину II послать войска в эту многострадальную страну. Многие польские повстанцы, которых направляла и поддерживала Франция, искали спасения в турецких землях, где, будучи верными католиками, они вновь находили поддержку и защиту короля Франции; русские войска без малейших колебаний преследовали их и на турецкой территории.

Это и явилось поводом к войне — хотя, возможно, и непреднамеренным, — со стороны российского правительства. Как обычно, Франция продолжала подливать масло в огонь оскорбленной турецкой гордости; вспыхнувшая война только подтвердила, что передовые реформы Бонневаля еще не успели пустить корни. Хотя

у турок имелось великолепное шестидесятитысячное войско (не считая конницы союзников-татар), они потерпели поражение, а их флот на Черном море был уничтожен. В то время как русские войска, вторгшись в Молдавию и Валахию, встречались как освободители православным населением (но не боярами — вассалами Порты), агенты императрицы колесили по Греции, подталкивая и там христиан к выступлению. Война продолжалась, несмотря на предложение посредничества со стороны прусского короля Фридриха II, — который, встревоженный слишком большими успехами русских, в 1772 году организовал первый раздел Польши, — и прекратилась только из-за того, что Екатерину обеспокоил начавшийся пугачевский бунт.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор, подписанный 21 июля 1774 года, закреплял победу России: ей пришлось очистить Молдавию, Валахию и Бессарабию, зато она окончательно приобретала Азов и все земли между Днепром и Бугом, получила для своих судов право на плавание по Черному и Средиземному морям и добилась от Порты признания автономии Крымского ханства и дунайских княжеств: то был первый шаг на пути их вхождения в сферу русского влияния. Но было и нечто большее: впервые страна-победительница вмешалась в дела политического и государственного устройства побежденной страны, заставив султана взять на себя обязательство осуществить реформы, направленные на «модернизацию» и «европеизацию».

Кроме этого, Россия получила разрешение на строительство православной церкви в Стамбуле, в квартале Галата. Императрица также признавалась защитницей христианского населения на всей территории Османской империи: этот титул исторически принадлежал, по крайней мере начиная с XVI века, королю Франции.

Религиозно-правовой аспект договора являлся намного более важным, чем это может показаться на первый взгляд. Императрица была прекрасно осведомлена о том, насколько сильны и престижны позиции, занимаемые Францией в Святой Земле, и теперь намеревалась играть в Турции ту же роль в отношении православных, что французский король играл в отношении католиков. По этому же договору она получала право говорить от имени православных греков, проживавших на островах Эгейского моря, и от имени православных христиан Молдавии и Валахии. Другие статьи этого договора, хотя и в сильно завуалированной форме, распространяли на Россию те же привилегии, которые капитуляции признавали за Францией и Англией: российская самодержица становилась покровительницей православных на всем Ближнем Востоке. Под предлогом защиты христиан в Святой Земле, началось соперничество между Россией и Францией (между католиками и православными) за господство над христианскими общинами в почти обезлюдевшем, разрушенном Иерусалиме, которые влачили жалкое существование. Русско-турецкие протоколы явно противоречили другим соглашениям, заключенным ранее султаном и его предшественниками, особенно с Францией. Совершенно очевидно, что эту «ошибку» обе стороны допустили намеренно, хотя и с разными целями. Для России было важно нарушить монополию западных держав; Турция же была заинтересована сделать все возможное, чтобы спровоцировать среди европейцев вражду и вызвать конфликт между ними.

Так или иначе, мечта Екатерины II создать империю, которая простиралась бы от Балтики до Средиземного моря и от Греции до Каспия, уже начала осуществляться во всех отношениях — политическом, военном и религиозном. Для этого, однако, нужно было договориться по крайней мере с Австрией, союзником-соперником в экспансии на Балканах, и разыгрывать одновременно две карты: славянского единства и свободы для православной веры. В 1780 году Екатерина II встретилась с австрийским императором Иосифом II. За этим последовал договор 1781 года, который, в сущности, уже был проектом раздела турецкой империи — проектом совершенно иного масштаба, чем раздел Польши. Россия присоединяла Крым и северный берег Дуная, создавая под своей эгидой независимую Дакию, границы которой еще не были точно определены; правителем ее предполагалось сделать фаворита императрицы князя Потемкина. Австрия получала Боснию, Сербию и часть Далмации; Венеция возвращала себе Кипр и Морею. А если бы удалось изгнать султана из Стамбула, то город снова стал бы Вторым Римом — Константинополем, и возродившейся византийской империей правил бы внук царицы Третьего Рима, князь Константин (имя, выбранное с умыслом). Между тем, готовя почву для новой войны, русские вели тайные переговоры с крымскими татарами и старались усилить свое влияние в Грузии.

План Екатерины не был настолько уж безрассудным. Если бы он удался, а он мог удаться, это коренным образом и, может быть, надолго изменило бы расстановку сил в Европе. Непредсказуемо на сей раз повел себя султан Абдул-Хамид I, который в 1787 году начал настоящую превентивную кампанию против России, которая застала императрицу врасплох: ее войска были не готовы к войне. Позорный Кючук-Кайнарджийский мир, ущемивший турецкую гордость, и понимание того, что вооруженные силы Турции неспособны к современной войне из-за ее технологического и производственно-экономического отставания от Европы, вновь сделали актуальными те идеи, которые противники Бонневаля и сторонники мусульманских традиций похоронили в сороковые годы. Как ни парадоксально, но русские требования насчет перемен в общественном и государственном устройстве Турции — ненавистные для турок, так как они были навязаны «неверными» в рамках грабительского мирного договора, — на деле стали основой для возрождения империи. Симптомом и даже символом этого возрождения стала вновь открывшаяся типография, где печатались книги на турецком языке. Султан, благожелательно относившийся к реформам, приказал снова открыть основанную Бонневалем артиллерийскую школу, на сей раз под руководством барона де Тотта; одновременно во Франции закупались новые пушки, а французские инженеры Ле Руа и Дюире восстанавливали и модернизировали военно-морской флот.

Новый турецкий флот и плохая погода объединились, нанеся поражение русской эскадре на Черном море, а войска императора Иосифа, который в соответствии с договором 1781 года пришел на помощь императрице, были разбиты в Сербии. Турки вновь захватили Банат, и после нескольких тяжелых и безрезультатных военных кампаний новый император Леопольд I был вынужден пойти на сепаратный мир (1791). Оставшись одни, русские, в свою очередь, через несколько месяцев подписали Ясский мир, получив, по крайней мере, Бессарабию — часть Молдавии, расположенную на западном берегу Днестра. «Философы», уже предрекавшие скорый и неизбежный конец османского деспотизма и, следовательно, мусульманского «фанатизма», на сей раз ошиблись. К тому же Франция и Англия, со своей стороны, были против исчезновения Османской империи; их

не устраивало то, что на смену ей придет могущественная российская держава, которая контролировала бы Проливы и все Восточное Средиземноморье, господствуя надо всем православным миром и регулируя с выгодой для себя экономику и торговлю в районе Черного моря, на Балканах и на венецианских островах.

Народы и их верования во всех этих расчетах и сложных политических, дипломатических и военных маневрах не учитывались. Население территорий от Дуная до Крыма было вовлечено в постоянное перекраивание границ, выступая лишь в качестве предмета спора. Православные народы, сознавали они это или нет, рассматривались лишь как предлог для осуществления имперской политики России; мусульмане же, казалось, не существовали для европейцев, считавших их последователями «фанатической» веры, которая неминуемо должна была исчезнуть под неодолимым напором прогресса и разума.

Казалось, дела именно так и обстоят. В действительности же все оказалось иначе.

Турецкие мотивы

«Как думаешь, доберутся ли в этом году турки до Италии?» Это реплика из комедии Макиавелли «Мандрагора». В 1814 году Джоаккино Россини сочинил комическую оперу «Турок в Италии», название которой явно позаимствовано из Макиавелли. Между первым и вторым «турком в Италии», однако, имеется промежуток в три века — и каких: шестнадцатый, семнадцатый и восемнадцатый! В течение этих трех столетий страх перед турками (Türkenfurcht) и турецкий вопрос (Türkrnfrage) были фоном всех событий в районе Средиземноморья, которые происходили под грозной тенью полумесяца: свидетельство этому — многочисленные сторожевые башни, разбросанные по всему побережью от Испании до островов Эгейского моря. Берега Азии и Африки, от Фракии до Марокко, также были усеяны сторожевыми башнями: это говорит о том, что европейцы отвечали на нападения мусульман из Турции и Северной Африки по принципу «око за око». Последователи пророка, томившиеся в подземельях Ливорно, претерпевали те же мучения, что и христиане, томившиеся в подземельях Алжира.

Принято считать, что на рубеже Средневековья и Нового времени мусульмане Турции и Пиратского берега нападали, а христиане оборонялись. Почему же в таком случае турки с их тюрбанами и расшитыми рукавами превратились из героев трагедий в персонажей европейских комических опер времен Моцарта? В «Волшебной флейте» Моцарта мы видим мавра Моностатоса, в опере «Так поступают все женщины» псевдотурки носят роскошные усы, «гордость мужчины, плюмаж любви». Вспомним и типичного «левантийского» персонажа — рагузинца из исторического романа Риккардо Баккелли «Мельница на По» (1938–1940), который утверждает, играя словами, что он «полный турок в своем собственном доме».

Трудно определить, является ли так называемый ориентализм частью более широкого понятия — экзотизма, своеобразным его ответвлением, или же речь идет о двух явлениях, которые развивались параллельно. Как мы уже видели, средневековая Европа интересовалась мусульманским миром. Первое проявление этого интереса — «Легенда о Мухаммеде»; следующий этап — переводы Корана и фантастические сочинения о мире «неверных», изображаемых как «язычники» и связываемых с чудесами и волшебством таинственной Азии; и, наконец, начиная с позднего средневековья, появляются дневники купцов, дипломатов и паломников, зачастую полные точных и реалистичных подробностей. Рабы и товары, получаемые из восточных стран, тоже стимулировали интерес к Востоку, с течением времени все больше отмеченный осведомленностью и явной симпатией. Страны ислама неустранимо присутствовали в глубине сознания европейцев, подпитывая их воображение. Рабы и слуги из Азии и Северной Африки, попадавшие в средиземноморские города в XIII–XVI веках, татары, жившие в России и Польше, индийцы и обитатели Зондских островов, привезенные в Англию и Голландию, — все они рассказывали младенцам и детям постарше разные истории, рисовали им жизнь заморских стран. Фантазии европейцев были полны ковров-самолетов и ламп Аладдина (пусть даже выступавших под другими именами) задолго до того, как Галлан приспособил «Тысячу и одну ночь» для ушей, больше привыкших к «Сказкам» Перро, и до того как Ирвинг и Доре перевели дворцы, сады и фонтаны Гранады в слова и изображения, которые способно было воспринять западное сознание.

В средние века для европейцев ислам олицетворяли «арабы», «мавры» — иными словами, обитатели Африки; в XIII–XVI веках они (а также татары) все чаще и чаще выводятся в произведениях искусства, особенно в таких сценах, как путешествие волхвов в Вифлеем: это излюбленный сюжет живописцев «осени» средневековья, тяготевших к экзотизму. В пятнадцатом веке такие сцены часто включают турок в огромных тюрбанах и свободных одеяниях, страшных янычар в белых головных уборах. Это особенно свойственно живописцам северо-восточной Италии, например, Мантенье и Карпаччо. Много важных примеров такого рода можно обнаружить в позднеготической живописи и миниатюрах Франции, Испании, Германии и северной Италии.

Все чаще к европейским дворам прибывали «восточные» послы (настоящие или мнимые), вскоре став персонажами площадных представлений. Такие зрелища устраивались, например, в 1439 году, во время Флорентийского собора, а затем при понтификате Пия II; они стали популярны и способствовали развитию вкуса к экзотике в итальянском обществе того времени, которому, также как испанскому (хотя и по другим причинам), уже было свойственно неплохое знакомство с азиатским и североафриканским миром. Эти восточные гости зачастую были самозванцами, которым удавалось вытянуть небольшие денежные суммы у Папы или местного правителя, добиться пышного приема и выпросить себе подарки, после чего они исчезали со своей добычей. Тяга к таким зрелищам отражена в десятках драматических и живописных произведений эпохи Возрождения.

На этих ранних картинах мусульманские костюмы и постройки изображались неточно, и так же неточно выглядят исламские обычаи и образ мыслей в записях купцов, паломников, проповедников и риторов — несмотря на то, что, как мы видели, из уст в уста передавалось множество сведений о Востоке. Понятно, что самая точная (хоть и не всегда самая доступная) информация шла из христианских стран, больше всего открытых для контактов с «неверными»; в средние века это были Испания, Сицилия, прибрежные города Италии, а с XV по XVII век — Венеция, через которую узнавали о турках (к этому времени арабский мир уже пришел в упадок, а Персия казалась еще очень далекой).

Венеция имела особенно оживленные и тесные связи вначале с египетскими и сирийскими арабами, затем долгое время с турками и персами. Для венецианской аристократической молодежи участие в левантийских делах было возможностью набраться знаний в области экономики и финансов, отчасти политики, являясь одновременно и языковой школой.

Хотя купцы с Запада могли свободно путешествовать по дар ал-исламу, мусульманских купцов не пускали на территорию «неверных» — в дар ал-харб — до XVI века, но даже тогда передвижение их было сопряжено с ограничениями, и, как следствие, такие поездки приносили мало выгоды. В одном латинском стихотворении XI века, посвященном Матильде, маркграфине Каносской, монах Донизон сообщает о том, что в пизанском порту

можно видеть темнокожих африканцев. Нам, однако, неизвестно, описывает ли это известие (помещенное в качестве встречного обвинения, для доказательства того, что пизанцы — плохие христиане) единичный факт или обычную для тех лет ситуацию. В любом случае, мусульманские посольства в Европу — среди которых известность получили посольства из Багдада и Испании во времена Карла Великого — были редки: скорее исключение, чем правило. И только в начале XVI века было окончательно признано, что Османская империя является наследницей Византии и что турок, безусловно, следует считать торговыми и дипломатическими партнерами. Теперь персидские и турецкие послы чаще принимались при европейских дворах, возбуждая огромное любопытство в определенных кругах общества.

Турецкие купцы появляются в Венеции только после 1514 года; затем, после мирного договора 1573 года, был открыт первый торговый двор для представителей «турецкой нации» — Fondaco dei Turchi. Устройство торгового представительства неверных, которые, приезжая в Венецию, становились, таким образом, коммерческими партнерами и почетными гостями венецианцев, оставаясь в то же время «историческими врагами», не обошлось без трудностей и споров. И отчасти благодаря этому вплоть до XVII и начала XVIII века Венеция играла двойственную роль, являясь тем местом, откуда сведения о Турции поступали в Европу, а информация о европейских делах передавалась османскому двору. Правительство Венеции не раз вмешивалось в эту шпионскую активность, поощряло ее, внедряло собственных агентов и иногда относилось к шпионажу как к одному из многочисленных предметов венецианского импорта и экспорта. В 1621 году Fondaco dei Turchi на берегу канала Риальто стал слишком тесен, и был одобрен проект нового двора, крупнее по размерам, где разместились бы купцы-мусульмане из многих стран, в том числе персы; отдельное помещение было предусмотрено даже для армян.

Как следствие, в Венеции XV века знания об исламском мире стали качественно лучше. Донато да Лецце, состоявший в родстве с семейством Дзен, которое вело обширные дела со Стамбулом, составил «Турецкую историю», охватывающую XIV и XV века. Маркантонио Сабеллико, занимавшийся историей самой Венеции, проявлял особый интерес к османским делам; принимая во внимание политическую обстановку, это было вполне объяснимо. Немного позже, в 1516 году, Джован Баттиста Эгнацио обратился к турецким делам в своем трактате «О цезарях» («De Caesaribus»), а Джовио в 1531 году напечатал свой «Комментарий по поводу турецких дел». Труд Андреа Камбини «Происхождение турок и Османской империи» неоднократно издавался в 1528–1541 годах. Назовем также сочинение Бенедетто Рамберто «О турецких делах». Наконец, Никколо Дзен в своем труде «Обо всем арабском» попытался дать всесторонний обзор исламской религии и культуры, чем заслужил упоминания в «Истории турок и Турецкой империи» Франческо Сансовино. Таков культурный фон, на котором следует рассматривать перевод Корана, изданный в 1547 году в Венеции Андреа Аррибабене; за четыре года до того Библиандер завершил свою грандиозную систематизаторскую работу, увенчанную его трактатом об исламе (Базель, 1543).

Все более частое появление в Венеции настоящих послов, особенно турецких, усилило общий интерес к мусульманам, а отчасти и симпатии к ним. Естественно, говорилось, будто послы прибыли, чтобы «шпионить»; депеши, посылаемые турецкими дипломатами в Блистательную Порту, скоро прославились благодаря содержащейся в них смеси из точных наблюдений, предрассудков и заблуждений. Тем не менее, представителям султана устраивали роскошные приемы: город украшался, дипломатам показывали главные достопримечательности, оказывали им максимум внимания. Но были и причины для беспокойства; в 1594 году Авогадори де Комун (орган, призванный следить за порядком) строго наказывал каждого, кто досаждал почетным гостям.

Затем настало время великих посольств. В 1665 году Кара Мехмет-паша совершил визит в Вену со свитой в сто пятьдесят человек, а в конце 1669 года Людовик XIV принял Сулеймана-агу. Этот визит, однако, оказался унижением для короля. Сулейман, который пользовался огромным успехом в аристократических салонах, не соизволил проинформировать короля о трениях, возникших между Стамбулом и Версалем (незадолго до этого французский посол был посажен в тюрьму, а затем выслан). В своих «Воспоминаниях» шевалье д'Арвьё, хорошо сведущий в турецких делах, рассказывает, что монарх велел ему помогать Мольеру и Люлли в создании театрального произведения, где будут представлены костюмы и обычаи новых гостей короля. Результатом стала комедия «Мещанин во дворянстве», с успехом поставленная 14 октября 1670 года в Шамборском замке. Помимо всего прочего, в ней содержалась забавная сцена, где Журдену, мещанину, жалуют дворянство и (несуществующий) турецкий титул мамамуши, в то время как муфтии и вращающиеся дервиши поют на лингва-франка, похожем на итальянский:

«Mehmetta per Guirdiname pregar sera e mattinavoler fare un Paladinacon galera e brigantineper defender Palestina… dara, dara, dara…bastonara bastonara»(«Магомета господинаЯ просить за ДжиурдинаЕго сделать паладинаДать ему алебардинаИ отправить Палестина […]Ха-ла-ба, ба-ла-шу,ба-ла-ба, ба-ла-да»).

Через сто сорок три года, в россиниевской опере «Итальянка в Алжире», впервые поставленной в 1813 году — дата, важная уже сама по себе, так как совпадает с возобновлением активности берберских пиратов, — Мустафе-бею жалуют звание паппатачи: несомненная отсылка к Мольеру.

Звучали — пожалуй, более внушительно, — и другие голоса: турки, вообще мусульмане, в этом случае виделись притягательными, загадочными и полными достоинства. У Корнеля в «Сиде», написанном в 1636 году и вдохновленном драмой Гильена де Кастро «Подвиги Сида», опубликованной менее чем за двадцать лет до того, мавры изображены благородными и великодушными врагами. В 1637 году Далибре создал трагикомедию «Солиман», и Мере изобразил на сцене страшную смерть Мустафы, второго сына Сулеймана Великолепного, убитого отцом по наущению султанши Роксаланы. В 1672 году великий Расин, до того заимствовавший сюжеты из античности, создал произведение, которое сам называл смелым и современным. То было трагическое и страстное повествование о событии, происшедшем в 1635 году в Стамбуле в султанском серале: Расин натолкнулся на известие о нем в донесениях графа Сези, французского посла в Стамбуле. Речь шла об убийстве Мурадом IV своего брата Баязида, в соответствии с неумолимым османским законом о наследовании; с ним

сплеталась история о несчастной любви, попранной чести и предательстве. После Расина западное представление о серале уже никогда не было прежним. С «Баязета» ведет начало образ гарема как места, где царствуют наслаждение и смерть, на который отчасти накладывалось старое представление о мусульманском Востоке как о бурном, жестоком, чувственном мире.

Но представления европейцев о Востоке имели не только «романтическую» составляющую, если употребить термин, возникший позднее; они включали в себя также вполне практические соображения. Жан-Батист Кольбер — который в 1660-е годы поддерживал идею создания «Французской компании Китая, Индии и Леванта», — энергично содействовал преподаванию и изучению восточных языков в Королевском коллеже, служившем опорой французской политики колониализма и меркантилизма. В 1670-е годы Кольбер послал свое доверенное лицо, маркиза де Нуантеля, в страны Леванта с целым рядом непростых поручений: от переговоров по продлению капитуляций до приобретения различных предметов и рукописей. После Нуантеля подобными делами занимался Антуан Галлан, молодой знаток восточных языков (savant en langues orientales), который в 1670–1688 годах часто и подолгу путешествовал по Леванту и освоил три основных языка исламского мира — арабский, персидский и турецкий, — а вдобавок и разговорный греческий. Выполнив внушительное количество переводов, он в 1709 году стал профессором арабского языка в Королевском коллеже.

К этому времени Галлан уже перевел и издал (в 1704 году) первый том «Тысячи и одной ночи», которая с тех пор стала — хорошо это или плохо — краеугольным камнем западных представлений о Востоке. Еще до этого, в 1697 году, посмертно вышла работа другого профессора Королевского коллежа, Бартелеми д'Эрбло де Моленвиля «Восточная библиотека», с подзаголовком «Всеобщий словарь, содержащий все, что относится до народов Востока». Из французских типографий в это время лился поток рассказов путешественников, которые были также исследователями, дипломатами, купцами, археологами, коллекционерами, шпионами или миссионерами, — от Жана Тевно до Франсуа Бернье, от Жана Батиста Тавернье до Жана Шардена. С Галланом и д'Эрбло ориенталистика оформляется как отрасль науки, как определенным образом организованная область человеческого знания, включавшая различные дисциплины. А кроме того, ориентализм начинает влиять на художественные вкусы, сделавшись основным и преобладающим компонентом того явления, которое впоследствии стали определять как экзотизм.

«Энциклопедия» весьма тщательно старалась проводить различие между «Востоком», той частью Азии, что лежит к востоку от Евфрата, и «Левантом», под которым следовало понимать земли, лежащие к западу от этой великой реки. Многое из того, что впервые появилось в странах Леванта, распространилось по всему миру, не потеряв своего очарования и стало в наши дни частью повседневной жизни.

Так было, например, с кофе, которому вместе с чаем, его родственником и конкурентом, суждено было парадоксальным образом «завоевать завоевателя». Они стали разновидностью культурной вендетты, когда более слабому в военном или техническом отношении противнику удается навязать победителю что-то свое. Из Эфиопии и Аравии темный напиток распространился в Египет и Турцию, затем через Германию, Италию и Францию вторгся в Европу; возделывание кофе, кроме того, глубоко изменило сельскохозяйственный обиход Южной Америки. Чай завоевал Англию, проникнув туда из Индии, Россию и Польшу — будучи завезен из Китая и Средней Азии; в обе эти страны он пришел одновременно с юго-востока — через закаспийские тюрко-монгольские ханства, и с юга — через Персию и Кавказ. В XVII и XVIII столетиях кофе и чай спасали Европу от алкоголизма и оказали глубокое влияние на повседневную жизнь и этикет, а также на межличностные отношения.

Судьба кофе в Европе вначале была непростой. Растение распространилось там в последние двадцать лет XVI века, но пока что лишь в пределах ботанических садов. Им начали интересоваться благодаря тому, что путешественники, такие, как римлянин Пьетро дела Балле, описывали странный турецкий обычай пить густое темное варево. Разразились споры: некоторые утверждали, что кофе полезен для дыхательных путей и для пищеварения, другие же были убеждены, что он вреден для внутренних органов и вызывает импотенцию. Франческо Реди, главный медик великого герцога тосканского, признавался, что предпочитает вино «горькому и греховному кофе». После того как в 1693 году умер Кольбер, пошли слухи, будто вскрытие показало, что его желудок был сожжен этим черным ядом.

Во время своего визита во Францию — малоудачного во всех прочих отношениях — Сулейман-ага ввел моду на кофе, и вскоре она распространилась из Парижа по всей стране. В Венеции и Марселе в 1670-е годы бакалейщики охотно покупали кофе, к этому времени ставший уже дорогим товаром, и этим вызывали крайнее беспокойство виноделов и виноторговцев. Уильям Гарвей и его ученик Рамсей заявили, что кофе может стать бесценным средством против алкоголизма, который в Англии сделался подлинным социальным бедствием. Окончательное признание к этому напитку пришло после осады Вены 1683 года. Стойкая легенда утверждает, что мешки с кофейными зернами принес из лагеря Кара Мустафы некий солдат Франц Георг Кульчицкий, который открыл первую в Европе кофейную лавку; в ней кофе подслащали молоком и медом, что привело бы в ужас любого правоверного мусульманина. Также утверждается, что в обстановке бурной радости, последовавшей за снятием осады, был изобретен кипфель или круассан, сладкий рогалик, по форме напоминавший полумесяц — символ поверженного ислама. С этого времени утренний кофе обычно подавали вместе с рогаликом.

У новомодного напитка оставались и противники. Курфюрстина Баварии Елизавета-Шарлотта Пфальцская, жена французского регента Филиппа II, герцога Орлеанского, например, никогда не упускала случая продемонстрировать свое отвращение к кофе, чаю, шоколаду и всем этим новым мерзостям — во имя верности старому доброму немецкому пиву. Несмотря на то, что голландцы и затем французы в конце XVII и начале XVIII века пытались акклиматизировать кофейное дерево в различных местах, от Явы до островов Вест-Индии, образ кофе все еще был тесно связан с мусульманским Ближним Востоком, откуда этот напиток произошел: портрет мадам Дюбарри изображает ее в костюме султанши, с изящной чашечкой, из которой она отпивает кофе. В Венеции, по-прежнему остававшейся воротами на Восток, турецкие купцы в огромных белых тюрбанах и

вишнево-красных халатах заполняли кафе «Пиньятта» на площади Святого Марка. В Париже кафе «Прокоп» стало излюбленным местом «философов»; как и в Мекке несколькими веками ранее, интеллектуалы сидели ночь напролет и поглощали бодрящий напиток, обсуждая способы изменить мир. С «Персидскими письмами» Монтескье кофе окончательно получает права гражданства в литературе. «Письма» впервые были опубликованы анонимно в 1721 году в Кельне. Через несколько лет дань увлечению напитком из Аравии отдал и Иоганн Себастьян Бах в своей кантате 211 (известной как «Кофейная кантата»), высмеивающая страсть женщин Лейпцига к кофе.

«Персидские письма» Монтескье показали, что Восток уже стал восприниматься метафорически, как некое «иное/нездешнее» место, глядя из которого можно было лучше видеть странности и несуразности собственной культуры и образа жизни. Турецкая угроза отступала; страх перед турками, терзавший Европу в течение трех столетий, проходил так быстро, что казался всего лишь дурным сном. Было естественно, что Франция задавала тон в вопросах этики, эстетики, а также и в одежде, и новшества, которые появлялись в ней, вскоре перенимала вся Европа. Это было время турецких мотивов (turqueries), одежды, архитектуры и мебели «в турецком стиле» (a la turque). Европу охватила мода на турецкий напиток — кофе (англичане и русские по-прежнему предпочитали чай — напиток индийцев, персов и китайцев), а Вольтер восхищался мудростью и добродушием жителей Босфора, кротких и смирных садоводов, и хвалил мудрость, умеренность и savoir vivre (умение жить) китайцев. В XVIII веке, веке «Энциклопедии», на страницах книг в изобилии появлялись турки, персы, китайцы, индийцы и «благородные дикари». Но в отличие от других народов, открытых заново и увиденных с другой точки зрения, в турках было что-то волнующее, забавное, порой смешное; однако их государственное устройство по-прежнему представляло собой устрашающую (и, по мнению «философов», недопустимую) тиранию, как у московитов и японцев. При этом, как утверждал Монтескье в сочинении «О духе законов», сочетание деспотизма, основанного на фатализме, и пассивного подчинения — характерная черта ислама, в то время как христианское общество благодаря духу свободы развивается в противоположном направлении. Но стереотипы, лежащие в основе представлений о других культурах, этим не исчерпывались: были персы, тайна происхождения которых терялась во мгле времен; арабы, загадочные обитатели пустыни, сохранившие жестокие обычаи кочевников; была Индия великих моголов, после Семилетней войны ставшая ареной англо-французского колониального соперничества, Индия, которая была еле видна сквозь дымку, окутывающую вершины Каракорума и Гиндукуша; была Средняя Азия с караван-сараями Бухары, Хивы, Самарканда, с жестокими и богатыми ханами киргизских, уйгурских, туркменских племен — дальними наследниками Тимура; на юге самой Европы находилась Андалусия с ее мавританским прошлым; дальше, в Средиземном море, сновали лодки берберских рыбаков, а еще дальше лежали древние города Африки с домами, построенными из кирпича-сырца и цветной черепицы, глины и благовонного дерева, по Атласским горам и Сахаре шли караваны с суданским золотом из Тимбукту и низовьев Нигера, с белым золотом (слоновой костью) и черным золотом (рабами) из глубин черной Африки. Ислам объединил эти разные народы, этих загадочных людей, носящих различные одежды и говорящих на разных языках, но молящихся, днем и ночью, в одно и то же время, обращаясь лицом к одному и тому же месту и читая одни и те же молитвы на одном и том же языке, пусть с разным акцентом и разными интонациями. В то время как Европа эпохи Просвещения определяла себя через такие понятия, как Разум, Природа и Счастье, исламский мир казался областью мрака, таящей в себе ослепительный свет и таинственную тишину, ислам же — лунным культом, противным разуму (хотя среди мусульман были величайшие философы), религией жестокой и нетерпимой (хотя ее приверженцы оказывались учтивыми, сострадательными и гостеприимными). Теперь, когда смолкал грохот орудий, настало время смиренно признать эти парадоксы и внимательно присмотреться к ним. Но не все мыслители эпохи Просвещения были согласны повременить с высказываниями на эту тему.

Однако забыть, что ислам долгое время повергал Европу в ужас, было непросто. В новой атмосфере мира и терпимости мусульманам отводилась роль, которая, казалось, исторически больше всего им подходит, — роль разочарованных мечтателей, правителей рушашихся или исчезнувших империй: они выставлялись обманутыми, а зачастую и просто дураками. И тем не менее для Франции, помнившей о своих гегемонистских амбициях времен Ришелье и Людовика XIV, Турция оставалась ценным союзником.

В 1685–1686 годах Джон Локк, высланный из Англии в Голландию, написал «Послание о веротерпимости». Оно было составлено на основе его «Эссе о веротерпимости», написанного в 1667 году и обращенного к Англии, которая была истощена гражданской войной и кровопролитием, и Европе, недавно пережившей Тридцатилетнюю войну и после победы над турками под Веной в 1683 году предвкушавшей долгий мир. В основе эссе Локка лежит идея взаимотерпимости между христианами (mutua inter christianos tolerantia), которая, вместе с постепенным процессом секуляризации, определяла нравственную эволюцию Запада в последующие три столетия. Уделяя основное внимание веротерпимости внутри христианского мира, Локк в постскриптуме к «Посланию» рассматривает различные виды ереси и схизмы в сравнении с вероотступничеством и неверностью (infidelitas). Если разные религии устанавливают разные законы и, тем самым, разные системы ценностей и типы поведения среди своих последователей, то как можно оправдать конфликт, цель которого — установить правоту одной из сторон?

Вопрос был задан, но до ответа было еще далеко. Следует ли допускать веротерпимость только между христианами — или также в отношении других религий? Неоднократно возвращался к этому вопросу Вольтер, заинтересовавшийся им в тридцать с небольшим лет, во время своего пребывания в Англии (1726–1729). Там он познакомился с трудами Локка и Ньютона и стал их горячим сторонником. 1763-й и 1764-й были для Вольтера годами вдохновения, когда он создал «Трактат о терпимости» и «Философский словарь». Обе работы, особенно некоторые пассажи во второй из них — например, диалог между Туктаном, пашой Самоса, и садовником Карпосом в «Катехизисе садовника» — проникнуты сочувствием к исламскому миру, откуда, в свою очередь, следуют резкие инвективы против крестовых походов в «Опыте о всеобщей истории и нравах и духе народа». Эти работы были опубликованы потом отдельной книгой, в противовес апологетическому сочинению «Деяния Бога через франков», составленному придворными учеными Людовика XIV в предыдущем столетии.

Но можно ли было всерьез рассуждать о том, что исламу свойственна терпимость, когда в других сочинениях

его представляли источником интриг, похоти и фанатизма — и в прошлом, и в настоящем? Мы узнаем, например, из предисловия к «Задигу» (вдохновленному «Гулистаном» персидского поэта Саади), что мадам де Помпадур обычно называли «султаншей» (и она против этого не возражала). Возможный ответ на этот вопрос дал Готхольд Эфраим Лессинг, написавший и опубликовавший в 1778–1780 годах «Натана Мудрого», драму, которую следует читать в контексте двух других его работ того же периода: эссе о воспитании человечества и диалогов о масонстве. «Натан Мудрый» — это настоящий манифест веротерпимости эпохи Просвещения, и симптоматично то, что Лессинг в своей драме сопоставляет исламский Восток Саладина и европейское Средневековье эпохи крестовых походов. Это предвестие совсем уже близкого романтизма.

Выбор Лессинга показателен. Саладин, благородный и щедрый, тем не менее воплощает в себе тиранию, которая служит основой исламского механизма власти. Согласно мнению, широко распространенному в средние века, а во многом и позже, своими отрицательными чертами ислам был обязан неприглядным личным качествам его основателя. У Вольтера — который часто изображал мусульман понимающими и веротерпимыми, а исламу в сравнении с христианством приписывал положительные черты, — в трагедии «Магомет, или Фанатизм» Пророку присущи жестокость, лицемерие, лживость, стремление к тирании и нетерпимость одновременно. В августе 1745 года Вольтер послал экземпляр своей трагедии Бенедикту XIV, сопроводив его необычайно льстивым письмом на итальянском языке, в котором он повергал на суд «главы истинной религии этот труд, направленный против основателя ложной и варварской секты».

Совсем в ином духе написана «Жизнь Магомета» Анри де Буленвилье: у него Пророк — великий, мудрый и честный законодатель, основавший разумную и истинную религию, которую позднее извратили мусульманские юристы и богословы. И опять же, это произведение на восточную тему следует читать в контексте нападок на христианство (особенно католицизм), характерных для тогдашней Европы. Тем не менее, именно после Буленвилье Европу затопил поток похвал исламу и его основателю — написанных с позиций теизма, рационализма или самого настоящего атеизма.

Восток тем временем проникал в музыку и поэзию. В «Волшебной флейте» Моцарта мудрому Зарастро, воплощающему египетско-зороастрийскую и гностическо-солярную традицию, противостоит коварный мавританский раб Моностатос: он служит олицетворением интеллектуального упадка Востока, наступившего под владычеством фанатиков-сарацин. А в «Армиде» Кристофа Виллибальда Глюка, вдохновленной «Освобожденным Иерусалимом» Тассо, восточные мотивы уже выдвигаются на первый план. Эта опера, впервые поставленная в сентябре 1777 года в парижском Пале-Рояле, символизирует отход от невозмутимо-рационалистического взгляда на ислам, который проповедовал Вольтер, следуя здесь за Ариосто.

Восточной атмосферой — чарующей, загадочной, волшебной, — пропитана поэма «Оберон» Кристофа Мартина Виланда, друга Гете и фон Клейста. В этом произведении, опубликованном в «Немецком Меркурии» (1780) с подзаголовком «романтическая эпопея», рыцарский христианский Запад противопоставлялся волшебному мусульманскому Востоку. Несколькими годами позже «Оберон» был положен на музыку Карлом Марией фон Вебером; то был один из первых проблесков романтизма, для которого Восток — вместе с европейским Средневековьем — станет убежищем от современности.

Моцарт и Россини любили музыкальные забавы, а в XVIII и начале XIX века янычары и евнухи, гаремы и минареты были одной из любимых забав для европейцев. Можно было спокойно забавляться теперь, когда никому не угрожали набеги алжирских пиратов, турецкий плен, тюрьма, сажание на кол. Отныне тюрбан и ятаган стали сценическими реквизитами, а гаремы и мечети — элементами декораций комических опер и пьес.

Новые пилигримы, новые «крестоносцы»

Генерал Бонапарт отплыл из Тулона в мае 1798 года, высадился в Египте 1 июля и на следующий день захватил Александрию. Он провел на Ближнем Востоке больше года, до июля 1799-го, а с февраля по май этого года сражался в Палестине и Сирии. В Яффе он без колебаний уничтожил около трех тысяч пленных с их семьями, и при этом хладнокровно посетил госпиталь для больных чумой. Иерусалима он так и не увидел.

У молодого генерала были грандиозные планы. Второго июля он обратился к египтянам с воззванием, в котором лозунг «Свобода, Равенство, Братство» сочетался с призывами во имя «истинного ислама». Бонапарт мечтал править Востоком из Александрии, натравить Персию на Россию, поднять антибританское восстание в Индии, распространять повсюду принципы Французской революции и совершить новые «деяния Бога через франков». Он мало знал об исламе, но умел выбирать себе превосходных помощников и прекрасно ориентировался в создавшейся ситуации.

Современное изучение крестовых походов, как и египтология, ведет свое начало с Египетского похода Бонапарта. Если бы не его восточная кампания, Франсуа-Рене Шатобриан, Жозеф-Франсуа Мишо и Гюстав Доре не совершили бы своих паломничеств в Святую землю и не были бы очарованы эпохой крестовых походов.

Султан Селим III, в свою очередь, не мог полагаться на своих английских, российских и австрийских «покровителей»: эти три страны объединял общий интерес — не позволить революционной Франции захватить все Средиземноморье. Они также твердо решили устроиться за богато накрытым восточным столом, с французами или без них, и полакомиться остатками империи, еще несколько десятилетий назад простиравшейся от Дуная до Тигра и от Волги до верхнего течения Нила. Поэтому Великий султан заключил соглашение с Францией, которое в полном объеме возобновляло капитуляции, и его вполне устроил выгодный для Франции Амьенский мирный договор 1802 года.

Политика Наполеона, ставшего 2 декабря 1804 года императором Франции, в отношении Блистательной Порты была двусмысленной, но основанной на явном сочувствии к исламу. Еще в молодости Наполеон увлекался тем, что позже назвали «ориентализмом»: он читал «Историю арабов» Франсуа Ожье де Мариньи, высоко ценил «Путешествие в Египет и Сирию» и «Соображения о войне турок с русскими» Константена-Франсуа Шассебёфа, графа Вольнея, опубликованные в 1788 году. Известно, что, обсуждая с Гете вольтеровского «Магомета», Бонапарт вставал на защиту ислама и Пророка. Интерес к Востоку соседствовал у него с явной симпатией к крестовым походам (здесь точка зрения Бонапарта была противоположна вольтеровской). Пропаганда Первой империи была направлена на утверждение превосходства Франции и заявляла о преемственности наполеоновской политики с политикой наиболее выдающихся французских монархов, от Людовика IX до Людовика XIV.

Наполеоновская эпоха была — в историческом масштабе — краткой, но тем не менее оставила Европе обширное наследство: помимо гражданского Кодекса и идей либерализма, оно включает и египтологию, родившуюся во время его египетского похода. Египтянам он оставил в наследство мысль о том, что революционные идеалы и ислам могут быть совместимы между собой: именно из их скрещения выросли первые масонские ложи. Что же касается идеи крестовых походов и ее возрождения, то она поддается рассмотрению с различных точек зрения. Рассмотрим некоторые из них.

Первая принадлежит Шатобриану. В 1811 году, когда Империя была еще на подъеме, он отправился в Святую землю. Это было, с одной стороны, ознакомительное путешествие в духе XVIII века, но с другой — традиционное христианское паломничество; известность получил труд Шатобриана «Путешествие из Парижа в Иерусалим» с описанием впечатлений от этой поездки. Путь Шатобриана проходил через Тунис. Десять лет спустя, уже начав политическую карьеру (и выслужившись сперва перед Бурбонами благодаря памфлету против Бонапарта), Шатобриан, опираясь на собственный опыт, в речи перед парламентом заклеймил новый всплеск пиратства на североафриканском побережье и, напомнив о славном прошлом Франции, призвал к новому крестовому походу. Его слова три года спустя, в 1819 году, повторил Пьер Деваль, французский консул в Алжире. В 1822 году Джанпьетро Вьессо в небольшой книге, изданной в Женеве, призывал европейские державы к объединению под одним знаменем затем, чтобы заставить корсаров северо-африканского побережья слушаться «голоса справедливости и разума».

При таких обстоятельствах началось завоевание французами Алжира. Это была последняя попытка короля Карла X вернуть себе популярность и остановить нарастающую антипатию к своей персоне, которая и привела в конце концов к его свержению. Его родственник и преемник, «июльский король» Луи Филипп продолжил колониальную экспансию, ссылаясь на историческое наследие (крестовые походы) и на необходимость содействовать распространению цивилизации. При этом либеральном и конституционном монархе пять залов в Версальском дворце были украшены фресками на тему крестовых походов. Наполеон III исповедовал те же взгляды, поощряя деятельность научного «Общества Латинского Востока», которое опубликовало «Собрание хроник крестовых походов».

Религиозная проповедь (звучавшая, надо признать, приглушенно), рост колониальных аппетитов, представления об особой «миссии» Европы, призванной принести неевропейским странам политическую свободу и содействовать их правовому, общественному и техническому прогрессу, — все эти соображения (в разных пропорциях) использовались для обоснования военных походов в Азию и Африку. Иногда в ходе этих экспедиций воскрешались идеалы крестовых походов — но, как правило, лишь в пропагандистских целях. Эта тема, с различными вариациями, звучала во время французской экспедиции в Тунис (1881–1883); кампании британского генерала Гордона против Махди (Мухаммада Ахмада), вождя суданских повстанцев (1884–1885); итало-турецкой войны (19 111 912); войны испанцев с риффскими племенами в Марокко (1921–1926), в которой отличился молодой галисийский солдат Франсиско Франко (позднее он станет вождем совсем другого

крестового похода); и наконец, двух войн Италии против христианской Эфиопии, которую в XV–XVI веках генуэзцы и португальцы считали потенциальным союзником против мусульман.

Экзотические павильоны

«Ты смотришь с улыбкой на землю, которую грабишь». С этими словами Габриэле Д'Аннунцио обратился к Италии в 1911 году, во время итало-турецкой войны. На протяжении многих столетий, но особенно часто — с конца XVIII до начала XX веков, европейцы, от Вольтера до Киплинга, смотрели с улыбкой на земли, которые они грабили. И они влюблялись, как, вероятно, похитители и тюремщики порой искренне влюбляются в своих жертв, которые платят им тем же, — или считают, что платят. В то время как лорд Байрон отправился на помощь грекам, страдавшим от турецкого гнета, и умер от малярии в Миссолунги в 1824 году, его соотечественники и представители других европейских народов пополняли музеи и частные собрания различными предметами и археологическими находками с Востока, а свои банковские счета — доходами от грабежа.

Любовь, вполне возможно, смешивалась здесь с модой на все восточное, но она была искренней. В 1826–1829 годах Вашингтон Ирвинг, находясь на дипломатической службе, не раз посещал Гранаду — в то время пыльный провинциальный городок. Одновременно с этим, в 1826 году, вышли «Приключения последнего из Абенсерахов» Шатобриана. Ирвинг и Шатобриан своими произведениями вызвали во всей Европе увлечение великолепными руинами Испании. Жерар де Нерваль в 1842–1843 годах странствовал по мусульманским странам; его «Путешествие на Восток», длинное и восторженное, сильно повлияло на Теофиля Готье, Гюстава Флобера, Виктора Гюго, Пьера Лоти, а также художников-ориенталистов.

В Европе девятнадцатого века множились дворцы и павильоны в различных стилях — «турецком», «мавританском», «в стиле Моголов»; она была покрыта неоготическими церквями, вокзалами и даже фабриками. Псевдо-Восток и псевдосредневековье были убежищем от современности, параллельной реальностью, объектом восхищения и вожделения, чем-то отталкивающим, но одновременно — и в гораздо большей мере — притягательным.

Совершенно иным был образ Европы в исламском мире. В 1785 году в Стамбуле было совершено покушение на премьер-министра реформатора Халиля Хамида, а также на других «друзей Запада»; Хамида бросили в Босфор, повесив на шею табличку с надписью, из которой следовало, что он ненавистник шариата и Османской империи. Тем не менее, султан Селим III, занявший престол в судьбоносном 1789 году, продолжал посылать молодежь из аристократических семейств на обучение в Европу. Он открыл посольства во многих европейских странах и начал проводить осторожные реформы, стремясь заложить фундамент нового, современного государства — современного в западном смысле слова: дисциплинированная армия, неподкупные и работоспособные чиновники, упорядоченная финансовая система и экономика, управляемая на основе четких принципов. Эти реформы были необходимы для выживания Османской империи, — иначе Запад легко расправился бы с ней. Французская революция и последующая реставрация монархии Бурбонов продемонстрировали туркам, что, несмотря на смену режимов в европейских странах, развитие финансовой системы, экономики и техники продолжало идти в одном и том же направлении.

Победа антинаполеоновской коалиции над Францией и две русско-турецкие войны (1803–1812 и 1828–1829 годов), как тогда казалось, поставили Турцию в зависимость от царя. Это означало, что теперь русский флот господствовал на Черном море и мог свободно входить через проливы в Средиземное море. Такая ситуация побудила французов и англичан объединить силы против России, а греков — восстать против турок, что сыграло на руку Мухаммеду Али. Мухаммед Али был османским чиновником, албанцем по происхождению, ставшим в 1805 году наместником Египта. В 1811 году он жестоко и предательски расправился с оставшимися мамлюками, после чего энергично приступил к делу модернизации. Ближайшим помощником Мухаммеда Али был его сын Ибрагим (1789–1848), умерший раньше отца: он одерживал блистательные победы с армией, организованной по европейскому образцу. Он захватил в 1818 году западную часть Аравийского полуострова (Хиджаз) со святыми местами мусульман — Меккой и Мединой, нанеся унижение правившим в Аравии ваххабитам; он был сторонником жестокого подавления греческого восстания; и, наконец, он блестяще сражался с турками в Сирии, когда его отец открыто восстал против Порты с целью добиться независимости Египта. После взятия Акры в 1832 году он начал воплощать в жизнь свою дерзкую мечту — завоевание всей Османской империи. Он разрешил европейцам беспрепятственный доступ в Святую землю (британцы в 1838 году открыли там консульство), отменил плату за въезд в святые места, которая веками служила для обогащения османских правителей, являясь бременем для паломников.

На Ибрагима возлагались большие надежды, его имя стало символом для арабского мира, который постепенно пробуждался и, судя по всему, проявлял желание сбросить османское иго. И хотя Ибрагим жестоко расправился с греческими повстанцами, западные либералы были убеждены, что он предан делу свободы и обновления. Лишь русская армия преградила его наступление на Стамбул.

Ибрагим, однако, открыл для европейцев путь в Святую землю. Следуя британскому примеру, Франция, Пруссия, Австрия и Испания открыли там консульства, а Россия направила своего представителя. Поток паломников сдерживали антисанитарные условия, царившие в Иерусалиме, и поэтому заинтересованные страны стали принимать меры по улучшению гигиены в городе и открывать госпитали.

Вдохновленные этими событиями, евреи диаспоры начали постепенно возвращаться на землю своих предков. Многие оседали там, даже приобретали кое-какую собственность, — настолько им хотелось прочно обосноваться в Эрец Исраэль. Султанское правительство благосклонно относилось к еврейской иммиграции, так же как арабское население и западные консулы. Иудеи никогда не забывали о Земле обетованной, а часть из них обитала там с древнейших времен. Еврейская община Иерусалима пользовалась расположением султана; можно говорить о ее процветании начиная с конца XV века. Виднейший каббалист, Исаак Лурия (1534–1572), родился в Иерусалиме. В 1700 году рабби Иехуда ха-Хасид переселился из Польши в Иерусалим с тысячей ашкеназских евреев, которые тут же подверглись всевозможным преследованиям и притеснениям (их

сефардские собратья, лучше интегрированные в окружавшее их общество, обычно не испытывали таких проблем). Переселенцы не в состоянии были платить тяжелые подати, и в 1720 году на их глазах была разрушена синагога, которую они ценой больших лишений построили на юго-западе города. И только столетие спустя им удалось заново отстроить молитвенное здание, завершенное в 1864 году и названное Хурва («развалина» по-древнееврейски) в память событий полуторастолетней давности.

Тем временем, согласно давнему правилу, происходившее в Святой земле отражало то, что происходило в мире, со всеми вытекающими последствиями, зачастую драматическими. В Вифлеемской пещере Рождества Христова — с четвертого века являвшейся подземной частью великолепной базилики Константина, которую даже персы не решились осквернить, — серебряная звезда, окруженная латинской надписью, обозначала точное место, где, по преданию, родился Христос. Базилика принадлежала православным христианам, звезда же с надписью была доводом в пользу прав католиков; в 1850 году она оказалась похищенной. Это похищение спровоцировало дипломатический инцидент, в который были вовлечены как католическая, так и православная общины. Николай I, с обычной для него резкостью, послал Блистательной Порте жесткий ультиматум. Правительства Франции и Англии встали на защиту султана — чувствуя себя немного неловко, так как в течение десятилетий либерально-романтическая пропаганда с успехом изображала османский режим упадочническим, коррумпированным, жестоким и злобным. Но в действительности речь шла не о Вифлеемской звезде или романтических образах, созданных писателями и художниками. Звезда была лишь предлогом, настоящей же проблемой было господство над проливами и преграждение русскому флоту доступа в Средиземное море.

Результатом стала Крымская война 1854–1856 годов, завершившаяся Парижским конгрессом (февраль-март 1856), на котором была провозглашена необходимость реформ в пользу христианских меньшинств Османской империи, а Россия была вынуждена отказаться от исключительного права на защиту этих меньшинств. К этому времени положение христианских общин в Святой земле стало лишь частью так называемого «Восточного вопроса». Франция и Россия все еще выглядели двумя основными сторонами в конфликте вокруг христиан Палестины. Тем временем в 1869 году состоялось открытие Суэцкого канала: в Европе он считался путем, по которому цивилизация, свобода и прогресс быстро достигнут Азии.

О подобном канале турецкие султаны мечтали с конца XVI века; если бы тогда этот проект воплотился в жизнь, мировая история была бы совсем иной. В 1833 году в Египет прибыла группа горячих поклонников Сен-Симона, твердо убежденных в том, что строительство канала будет содействовать их «крестовому походу» во имя прогресса. Мухаммед Али препятствовал их планам, так как опасался международных осложнений в случае, если бы они претворились в жизнь. В 1854 году концессия на строительство канала была выдана французу Фердинанду де Лессепсу, и в 1858 году была учреждена Компания Суэцкого канала с капиталом в 200 миллионов франков. Работы начались в следующем году. Эти планы натолкнулись на энергичное противодействие Британии, опасавшейся возрождения османского флота и роста влияния Франции на Ближнем Востоке; еще одной причиной беспокойства было то, что французы будут контролировать альтернативный путь в Индию. Канал был открыт 17 ноября 1869 года в присутствии французской императрицы Евгении и австрийского императора Франца-Иосифа (который в том же году совершил паломничество в Иерусалим, остановившись в скромной гостинице францисканского монастыря, где даже не было приличествующего помещения). Хотя Австрия за три года до этого потерпела поражение от Пруссии, все еще не был оставлен дипломатический проект, дорогой сердцу императрицы Евгении: политический и военный союз католических стран Европы. Ситуация вокруг канала резко изменилась с поражением Франции в войне с Пруссией (1871), после которого началось массированное британское проникновение в Египет. В 1870–1873 годах британские войска под командованием Сэмюэла Бейкера овладели верховьями Нила, игравшими ключевую роль в контроле над Египтом, и в 1874 году Чарльз Джордж Гордон был назначен губернатором Судана — так назвали завоеванные области. Наконец, в 1876 году египетский хедив (который испытывал финансовые затруднения) продал свою долю акций канала (44 % от общего числа, на сумму 100 миллионов франков) британскому правительству. Для Средиземноморья начиналась новая эра: с XVI столетия находившееся на периферии морских путей, оно вновь становилось центром мира. Британское господство над Суэцким каналом кардинально изменило роль Гибралтара. Теперь военным, торговым и пассажирским судам Ее Величества больше не надо было ни останавливаться для разгрузки в Александрии, ни огибать Африканский континент.

Столкнувшись с таким массированным дипломатическим и экономическим проникновением европейских держав в Османскую империю, России ничего не оставалось, как поднять в ответ религиозный вопрос. В 1877 году Александр II объявил Турции войну, заявив, что невозможно более терпеть приниженное положение православных христиан в Турции и, в частности, на Балканском полуострове. Русская армия дошла почти до самого Стамбула, однако дальнейшее ее продвижение было остановлено ввиду заключения Сан-Стефанского мира (3 марта 1878 года). К этому времени Османская империя начинала разваливаться; уступки в пользу России, предусмотренные по мирному договору, нанесли окончательный удар по ее престижу и независимости. Это встревожило страны Запада, особенно Великобританию, которая опасалась установления российской гегемонии в Турции (что означало бы свободный выход русских кораблей в Средиземное море, интенсивное использование русскими Суэцкого канала и как следствие — прямую угрозу британскому морскому могуществу), и Австрию, которая беспокоилась за равновесие сил на Балканах. Англо-русского конфликта удалось избежать благодаря Берлинскому конгрессу, где удалось достичь соглашения при посредничестве Бисмарка, «честного маклера».

Тем временем начиналось другое сложное противостояние, на этот раз за Каспийским морем: шахматная партия со множеством наблюдателей-сторонников за спиной каждого игрока, готовых в любой момент перейти на другую сторону. Англичане называли это «Великой игрой», а русские — «сражением с тенью». Во второй половине девятнадцатого столетия на пространстве между Сырдарьей и Тянь-Шанем разыгрывалось ожесточенное соперничество между Россией и Британией за территории, лежащие между Каспийским морем и Гиндукушем. Тюрко-монгольские кочевники Средней Азии, исповедовавшие ислам, едва ли могли надеяться на помощь своего «халифа», стамбульского султана, уже поставленного на колени европейскими державами.

Во всей Средней Азии на протяжении веков происходили жестокие потрясения, но одновременно действовали подспудные силы, выражавшие жажду обновления. Туда стягивались те, кто не нашел себе места в Европе. Примером может служить Паоло Авитабиле, родившийся в 1791 году. Он сражался в Пенджабе в армии Мурада, стал губернатором Пешавара и на этом посту отдавал приказы вешать и отрезать языки, завел себе гарем. Уже стариком Паоло вернулся в свою родную Кампанию, получил орден от короля Фердинанда II и умер в 1850 году. С наемниками, однако, судьба обходилась иначе.

На службе русских и англичан были не только солдаты. В распоряжении обеих держав имелась целая армия шпионов, замаскированных под географов, этнографов и торговцев, которые проникали в пустыни и на склоны высочайших в мире гор. Среди них были и крупные аферисты, и истинные ученые, такие, как Николай Михайлович Пржевальский, генерал русской армии и зоолог с мировой славой. Другой пример — Чокан Валиханов, племянник казахского хана, курсант военного училища в Оренбурге, а затем царский тайный агент на территориях, населенных казахами и киргизами. Валиханов был ботаником, географом, живописцем, другом ссыльного Достоевского и мыслителем либерально-демократического толка. Он умер в 1865 году, когда ему было всего тридцать лет.

Когда империя Тимура развалилась, средняя Азия превратилась в мозаику из ханств и эмиратов, яростно враждующих между собой. Турки, персы и китайцы стремились заключать союзы с этими мелкими государствами. Россия и Великобритания, действуя при помощи силы, бесцеремонно нарушили шаткое равновесие в этом регионе. Крымская война положила конец попыткам русских прорваться в Средиземное море, и они обратили свой взгляд на территории, объединявшиеся тогда под общим названием «Туркестан». В 1865 году, в нарушение царского приказа, генерал Михаил Григорьевич Черняев захватил Ташкент, получив за свои труды усыпанную бриллиантами саблю и приказ об отставке; дело, однако, было сделано. В 1868 году генералу Кауфману сдался Самарканд. Завоевание Средней Азии было завершено в 1881 году генералом Скобелевым, после чего была проложена железная дорога от Астрахани до Амударьи.

Тюрко-монгольские ханства пытались противостоять этому натиску. В 1863 году хан Коканда послал чиновника по имени Якуб-бек, таджика по национальности, в Кашгар, за Тянь-Шань, где уйгуры и дунгане (китайцы-мусульмане) восстали против маньчжурских правителей империи. Якуб-бек быстро занял территорию сегодняшнего Синьцзяна и с 1867 года начал там править, ловко маневрируя между Турцией, Англией и Россией. Тщеславные устремления Якуб-бека, однако, потерпели неудачу ввиду англо-русского противостояния: те и другие соперничали между собой за расположение императора Китая — государства, в состав которого входил Синьцзян. Государство Якуб-бека не пережило его самого, умершего в 1877 году при загадочных обстоятельствах. Один лишь османский султан, которого тюрко-монголы — мусульмане-сунниты — признавали в качестве своего духовного вождя, мог бы оказать поддержку Синьцзяну, но в то время его внимание было отвлечено другими делами.

Среднеазиатские кочевники всегда с надеждой смотрели на турок-осман, так как кроме религии их объединяло этническое и языковое родство. Национализм, ставший модным в конце девятнадцатого века, и пантюркизм — идеология, созданная по образцу пангерманизма, — уже распространялись в Турции, особенно среди городских средних слоев и военных.

В Индии партия была полностью выиграна Британией: в августе 1858 года британский парламент передал управление страной от Ост-индской компании британской короне. В Средней Азии, однако, находившиеся в упадке Персидская и Китайская империи уже не могли установить свое господство; они могли стать союзниками либо британской королевы — и императрицы Индии — либо русского царя. Казалось, что раздел сфер влияния между двумя европейскими державами прошел по горным цепям Тянь-Шаня и Каракорума. Но на самом деле это было не так.

Кульминационная глава этого увлекательного повествования была написана между 1919 и 1925 годами двумя необычными личностями: Энвер-пашой и Михаилом Фрунзе.

Энвер родился в 1881 году и принимал участие в младо-турецкой революции 1908 года. Большой поклонник пангерманизма, он в 1911 году участвовал добровольцем в итало-турецкой войне. В 1914 году он стал военным министром Турции, а в 1918-м, после ее поражения в войне, бежал — сначала в Берлин, затем в Москву, где стал сотрудничать с большевиками в целях совместной борьбы против Великобритании. В 1921 году его послали в Туркестан, где он и сбросил свою маску. Энвер рассчитывал основать между Каспием и Тянь-Шанем тюркскую империю со столицей в Бухаре, империю, которая поддерживала бы тесные связи с новой Турцией Мустафы Кемаля. Новое государство должно было опираться на легендарных тюркско-таджикских воинов, которые стали достойными противниками новорожденной Красной Армии: разозленные русские прозвали их «басмачами» (бандитами-убийцами).

У Советов тоже был собственный среднеазиатский герой, к сожалению, сейчас основательно позабытый: это Михаил Васильевич Фрунзе, большевистский Наполеон, родившийся в Бишкеке, столице сегодняшнего Киргизстана. Конная статуя Фрунзе все еще стоит в городе, там существует и скромный музей, посвященный его памяти. Одному из своих сыновей Фрунзе дал судьбоносное имя Тимур — такое же, как у великого туранского героя. Энвер и Фрунзе были в чем-то схожи между собой.

Турецкому революционеру было всего сорок лет, когда он бросил вызов Красной Армии, обратившись за помощью к эмиру Афганистана и приняв титул: «Верховный командующий войсками ислама, родственник халифа и посланник Пророка». Его джихад воспламенил мусульман Средней Азии. К весне 1922 года Энверу удалось захватить значительную часть Бухарского эмирата, но вскоре — 4 августа того же года — он погиб, бросившись, как утверждают, в самоубийственную кавалерийскую атаку на русские пулеметы. Басмачи продолжали сопротивление до тридцатых годов, несмотря на упорную борьбу против них: по своей жестокости эта борьба лишь немногим уступала лжи и клевете, с помощью которых их позднее пытались очернить.

Через три года после смерти Энвера его противник Фрунзе, создатель Красной Армии, умер при столь же невыясненных обстоятельствах. Руководители Верховного Совета в Москве узнали, что Фрунзе страдает от язвы желудка; операция, которой его подвергли, конечно же, прошла неудачно. Центральный Комитет доверил воспитание детей Фрунзе Ворошилову, одному из его настоящих друзей. Произведение Бориса Пильняка «Повесть непогашеной луны» — почти единственное оставшееся свидетельство подлого преступления, совершенного революцией, которая пожирала своих детей, особенно лучших.

Открытый диалог

Вернемся к Западной Азии. Ослабление Франции после франко-прусской войны 1870–1871 годов неизбежно сказалось на ее престиже и на привилегиях, которых она добилась, в течение более чем трех веков осуществляя на Ближнем Востоке опеку католических общин и католиков в целом. Времена Франциска 1 и Вильнёва давно прошли. В 1871 году в Зеркальном зале Версальского дворца была провозглашена Германская империя, основанная на федеративных началах. Германский канцлер, князь Бисмарк, был известным противником католической церкви, несмотря на то, что католики составляли значительную часть подданных новой империи. Пастырская забота о германских католиках не могла быть оставлена императору Австрии: многие немцы с надеждой смотрели в его сторону, поскольку до 1866 года он рассматривался по крайней мере как духовный лидер Германского союза. В 1875 году, в самый разгар бисмарковского «Культуркампфа» — кампании против католической церкви, — генеральный консул Германии в Египте официально заявил, что его правительство не намерено признавать ни за одним европейским правительством исключительных прав на покровительство католическим общинам в Османской империи. Он заявил также о праве германского правительства защищать любого германского подданного, который окажется на территории этих общин.

В июне-июле 1878 года по инициативе Бисмарка в Берлине состоялся конгресс европейских держав. На нем германский канцлер предложил себя в качестве беспристрастного посредника, чтобы урегулировать конфликт между Турцией и Россией и заключить долгосрочное соглашение между Россией, Австрией, Англией, Францией и Турцией; Италия тоже принимала участие в конференции, тем самым зарабатывая себе некоторый международный авторитет — в награду за послушное следование в фарватере Германии. Предлогом для созыва конгресса было восстановление нарушенного равновесия на Балканах, на самом же деле предпринимались шаги по расчленению Османской империи и дележу отторгнутых частей. Англия получила право оккупировать Кипр, а Франция — занять Тунис (что она и сделала в 1881 году). Италии, которая также надеялась получить Тунис (что имело под собой определенные географические и исторические основания), было отказано — ей неопределенно пообещали в качестве компенсации территорию современной Албании. Желая сохранить видимость приличий, западные державы взяли с султана обещание провести «либеральные» реформы, что позволило участникам Берлинского конгресса представить его (как обычно в таких случаях) крупным достижением на пути цивилизации и прогресса, а не тем, чем он был на самом деле: еще одним актом колониального грабежа.

Условием своего участия в конгрессе Франция объявила снятие с повестки дня вопросов о Египте, Сирии и святых местах; тем не менее, тот самый статус-кво, который стал едва ли не единственным поводом к началу Крымской войны, был по настоянию Франции подтвержден, так как она тем самым сохраняла свои права. С другой стороны, на конгрессе было со всей определенностью решено, что в будущем, если у духовных лиц и паломников возникнут проблемы в Святой земле, им следует обращаться к консульским служащим своей страны — и, следовательно, к своим правительствам. Введение этих привилегий, касающихся европейских граждан и их имущества, почти свело на нет власть турецкого правительства в Святой земле — несмотря на то, что она все еще оставалась частью Османской империи.

Непрерывное вмешательство иностранных государств в турецкие дела, наконец, привело к пробуждению среди представителей правящего класса националистических чувств, изначально чуждых исламской культуре. Вероятно, это событие было неотделимо от процесса модернизации. После революции 1909 года Турция на нескольких международных конференциях требовала отмены капитуляций, а к началу Первой мировой войны в одностороннем порядке отказалась их соблюдать. 2 ноября 1914 года Россия объявила Турции войну, тем самым втягивая ее в конфликт со странами Антанты. Как было справедливо замечено, Турцию с Германией связывали прогерманская политика младотурок и секретные соглашения, заключенные 2 августа 1914 года; причиной же этого союза стали десятилетия унижения и притеснений со стороны держав, которые вели в отношении Турции империалистическую политику. К ним принадлежала Россия, которая нанесла удар по безопасности и престижу Турции на Черном море, в проливах и на Балканах; а кроме нее — Франция и Великобритания, которые поделили то, что осталось от североафриканских владений Османской империи, от Марокко до Египта.

В ответ на вступление Турции в войну Франция и Британия воззвали к духу патриотизма и стремлению к единству, которые зарождались тогда в арабском мире. Арабам было обещано создание «Великой Аравии», единого государства с одной из местных правящих династий во главе: оно объединило бы все арабские народы и племена от Сирии и Месопотамии до Аравийского полуострова и Египта. Для этого арабов надо было освободить от турок: задача непростая, ведь в рамках мусульманского благочестия немыслимо было поднять оружие против турецкого султана, облеченного халифским достоинством. Мусульманское сознание, в котором господствовала идея уммы, общины, состоящей из верующих, с огромным трудом воспринимало западные понятия «отечество» и «нация». Таким образом, французы и англичане, преследуя чисто военные цели, связанные с борьбой против Турции, объективно способствовали процессам модернизации и вестернизации в арабском мире, поддерживая — а кое-где и искусственно разжигая — стремление арабов освободиться от османского господства. Для того чтобы убедить арабов восстать против султана-халифа и одновременно успокоить их религиозную совесть, трон «Великой Аравии» был обещан хранителю святых мест в Мекке, тарифу (потомку пророка Мухаммеда) Хусейну из династии Хашимитов.

Вклад арабов в освобождение Сирии и Палестины от турецкой военной оккупации во время Первой мировой войны был значительным, вероятно, даже решающим; однако дипломатические маневры свели на нет значение этого факта. Англо-французское соглашение Сайкса-Пико (названное по именам двух дипломатов, которые его подписали) не учитывало обещание, данное шарифу Хусейну. Оно предусматривало раздел Ближнего Востока после войны на две зоны влияния: за Францией сохранялись Сирия и Ливан, где ее культурное присутствие всегда было заметным, а к Англии отходили Палестина, Трансиордания и Месопотамия. На Аравийском полуострове — исключая несколько мелких прибрежных эмиратов, над которыми Британия хотела сохранить

контроль для защиты своих интересов в Индийском океане и Персидском заливе, — должно было быть создано королевство под властью ваххабитской династии Саудитов. Соглашение держалось в тайне, но российское правительство, конечно, о нем знало. После революции в России суть соглашения была публично раскрыта. Турки и немцы сделали все возможное, чтобы убедить арабов в том, что обещания, данные союзниками Хусейну, были всего лишь уловкой и что «Великой Аравии» никогда не будет. Тем временем союзники вошли в Багдад, Дамаск и Иерусалим. Британцам удалось сохранить иракский трон для сына Хусейна, Фейсала; однако французы помешали ему стать еще и королем Сирии (что было ему ранее обещано), так как намеревались провозгласить там подконтрольную Франции республику. Брат Фейсала Абдалла стал королем Трансиордании. По договору в Сан-Ремо (1920) соглашение Сайкса-Пико было подтверждено, а капитуляции — отменены. Затем последовали сложные дипломатические маневры, в результате которых Совет Лиги Наций выдал Британии временный «мандат» на управление Палестиной.

Но теперь в непростой игре возник новый элемент. В 1862 году рабби Цви-Гирш Калишер провозгласил, что Мессия не появится чудесным образом, как надеялись евреи: напротив, необходимо всячески способствовать его второму пришествию. Возвращение евреев в Святую землю, в Эрец Исраэль, будет залогом и символом их готовности к этому событию. Османское правительство с 1841 года позволяло евреям Палестины иметь главного раввина с местопребыванием в Иерусалиме. По инициативе рабби Калишера Всемирный еврейский союз основал в Палестине сельскохозяйственную школу «Микве Исраэль».

Ухудшение положения евреев Восточной Европы, и особенно России, вызвало в конце XIX века их массовый исход. Многие направились в Соединенные Штаты, другие перебрались в Европу, прежде всего во Францию; около 30 000 евреев, начиная с 1882 года, выехали в Палестину. Между 1889 и 1895 годами ассоциация под названием «Ховевей-Цион» («Друзья Сиона») собрала крупную сумму денег для устройства еврейских колоний в Палестине, большая часть средств поступала от богатых филантропов, таких, как барон Эдмон де Ротшильд. В 1896 году журналист Теодор Герцль написал за несколько недель книгу «Еврейское государство», которая стала подлинным манифестом сионизма: в 1898 году Герцль был официально принят в Иерусалиме кайзером Вильгельмом II во время его поездки по Ближнему Востоку. В 1902 году в сионизме появилось религиозное течение, отвергавшее светский и националистический сионизм Герцля, который просто стремился к тому, чтобы «еврейский народ навсегда обрел для себя родину». Рабби Авраам Исаак Кук, один из основателей религиозного сионизма, выдвинул программу, которую можно сформулировать так: «земля Израиля для народа Израиля во имя Торы Израиля».

Первые еврейские поселенцы в Палестине встретили более или менее теплый прием. Однако в 1891 году вожди палестинских арабов потребовали от османского правительства остановить дальнейший приток евреев и приобретение ими земли. В принципе, переселение евреев в Святую землю стало результатом серьезного недоразумения: эту территорию сочли «землей без народа для народа без земли». Однако там уже проживали палестинские арабы. И османское правительство, и западные державы были согласны в том, что если эту землю возделывать как следует, то она сможет обеспечить проживание намного большего количества людей по сравнению с существующим населением.

Это недоразумение поддерживалось британской дипломатией: ей нужно было добиться невозможного, добившись трех несовместимых между собой целей, и британскому правительству это удалось. Оно натравило арабов на турок, пообещав им создать великое, единое и независимое арабское государство; оно обеспечило нейтралитет евреев-сионистов, которые происходили в основном из Германии и питали к ней симпатии; и, для того чтобы уменьшить или свести на нет эти симпатии, оно согласилось с требованиями тех представителей сионистского движения, которым уже было недостаточно какой-либо земли для «народа без земли» — им требовалась именно эта земля, Эрец Исраэль, вместе с Иерусалимом.

Второго ноября 1917 года лорд Артур Джеймс Бальфур, британский министр иностранных дел, направил письмо финансисту Лайонелу Уолтеру Ротшильду, почетному председателю Всемирной сионистской организации, подтвердив, что британское правительство одобряет план создания еврейского национального очага в Палестине. На его слова затем неоднократно ссылались во время дипломатических переговоров; но, как и соглашение Сайкса-Пико, они прямо противоречили обещанию создать «Великую Аравию», которое было дано шарифу Хусейну.

Таким образом, после окончания Первой мировой войны началось противостояние между евреями и арабами — что не входило в намерения и противоречило интересам и тех, и других. В конце XIX — начале XX веков разрозненные банды арабов устраивали нападения на еврейские поселения, но это приписывалось обычной для кочевников склонности к разбою. В марте 1919 года Фейсал приветствовал евреев, которые прибыли в Сирию и Палестину, и выразил убеждение в том, что отношения между обеими общинами будут развиваться в духе согласия.

Трения, возникшие между арабами и евреями за время действия британского мандата, приток евреев в Палестину сразу после Шоа, или Холокоста (катастрофы еврейского народа во Второй мировой войне), образование государства Израиль и последовавший за этим конфликт породили ближневосточную проблему, — неразрешенную и все еще далекую от окончательного разрешения.

После арабо-израильского конфликта 1967 года весь Иерусалим, включая святые места и весь исторический центр города с его памятниками, оказался под контролем государства Израиль, которое вопреки резолюциям ООН перенесло туда столицу из Тель-Авива (буквально «Холм весны»: еврейский город, основанный переселенцами в начале XX века близ древнего арабского города Яффа). Появилось множество вариантов решения иерусалимской проблемы — от предложения палестинцев сделать единый город столицей двух отдельных государств — израильского и палестинского — и резиденцией их правительств (по примеру Рима и Ватикана после соглашения 1929 года), до идеи, выдвинутой Ватиканом (и решительно отвергаемой евреями всего мира) о некоем подобии интернационализации Иерусалима. Решение найти нелегко, но оно жизненно

необходимо; как показала история, то, что происходит в Иерусалиме, влияет на события во всем мире.

Арабо-израильский вопрос, демографические и экономические изменения, произошедшие в мире за последние два-три десятилетия, упадок международной роли европейских стран, наличие после 1989 года единственной сверхдержавы — США: все это глубоко повлияло на отношения между Европой и исламом.

Поражение арабских стран в арабо-израильской войне 1967 года сильно пошатнуло доверие мусульман к Западу, и таким образом отрицательно повлияло на перспективы того, что неверно назвали «секуляризацией» (или «модернизацией») ислама. Традиционалистские и радикальные настроения, также неверно называемые «фундаменталистскими», впервые проявились в 1920-х годах, преимущественно в Египте и северо-западной Индии. До недавнего времени они были едва заметны; их носители, различные течения и группировки, подвергались преследованиям со стороны модернизаторских, вестернизаторских и национал-прогрессистских режимов, которые правили в значительной части дар ал-ислама. Однако постепенно эти настроения усиливались, пока в 1979 году не настал переломный момент: «исламская революция» в Иране показала, насколько непрочны основания авторитарного и прозападного режима, установленного шахами из династии Пехлеви. К этому времени обострилась курдская проблема. Победители в Первой мировой войне начертили границы новых государств на Ближнем Востоке, но совершенно не учли существования Курдистана, горной области между Кавказом, Александреттским (Искендерунским) заливом и средним течением Евфрата, площадью около полумиллиона квадратных километров, населенной кочевниками-курдами, язык которых принадлежит к индоиранской группе. Область эта была поделена между Турцией, Ираном, Сирией и Ираком; вскоре после раздела она заинтересовала международные компании, желавшие использовать ее нефтяные ресурсы. Курды, разобщенные из-за проведения новых границ, а также из-за деления на многочисленные племена, тщетно пытались привлечь внимание остального мира к своей проблеме. Поскольку во время войны 1914–1918 годов они остались верны власти султана, их голос остался неуслышанным. Курды стали жертвой политики подавления и истребления, и терроризм, ставший орудием некоторых курдских группировок, казалось, является единственным средством противостояния такой политике; лишь начиная с 1980-х годов курдам удалось заставить прислушаться к себе международную общественность.

Среди множества исламских государств, образовавшихся или вновь появившихся на мировой арене во второй половине XX века, особую роль играют Иран, в 1979 году преобразованный в «Исламскую республику», и республики бывшего Советского Союза. В последних преобладают урало-алтайские народы (хотя велика и доля индоевропейских). Они входят в Содружество Независимых Государств во главе с Россией, но всегда находились под сильным влиянием пантюркистских настроений, что побуждало их обращать взгляд в сторону посткемалистской Турции, а там, где сильно влияние экстремистов, даже преобладают настроения в пользу создания «великого тюркского государства от Босфора до Памира». Настроения эти носят религиозную окраску и подпитываются «исламизмом» (термин, который следует предпочесть термину «фундаментализм»); одно из их проявлений — призывы вернуться к арабскому алфавиту, отказавшись от латинского или кириллического, насаждаемых при Советской власти.

В наши дни Европа больше не является центром мировой политики. Она по-прежнему остается значительной финансовой и экономической силой, но не обладает подлинно общеевропейскими институтами и неспособна проводить самостоятельный политический курс, не согласуя его со своим американским союзником. По отношению к правительствам и народам дар ал-ислама она занимает неуверенную и двусмысленную позицию, а тесные связи с Соединенными Штатами ограничивают независимость ее действий и оценок, когда речь идет о таких странах, как Иран, Ирак или Ливия. Общественность в Европе все еще очень плохо информирована о многих религиозных и культурных оόенностях исламского мира, и употребительные схематические определения (например, «светский» и «интегристский», как и прочие, столь же нечеткие) выглядят совершенно неадекватными. Скудная информация посредственного качества, которая заполняет средства массовой информации, в сочетании со стойкими — и абсурдным образом воспроизводящимися — предрассудками препятствуют формированию спокойного представления об исламе, отмеченного терпимостью.

Европа сейчас сталкивается с очередным «наступлением» ислама, происходящим в новой, весьма парадоксальной форме. Мусульмане, прибывшие в Европу, легально или нелегально, как правило, в поисках работы и лучших условий жизни для себя и своих семей, имеют самые зачаточные религиозные представления, однако их собственную идентичность и самосознание обусловливают представления культурные. Мусульмане в Европе в начале XXI века находятся в совершенно особой исторической ситуации. Впервые большие, однородные группы мусульман проживают за пределами дар ал-ислама, в странах, где не действуют законы шариата. К их неизбежно невыгодному — вследствие принадлежности к меньшинству — положению добавляется напряженность, вызванная исламской пропагандой и, до некоторой степени, террористической деятельностью фундаменталистских групп. Сюда следует добавить и проблемы, вызванные ростом мусульманских общин (отчасти — благодаря новообращенным европейцам), которые теперь уже достаточно велики, чтобы требовать официального признания со стороны властей.

«Третья волна» ислама, таким образом, не расширила границ дар ал-ислама. Однако исламскому миру следует прийти к соглашению с Европой, которая сейчас занимается трудным поиском самой себя, — с Европой сильной, но неустойчивой в социально-экономическом плане, испытывающей проблемы с собственной культурной идентичностью. «Ислам будет таким, каким сделают его мусульмане», — сказал в свое время египтянин Фуад Закария. Но и Европа тоже будет такой, какой сделают ее европейцы, — Европа, где число тех, кто следует закону Пророка, неуклонно растет.

ХРОНОЛОГИЯ

622, 24 сентября Хиджра (бегство) пророка Мухаммеда из Мекки в Йасриб (впоследствии названный Мединой, то есть «городом»).

632 Смерть пророка Мухаммеда в Медине.

638 Халиф Умар завоевывает Иерусалим.

639 Начало арабского завоевания Египта.

641 Арабы занимают Александрию.

647 Начало арабского завоевания Ифрикии (бывшей римской провинции Африка), завершившегося примерно к 705 г.

649 Му'авийа, наместник Сирии, нападает на Кипр.

655 Победа арабского флота над византийским в морском сражении при Финиксе.

711 Арабо-берберы начинают завоевание Пиренейского полуострова.

732, 25 октября Битва при Пуатье (общепринятая дата).

750 Переворот в арабском халифате. Приход к власти Аббасидской династии халифов.

756 Абд ар-Рахман из династии Омейядов основывает Кордовский эмират.

759 Франки изгоняют мусульман из Нарбонны.

762 Основание Багдада, новой столицы Аббасидского халифата.

797 Установление дипломатических отношений между Карлом Великим и Харуном ар-Рашидом.

801 Франки возвращают себе Барселону.

827 Начало завоевания Сицилии Аглабидами (завершено в 902).

827–961 Годы существования арабского эмирата на Крите.

833 Занятие мусульманами Палермо.

844 Нападение норманнов на Севилью.

846 Набег арабов на Рим.

847–871 Существование арабского эмирата в Бари.

849 Морское сражение между христианами и мусульманами в Тирренском море близ Остии.

859 Сожжение норманнами мечети в Альхеси расе.

870 Мусульмане занимают Мальту.

882–915 Мусульмане основывают базу в устье реки Гарильяно в Италии.

890–972 Мусульмане устраивают опорный пункт во Фраксинетуме (Ла Гард-Френе) на побережье Прованса.

902 Мусульмане захватывают Балеарские острова.

910 Основание в северной Африке шиитского халифата Фатимидов.

912 Начало проникновения мусульман в Поволжье.

915 Основание города ал-Махдия на побережье современного Туниса.

929 Эмир Кордовы Абд ар-Рахман III принимает титул халифа.

960–961 Византия возвращает себе Крит.

966 Датчане под предводительством Гаральда Синезубого осаждают Лиссабон.

969 Основание Каира.

982 Мусульмане наносят поражение германскому императору Оттону II у мыса Колонна в Калабрии.

985–1003 Неоднократные нападения мусульман на Барселону.

997 Войска Кордовского халифата под предводительством визиря ал-Мансура нападают на Сантьяго-де-Компостела и подвергают город разграблению.

1009 Халиф ал-Хаким из династии Фатимидов разрушает церковь Гроба Господня в Иерусалиме.

1015 — около 1021 Война Пизы и Генуи с Муджахидом, одним из мусульманских эмиров Испании.

1020 Нападение мусульман на Нарбонну.

1031 Падение халифата Омейядов в Кордове.

1034 Нападение пизанцев на город Бона в север ной Африке.

1062 Основание Марракеша.

1063–1064 Осада города Барбастро (близ Сарагосы).

1064 Кастильцы захватывают Коимбру.

1085, 6 мая Альфонс VI Кастильский захватывает Толедо.

1086 Войско альморавидов наносит поражение кастильцам при Саллаке.

1087 Нападение коалиции итальянских городов на мусульманский порт ал-Махдия.

1090 Занятие островов Мальта и Гоцо норманнами во главе с Рожером д'Альтавиллой.

1094, 15 июня Захват Валенсии христианами во главе с Родриго Диасом де Виваром (Сидом).

1095, 18–27 ноября Церковный собор в Клермоне (Овернь). Речь папы Урбана II, позже расцененная как призыв к «крестовому походу».

1095–1099 Первый крестовый поход в Сирию и Палестину.

1099, 10 июня Смерть Родриго Диаса де Вивара, «Сида» (с 1094 — правителя Валенсии).

1099, 15 июня Крестоносцы завоевывают Иерусалим.

1102 Альморавиды занимают Валенсию.

1108 Альморавиды одерживают победу над кастильцами при Уклесе.

1113–1115 Кратковременный захват Балеарских островов пизанцами и каталонцами.

1118, 19 декабря Арагонцы занимают Валенсию.

1145 1 декабря — Папа Евгений III издает в двух различных

1146 1 мая редакциях энциклику «Столькие предшественники» («Quantum praedecessores»), упорядочивающую правовые основания крестовых походов.

1147 13 апреля Папская энциклика «Божественное вознаграждение» («Divina dispensatione»).

1147, июль-август Поход германцев и датчан против вендов.

1147, 17 октября Захват христианами Альмерии.

1147, 24 октября Захват христианами Лиссабона.

1147–1148 Второй крестовый поход.

1148 Крестоносцы захватывают Тортосу.

1149 Мусульмане оставляют свои последние опорные пункты в Каталонии.

1157 Альмохады возвращают себе Альмерию.

1187 Победа мусульман при Хаттине (Галилея). Салах ад-Дин (Саладин) завоевывает Иерусалим. Папская энциклика «Услышав о страшном [приговоре]» («Audita tremendi»).

1187–1192 Третий крестовый поход.

1195, 19 июля Альмохады одерживают победу над кастильцами при Аларкосе.

1212, 17 июля Победа христиан над мусульманами при Лас-Навас-де-Толоса.

1217–1221 Пятый крестовый поход. Франциск Ассизский посещает султана Египта.

1229 Крестовый поход Фридриха II. Возвращение Иерусалима христианам по соглашению с султаном Египта ал-Маликом ал-Камилом.

1231 Кампания арагонцев по завоеванию Балеарских островов.

1232–1253 Кампания арагонцев по захвату Валенсии.

1236, 29 июня Фердинанд III Кастильский занимает Кордову.

1248, 23 ноября Фердинанд III Кастильский занимает Севилью.

1258 Монголы берут штурмом Багдад. Конец аббасидского халифата.

1267 Окончательное завоевание Португалии христианами.

1270, 25 августа Смерть Людовика IX Святого.

1274 Второй Лионский собор. Папская булла «За пламенную веру» («Constitutiones pro zelo fidei»).

1291 Падение Акры.

1340, 30 октября Альфонс XI Кастильский одерживает победу над войсками марокканского эмира при Рио-Саладо.

1344–1346 «Смирнский крестовый поход». Частичное занятие Смирны госпитальерами.

1355 Нападение генуэзцев на Триполи.

1365, 10–16 октября Штурм и разграбление Александрии войсками Пьера де Лузиньяна, короля Кипра.

1380 Дмитрий Донской, князь Московский, одерживает победу над монголами и их союзниками на Куликовом поле.

1388 Генуэзцы, пизанцы и сицилийцы занимают остров Джерба у берегов Туниса.

1389, 15 июня Разгром сербского войска на Косовом поле османским султаном Мурадом I, погибшим в сражении.

1390 Франко-генуэзская кампания против города ал-Махдия под предводительством Людовика II, герцога Бурбонского.

1396, 25 сентября Поражение крестоносцев в битве при Никополе.

1402 Разгром Тимуром турок-османов при Анкаре.

1405 Смерть Тимура.

1415 Завоевание португальцами Сеуты.

1444, 10 ноября Поражение крестоносцев в битве при Варне.

1448, 17–19 октября Османский султан Мурад II одерживает победу над венграми на Косовом поле.

1453, 29 мая Османский султан Мехмед II занимает Константинополь.

1456, 6 августа Янош Хуньяди занимает Белград в день Преображения Господня, который становится официальным праздником католической церкви.

1463 Начало отхода боснийцев от восточного христианства и богомильства и постепенное обращение их в ислам.

1470 Турки занимают остров Негропонте.

1471 Завоевание португальцами Танжера.

1475, 6 июня Турки занимают Кафу (совр. Феодосия).

1480 Воспользовавшись смутой в Золотой Орде, великий князь Московский Иван III приостанавливает выплату монголам дани.

1480 август, Нападение турок на Отранто и захват города. Учреждение инквизиции в Испании.

1481 3 мая Смерть османского султана Мехмеда II.

1492, 2 января Испанцы завоевывают Гранаду.

1497–1510 Испанцы захватывают несколько форпостов на североафриканском побережье между Мелильей и

Триполи.

1502 Распад Золотой орды на три ханства: Казанское, Астраханское и Крымское.

1504, 4 мая В Венеции Совет десяти обсуждает проект прокладки канала через Суэцкий перешеек.

1520–1566 Царствование османского султана Сулеймана I Великолепного.

1521, 30 августа Захват турками Белграда.

1522 Захват турками острова Родос и изгнание с него рыцарей-иоаннитов.

1526, 14 января По условиям Мадридского договора, французский король Франциск I обязывается оказать поддержку императору Карлу V в его крестовом походе против турок.

1526, 29–30 августа Победа турок над венграми при Мохаче.

1529, 10 сентября Турки занимают Буду.

1529, сентябрь - Осада Вены турками, октябрь

1530 Рыцари-иоанниты обосновываются на Мальте и в Триполи на североафриканском побережье. Сулейман I вверяет командование турецким военным флотом Хайр ад-Дину.

1534 Хайр ад-Дин подвергает разграблению побережье южной Италии и занимает Тунис, изгнав эмира — союзника испанцев.

1535 Франко-турецкое соглашение о капитуляциях.

1535, июнь-июль Тунисская кампания Карла V.

1536 Франко-турецкий союзный договор.

1538, сентябрь Хайр ад-Дин одерживает победу над соединенным папско-имперско-венецианским флотом при Превезе в Ионическом море. Османские силы занимают Аден с целью воспрепятствовать португальской экспансии в районе Индийского океана.

1540 Венеция заключает сепаратный мир с турками, согласно которому отказывается от своих последних укреплений на Пелопоннесе.

1541 Неудачное нападение Карла V на Алжир.

1543 Издание Библиандером (Теодором Бухманом) в Базеле труда «Полное описание жизни и учения Магомета, сарацинского князя, продиктовавшего исламский закон и Коран». Совместная осада Ниццы, занятой испанцами, французскими и турецкими силами.

1544 Триентский церковный собор. Выход в свет труда Гийома Постеля «О согласии во всех землях».

1546 Смерть Хайр ад-Дина.

1547 Андреа Аррившабене издает в Венеции первый в Европе нелатинский (итальянский) перевод Корана.

1550 июнь — Морская экспедиция Карла V против сентябрь ал-Махдии, базы корсара Тургута Али (Драгута).

1551 14 августа Сдача туркам Триполи, наместником которого назначается Тургут Али.

1552 Взятие русскими Казани.

1556 Взятие русскими Астрахани.

1560, март-июль Остров Джерба на краткое время переходит во владение крестоносцев.

1562, 15 марта Создание в Пизе морского рыцарского ордена св. Стефана.

1565 Безуспешная осада турками Мальты. Вторжение в Андалусию берберских корсаров, поддержанное местными морисками.

1566 Захват турками острова Хиос, принадлежащего Генуе.

1566, 30 августа Смерть Сулеймана I Великолепного.

1568 Адрианопольский договор между турками и Священной Римской империей.

1568–1570 Подавление испанцами восстания морисков.

1569 В Турции разрабатывается проект канала между Волгой и Доном для прохода судов из Черного моря в Каспийское.

1574 Потеря Туниса турками и вторичный его захват.

1572 Турецко-венецианская борьба за Кипр.

1571, 7 октября Морское сражение при Лепанто.

1578 Сражение между португальцами и марокканцами при ал-Каср ал-Кабир (Алькасарквивире). Гибель португальского короля Себастьяна.

1583–1587 Установление дипломатических и торговых отношений между Англией и Османской империей.

1593–1606 Война между Австрией и Турцией, завершившаяся Житваторокским договором.

1609, 9 декабря Королевский эдикт об окончательном изгнании морисков из Испании.

1622 Англичане при поддержке персов изгоняют португальцев с острова Ормуз.

1627 Вторжение берберских корсаров в Исландию.

1644–1669 Турецко-венецианская война, в результате которой к Турции отходит Крит.

1664, 1 августа Австрийский фельдмаршал Монтекукколи наносит поражение туркам при Сен-Готарде на реке Рааб (Венгрия).

1669 Прибытие в Париж турецкого посольства, вдохновившее Мольера на написание сцены пожалования титула Журдену в «Мещанине во дворянстве».

1672–1676 Польско-турецкая война.

1677–1681 Русско-турецкая война.

1684 Война между Францией и алжирским беем.

1699 Война Турции с Австрией и Польшей.

1683, 17 июля — 13 сентября Осада турками Вены.

1684–1699 Война между Турцией и Венецией («Морейская война»).

1686 2 сентября Карл Лотарингский занимает Буду.

1687 25–27 сентября Венецианские бомбы разрушают Парфенон (использовавшийся турками как склад боеприпасов) и Пропилеи на афинском Акрополе.

1688 Сражение при Мохаче.

1691 Поражение турецкой армии при Сланкамене.

1691–1698 Священник Лодовико Марраччи издает Коран в собственном переводе на латинский язык, с комментариями.

1696 28 июля Взятие русскими войсками Азова.

1697 11 сентября Поражение турок под Зентой. В Париже выходит (посмертно) «Восточная библиотека» д'Эрбло де Моленвиля.

1699, 26 января Карловицкий мир.

1711, 21 июля Мирный договор между Турцией и Россией, согласно которому Турции возвращается Азов.

1715–1718 Война между Турцией и Венецией («Корфуская война»).

1716, 5 августа Победа Евгения Савойского над турками при Петервардене.

1718, 21 июля Пожаревацкий мирный договор (текст со ставлен на латинском и турецком языках).

1722–1727 Русско-турецкое военное противоборство на Кавказе.

1729 Первая книга, напечатанная на турецком языке стамбульской типографией (закрыта в 1742, вновь открыта в 1784).

1736–1739 Война Турции с Австрией и Россией.

1739, 18 сентября Белградский мир.

1742, 9 августа Первая постановка трагедии Вольтера «Магомет».

1768–1774 Русско-турецкая война.

1774, 21 июля Кючук-Кайнарджийский мир между Россией и Турцией.

1781 Русско-австрийское соглашение о разделе Османской империи.

1783–1792 Русско-турецкая война.

1792 Ясский мир между Россией и Турцией.

1798 Египетский поход Наполеона Бонапарта.

1801 Присоединение к России Грузии.

1804 Присоединение к России Армении и Азербайджана.

1816, 9 апреля Франсуа-Рене де Шатобриан, выступая во французской Палате депутатов, предлагает предпринять «решающий крестовый поход» против арабов Северной Африки.

1821 Антиосманское восстание в Греции. Греко-турецкая война.

1826 Роспуск янычарского корпуса.

1830 Захват Алжира французами.

1839 Под нажимом европейских держав османский султан Абдул-Меджид I объявляет о начале политики танзимата (реформ).

1853–1856 Крымская война.

1856 Парижский договор и «декларация о гарантиях» целостности и независимости Османской империи со стороны Франции и Великобритании. Начало притока в Турцию европейских капиталов.

1859–1869 Строительство Суэцкого канала.

1864–1865 Туркестанская экспедиция генерала Черняева, завершившаяся взятием Ташкента и образованием Туркестанской области в составе России.

1876 Королева Виктория принимает титул императрицы Индии. Принятие первой турецкой конституции, вскоре отмененной султаном Абдул-Хамидом II.

1878 Берлинский конгресс и «переустройство» Балканского региона.

1880 Афганский эмир Абдуррахман отказывается от права на самостоятельные внешние сношения в пользу Великобритании.

1881 Захват Туниса французами.

1881–1899 Антиегипетское восстание махдистов в Судане. После поражения махдистов Судан становится англо-египетским протекторатом.

1898 Германский император Вильгельм II совершает поездку по Османской империи, посещая в том числе Иерусалим. В Дамаске он провозглашает себя «другом и защитником 300 миллионов мусульман Османской империи».

1903 Начало строительства железной дороги Берлин-Багдад (Багдадская дорога).

1905 В Индии образована провинция Бенгалия с преимущественно мусульманским населением.

1906 Альхесирасская конференция. Германия признает «особые интересы» Франции в Марокко.

1907 Англо-русский договор о разделе Персии на сферы влияния.

1908 Военный мятеж в Салониках под руководством Энвера-паши: начало младотурецкой революции. Аннексия Австрией Боснии и Герцеговины.

1912 Итало-турецкая война. К Италии отходят Триполитания и Киренаика, объединенные затем в колонию Ливия.

1913 Балканские войны.

1914–1918 Первая мировая война.

1916 Соглашение Сайкса — Пико о разделе территорий Османской империи, населенных арабами, между Францией и Великобританией.

1917 Декларация Бальфура: одобрение британским правительством создания «еврейского национального очага» в Палестине.

1919 Начало национально-освободительного движения в Турции во главе с Мустафой Кемалем.

1920 Палестина становится подмандатной территорией Великобритании.

1920–1922 Греко-турецкая война.

1920–1926 Англо-американо-французский конфликт из-за нефтяных месторождений в районе Мосула, урегулированный конференцией в Сан-Ремо (1920) и Мосульским договором (1926). Акции Иракской нефтяной компании делятся между тремя странами, контрольный пакет сохраняет Великобритания.

1921 Эмир Фейсал провозглашен королем Ирака; его брат Абдалла становится королем Трансиордании.

1922, 1 ноября Ликвидация султаната в Турции.

1923–1938 Мустафа Кемаль устанавливает в Турции национально ориентированный, светский и модернизаторский режим.

1924 Ликвидация халифата и роспуск исламских судов в Турции.

1925 Мохаммед Реза Пехлеви становится шахом Ирана и устанавливает в стране авторитарный режим. Начало процесса модернизации в Иране.

1928 В Египте шейх Хасан ал-Банна основывает группу «Мусульманское братство».

1930 Основание в Соединенных Штатах движения «Черные мусульмане».

1932 Хиджаз и Неджд объединены в королевство Саудовская Аравия под властью Абд ал- Азиза ибн Сауда.

1948–1949 Провозглашение государства Израиль. Первая арабо-израильская война.

1954 Заключение договора о совместной обороне между Египтом, Сирией и Саудовской Аравией.

1954–1962 Освободительная война в Алжире против французского господства.

1956 Суэцкий кризис. Провозглашение Исламской республики Пакистан в составе Британского Содружества.

1967 «Шестидневная война». Весь Иерусалим, включая святые места, переходит под контроль Израиля.

1969 Столкновения между индусами и мусульманами в Ахмадабаде (Индия).

1969, сентябрь Конференция лидеров мусульманских стран в Рабате.

1971, 3–17 декабря Индо-пакистанская война. Восточный Пакистан получает независимость под названием Бангладеш.

1971–1972 Образование Объединенных Арабских Эмиратов.

1973, май Муаммар Каддафи, лидер Ливии, заявляет, что ислам — «дорога к социальной революции».

1974 Конференция лидеров мусульманских стран в Лахоре.

1975 Столкновения между турецкой и греческой общинами на Кипре.

1976 Гражданская война между христианами и мусульманами в Ливане.

1979, март Подписание мирного договора между Израилем и Египтом (Кэмп-Дэвидские соглашения).

1979, 1 апреля Аятолла Рухолла Мусави Хомейни провозглашает Исламскую Республику Иран.

1979, май Страны, входящие в Организацию Исламская конференция, временно исключают из ее состава Египет после Кэмп-Дэвидских соглашений.

1980 Ввод советских войск в Афганистан.

1988 Ирано-иракская война.

1980 Отмена рабства в Мавритании. Государство Израиль объявляет об аннексии Голанских высот, принадлежащих Сирии, и района к северо-востоку от Тивериадского озера, принадлежащего Ливану.

1982 Христианские ополченцы в Ливане предпринимают массовое уничтожение палестинских беженцев в лагерях Сабра и Шатила. Восстание в городе Хама (Сирия), организованное «Мусульманским братством».

1982 май В Афганистане крупнейшие исламские организации объединяются в «Исламский союз муджахедов Афганистана».

1983 апрель Нападение боевиков из шиитской группировки «Исламский джихад» на посольство США в Ливане.

1984 Организация Исламская конференция большинством голосов (за исключением Сирии и Ливии) выступает за восстановление членства Египта. Столкновения между индуистскими экстремистами и мусульманами в Бомбее.

1985 октябрь Налет израильских ВВС на штаб-квартиру Организации освобождения Палестины в Тунисе.

1986 США вводят санкции против Ливии и наносят авиаудары по ливийской территории.

1986 20 октября Создание «Центра проповеди ислама» («Марказ Дава уль-Иршад») в Карачи (Пакистан).

1988 Столкновения между просирийскими («Амаль») и проиранскими («Хезболла») группировками в Ливане. Восстание палестинцев на оккупированных Израилем территориях (интифада).

1989 Полный вывод советских войск из Афганистана.

1989 4 июня Смерть аятоллы Хомейни. Египет вновь вступает в Лигу арабских государств.

1990 июль Начало Кувейтского кризиса.

1990, август Конференция лидеров мусульманских стран в Каире осуждает иракское вторжение в Кувейт.

1991–1992 В Алжире на выборах побеждает Исламский фронт спасения. В стране происходит военный переворот, результаты выборов отменяются.

1993 9–13 сентября Заявление государства Израиль и Организации освобождения Палестины о взаимном признании. Подписание в Вашингтоне «Декларации о принципах независимости оккупированных территорий».

1994 май Гибель около 800 паломников в Мекке в результате несчастного случая.

1994, 25 июля Иордания и Израиль подписывают соглашение и тем самым прекращают состояние войны между двумя странами, длившееся с 1949 года.

1996 В Афганистане приходит к власти фундаменталистское исламское движение «Талибан».

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Этот список не претендует на то, чтобы называться исчерпывающим. В нем нет многих важных трудов, включить которые оказалось невозможным из-за их слишком узкой тематики. По воле издателя, в списке присутствуют лишь немногие работы общего характера.

Противостояние Европы и ислама в историческом аспекте можно рассматривать с разных сторон. Укажем лишь важнейшие работы: L'Occidente di fronte all'Islam, a cura di S. Allievi, Roma, s. d.; F. Cardini,Noi e l'Islam, Roma — Bari, 1994; W. Montgomery Watt,Cristiani e musulmani, trad, it., Bologna, 1994; B. Lewis,L'Europa e l'Islam, Roma — Bari, 1995; E. Pace, Islam e Occidente, Roma, 1995. Много интересных сведений общего характера можно почерпнуть в книгах: P. Brown,La formazione dell'Europa cristiana, trad, it., Roma — Bari, 1995; J. Fontana,L'Europa alio specchio, trad, it., Roma — Bari, 1995; M. Mollat du Jourdin,L'Europa e il mare, trad, it., Roma— Bari, 1993. См. также: M. Rodinson,Entre Islam et Occident, Paris, 1998.

Основные работы по истории Европы и ислама в Средние века: A. Ducellier, Chretiens d'Orient et Islam au Moyen Age. VIIe— XVe siecle, Paris, 1996; Medieval Encounteers. Jewish, Christian and Muslim Culture in Confluence and Dialogue, 5 vol., Leiden — London — Boston, 1999.

О периоде, предшествующем крестовым походам, см.: L'Occidente e l'Islam nel'Alto Medioevo (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'Alto Medioevo, XII), Spoleto, 1965; M. Lombard, L'Islam dans sa premiere grandeur, Paris, 1971; R. Hodgres, D. Whitehouse, Mahomet, Charlemagne and the Origins of Europe, London, 1983.

Об отношении к исламу в средневековой Европе см.: W. Southern, Western Views of Islam in the Middle Ages, Cambridge, Mass..

1962; N. Daniel, Islam and the West. The Making of an Image, Edinburgh, 1980.

Об арабской культуре и ее влиянии см.: J. Vernet, Ce que la culture doit aux arabes d'Espagne, Paris, 1985; D. Jacquart, F. Micheau, La medecine arabe et I'Occident medieval, Paris, 1990.

О мусульманской Испании см.: P. Guichard, Structures sociales «orientates» et «occidentals» dans I'Espagne musulmane, Paris- La Haye 1977.

О «предыстории» восприятия ислама в средневековой Европе см.: A. D. Ancona,La leggenda di Maometto in Occidente, nuova ed. a cura di A. Borruso, Roma, 1994.

О роли Венеции в Средние века и в Новое время см.:Venezia centro di mediazione tra Oriente e Occidente (secoli XV–XVI). Aspetti e problemi, a cura di H. G. Beck, M. Mamoissacas e A. Pertusi, 2 vol., Firenze, 1977.

Общее представление о битве при Лепанто дает книга: J. Beeching, La battaglia di Lepanto, trad, it., Milano, 1989. О берберских корсарах см.: J. E. Humbert, G. Vieusseux,Les Barbaresques et les Chretiens, a cura di L. Neppi Modona, Firenze, 1983.

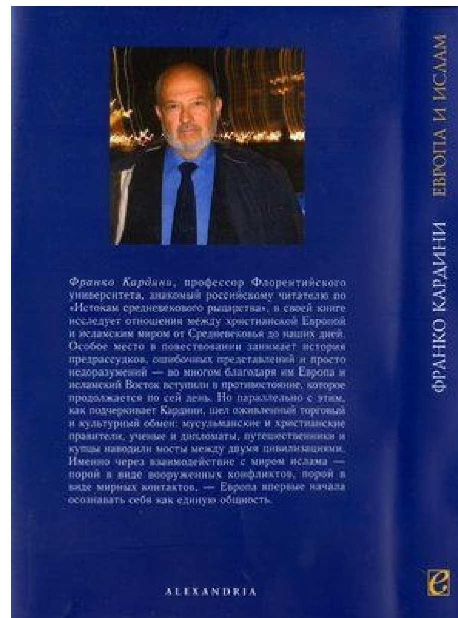
О связях Европы с Турцией первоначальное представление дает работа: A. Pertusi, / primi studi in Occidente sull'origine e la potenza dei turchi, inStudi veneziani, XII, 1970. См. также каталог дрезденской выставки 1995 года: Im Lichte des Halbmonds. Das Abendland und der türkische Orient, Dresden, 1995; его же рекомендую для общего знакомства с проблематикой ориентализма.

О связях Османской империи с Россией см.: A. Ferrari, La Russia tra Oriente e Occidente, Milano, 1994.

О палестинских святых местах см.: N. Bux, F. Cardini, L'anno prossimo a Gerusalemme, Milano, 1997.

О взаимотношениях мира ислама и Европы в наши дни см.:L'Islam in Europa, a cura di S. Ferrari, Bologna, 1996; об особенностях современного ислама: M. Katami,Religione, libertä e demo- crazia, Roma — Bari, 1999.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН


Франко Кардини, профессор Флорентийского университета, знакомый российскому читателю по «Истокам средневекового рыцарства», в своей книге исследует отношения между христианской Европой и исламским миром от Средневековья до наших дней. Особое место в повествовании занимает история предрассудков, ошибочных представлений и просто недоразумений — во многом благодаря им Европа и исламский Восток вступили в противостояние, которое продолжается по сей день. Но параллельно с этим, как подчеркивает Кардини, шел оживленный торговый и культурный обмен: мусульманские и христианские правители, ученые и дипломаты, путешественники и купцы наводили мосты между двумя цивилизациями. Именно через взаимодействие с миром ислама — порой в виде вооруженных конфликтов, порой в виде мирных контактов, — Европа впервые начала осознавать себя как единую общность.
ALEXANDRIA
ФРАНКО КАРДИНИ
ЕВРОПА И ИСЛАМ

Примечания

1

Lewis B. L'Europa e I'Islam, Roma — Bari. 1995, p. 5–6, passim. — Прим. авт.

2

«Крайний запад» (араб.) — территория северо-западной Африки. (Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примечания переводчиков.)

3

Великое переселение народов (нем.).

4

Монофелитство — учение, распространенное в Византии в VII в. Согласно нему, Иисус Христос обладал двумя природами (божественной и человеческой), но лишь одной волей (божественной).

5

Австразия — восточная часть Франкского королевства.

6

Здесь и далее для царствующих особ в скобках приводятся годы правления.

7

Фема — военно-административный округ, крупнейшая территориальная единица в Византийской империи. Глава фемы, стратиг, обладал не только военной, но и гражданской властью.

8

F. Kampfer, Russi e slavi occidentali, in АА. УУ., Storia d' Еигора, Il medioevo, а сига di G. Ortalli, Torino, 1995, р. 620. — Прим. авт.

9

F. Kämpfer, op. cit., p. 609. — Прим. авт.

10

Один из мертвых италийских языков, распространенный в древности на Сицилии.

11

Умение наслаждаться жизнью (фр.).

12

Al-Maqqari, Anecdotes sur l'histoire et la literature des arabes d'Espagne, a cura di R. Dozy, I. Krehl, W. Wright, II, Leiden, 1861, pp. 674, 678. — Прим. авт.

13

Гази — представители приграничных тюркских племен Малой Азии, активно боровшихся с христианами.

14

«Деяния Господа через франков» (лат.).

15

Любовь к далекой земле (прованс.).

16

Gregorii PP. VII Registrum, 1. III, ep. CL, ed. E. Gaspar, M.G.H., Epistolae selectae, pp. 287–288. — Прим. авт.

17

Willelmi Malmesbiriensis, De gestis regum Anglorum, ed. W. Stubbs, in Rerum Britannicarum Scriptores, XC, p. 230. — Прим. авт.

18

Regula поп bullata, XVI, in Fonti francescane, Assisi, 1986, pp. 21–42. — Прим. авт.

19

Терциарий — мирянин, связанный с определенным монашеским орденом и выполняющий часть его обетов.

20

Псалтирь, 50: 19 (51: 20).

21

Враг креста (то есть христианской церкви) — враг Европы (лат.).

22

R. Fubuni, Italia quattrocentesca, Milano, 1994, p. 197. — Прим.*авт.*

23

Исидор Киевский — последний русский митрополит греческого происхождения, убежденный сторонник церковной унии, которую безупешно пытался ввести в русских землях.

24

E. S. Piccolomini, cit. in J. Delumeau, La paura in Occidente (secoli XIV–XVIII), trad, it., Torino, 1978, p. 405. — Прим. авт.

25

Банк Сан-Джорджо (Св. Георгия) — крупнейший генуэзский банк, занимавшийся международными операциями в крупных масштабах.

26

В 1450 г. кондотьер Франческо Сфорца, правивший в Милане с 1447 г., провозгласил себя миланским герцогом.

27

G. Pistarin, La politica sforzesca nel Mediterraneo Orientale, in AA. W., Gli Sforza a Milano e in Lombardia e i loro rapport i con gli Stati italiani ed europei (1450–1535), Milano, 1982, p. 343. — Прим. авт.

28

Висконти — династия миланских герцогов, последний представитель которой передал власть в герцогстве своему приемному сыну Франческо Сфорца.

29

По мирному договору, заключенному в Лоди (1454), государства Итальянской лиги, выступавшие против Франческо Сфорца, признали его права на герцогскую корону.

30

Cfr. La caduta di Constantinopoli. L'eco nel mondo, Roma — Milano, 1976, pp. 142–149. — Прим. авт.

31

«Четыре угла» (i quattro cantoni) — старинная итальянская игра. На земле рисуется квадрат. Четыре игрока занимают его углы, в то время как пятый становится в середину. Он должен успеть занять один из углов, когда четверо остальных меняются местами. Оставшийся «без угла» считается проигравшим, занимает место в центре, и игра возобновляется.

32

La caduta di Costantinopoli. L'eco nel mondo, Roma-Milano, 1976; p. 99; cfr. anche P. E. Russell, Portugal, Spain and the African Atlantic 1343–1490. Chivalry and Crusade from John of Gaunt to Henry the Navigator, Aldershot, 1995. — Прим. авт.

33

Троянцы и турки (староитал.).

34

Разновидность рыцарского турнира.

35

О, ожидаемая на небе, блаженная и прекрасная (um.) — Петрарка. Книга песен. XXVIII.

36

Cit. in R. Menendez Pidal, Formation del fundamental pensamiento politico de Carlos V, in AA. VV., Charles V et son temps, Paris, 1958, p. 2. — Прим. авт.

37

Откровение Иоанна, 12:1. — Прим. авт.

38

Морской орден св. Стефана был создан в 1561 г. с целью борьбы против мусульман.

39

Пер. Н. М. Любимова.

40

J.-E. Humbert, G. Vieusseux, Les barbaresques et les Chretiens (seguito da G. Vieusseux, Extrait d'une lettre du Lazareth de Livourne), a cura di L. Neppi Modona, Firenze, 1983. — Прим. авт.